

18+

АНДРЕЙ МАЯКОВ

ИДЕЯ ДЛЯ ЖИЗНИ

БЕЛЫЙ

Андрей Маяков

Идея для жизни

«Издательские решения»

Маяков А.

Идея для жизни / А. Маяков — «Издательские решения»,

В городе, где искусственный интеллект знает о каждом больше, чем он сам, один человек боится умереть забытым, другой — прожить жизнь чужой копией, третий — не найти свою дорогу. Им придётся решить, что важнее: слава или семья, месть или прощение, привычный мир или свобода. И понять, можно ли победить собственную тьму, если выбор давно сделан за тебя. Поможет ли в этом свет, что несёт герой из преданий, или встанут на пути тени иного мира?

© Маяков А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	22
Глава 4.	35
Глава 5.	48
Глава 6.	64
Глава 7.	81
Глава 8.	104
Глава 9.	120
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Идея для жизни

Андрей Маяков

Редактор Надежда Багазеева

Корректор Надежда Багазеева

© Андрей Маяков, 2026

ISBN 978-5-0070-8640-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тропинка в будущее (воскресенье, 21 горзэма)

Из-под пушистого снега будто выглядывал «парус» спинозавра. Длинные заострённые шипы с белёсой перепонкой возвышались над закусочной, искрились в огнях полуденного солнца.

Ветер подхватил колкие снежинки и разогнал их по улице, атакуя невинных прохожих, спешащих перекусить, и многоэтажный бетонный панцирь — многоквартирный дом.

Мальчик в заношенной куртке со значком первоклассника на груди с удовольствием вообразил безжалостный штурм: как древний анкилозавр встаёт на задние лапы и бесстрашно ждёт мчащуюся навстречу смертельную выюгу.

«Покажем врагу нашу стойкость!»

Что-то мигнуло сбоку, и он повернул голову. Ахнув от боли, Волек тут же зажмурился, сжался. Худенькое лицо сморщилось от холода. В выползшие из-под шапки чёрные кудри набились снежинки. Две родинки на правой щеке оказались под непрекращающейся зимней атакой.

Восстановив дыхание, терпя непогоду, он приоткрыл глаза.

В конце улицы, где простиралась безграничная даль, куда он боялся заходить, отчаянно сопротивлялись порывам мелкие квадрокоптеры с алыми винтами. Сигнальные огни, как маленькие инопланетные корабли, рассекающие поле астероидов, маневрировали, боролись за свои жизни.

Из закусочной разнёсся лёгкий аромат свежесваренного какао.

«Какао, ради которого стоит жить!»

— Эй, мальчик. Чего скручулился? Замёрз в лёгкой курточке на ветру?

Щёки горели. Холод зубами впился в пальцы рук.

— Нет.

«Опасность! Незнакомец с красной полосой на куртке!»

В двух шагах от Волека, широко расставив ноги, возвышался мужчина. Он пытался отпить из стакана с помощью трубочки, но в той уже образовался лёд.

— Врать нехорошо. Но я тебя прошу, если... — ломая лёд, мужчина надавил на стакан излишне сильно, и содержимое брызнуло на алую горизонтальную ленту, рассекающую пуховик на две неравные части. — Вирусная сеть! Мерзость! Не пугайся. Зайдём в «Подбитый когт», купим нам какао, а заодно расскажешь, почему ты, молодой человек, в это время не в школе.

Запах напитка играл в горле и стягивал живот Волека.

«Убежать, добраться до острова с какао и спрятаться! Ой-ой, путь перекрывается!»

Мальчик приметил ещё одного мужчину с алой лентой, вываливающегося из закусочной.

«Перейти в режим ускорения!»

Волек сиганул с центральной дороги на знакомые тропы.

Ботинки словно черпали энергию от дышащей холодом брусчатки, разгоняя от подошв маленькие вихри. Позади остались двое гвардейцев, была преодолена огненная тропинка из лавового кирпича, обогнан десяток квадрокоптеров, доставляющих товары, и бесчисленное множество сверкающих экранов со скучными объявлениями, кривыми лицами и будоражащими роликами про нарушение законов.

«Замедлить ход! Подать энергию на внимание!»

На ватных ногах мальчик пересёк границу «хребтов спокойствия» — островка иного мира среди нависших серых многоэтажек.

Вычищенный от снега знакомый парк гостеприимно защищал от ветра. На высоких пластиковых оградах транслировалось видео с танцующими на коньках девушками. В центре площади под куполами зеленели сонные кустарники. Прозрачную защиту обрызгивал шестипропеллерный дрон, живущий рядом в небольшой башенке.

Горло жгло от холода, зато пальцы рук и грудь наполнялись жаром.

Волек искал на ограде загадочные взгляды незнакомых людей, но внимание постоянно цеплялось за бегущую строку, манящую скрытым смыслом: «ТВ** И**Я. Т*О* *ДЕЯ. Т*ВОЯ ИД**.

Обернулся и просканировал опытным взором тропинки.

«Погоня сброшена. И Юманита ничего не увидела! Курс на штаб!»

Прокравшись между двумя жилыми зданиями, Волек присел у бокового входа заброшенного маркета, единственной гордостью которого остался чудом нетронутый плакат с волнистой бутылкой и этикеткой на незнакомом языке.

Отодвинув нужную доску, мальчик пролез в свой штаб. Уже внутри дёрнул за привязанную верёвку, и проход закрылся.

Солнечные лучи через неплотно прибитые доски на окнах рассекали влажный воздух. Пылилась длинная столешница, а под ней выпускала тёплые волны через раз включающаяся система отопления. Шкафы напротив окон захватили разбитые машинки, однорукие и одноногие солдатики, обломки стёкол, камешки, блестящие упаковки и разного рода и вида пустые бутылки. В отдельной секции стояли обёрнутые в прозрачные мешочки затёртые полувыцветшие книги про динозавров, и будто каждый экземпляр был тысячу раз пересмотрен и изучен.

Недвижимая одноцветная барная стойка никогда не привлекала внимания, но сегодня на слое пыли сверху отчётливо виднелись маленькие следы.

«А где виновник?»

В центре помещения, у регулируемых по высоте столиков, остались лишь два дырявых пуфика и пластиковый стул. Рядом с ними, у решётки отопления, развалилась утеплённая заносенным свитером коробка, где, уже наострив уши, лежал удивлённый рыжий кот.

Достав из внутреннего нагрудного кармана сухой корм, Волек потряс им.

— Кирпичик, иди ко мне, пора обедать!

Кот Кирпичик выбрался из лежанки, уселся рядом со специальной миской, в которой любая еда становилась вкуснее, и начал бить коротким хвостом по полу.

«Бездомное животное в очередном поиске еды встретило злого робо-птеродактиля, охраняющего колбасный цех. Лишь хитрость усатого добытчика помогла разбить окно перед монстром, затем оторваться от него и вытащить палку колбасы. И в суматохе погони длинным когтём робо-птеродактиль оторвал большую часть хвоста».

Волек каждый раз представлял новую историю, описывающую потерю виляющей части питомца.

Пока кот ел, мальчик уселся на пуфик, провалившись в объятия старого поролон, вытянул ноги к решёткам отопления и выглянул в щель между досками — огромная картинка, проецируемая на соседний дом, привлекла его внимание. Звук с неотключаемого шипящего динамика, висящего снаружи на углу, разгонял апатию маркета.

Речь шла о школьных экзаменах, увенчивающих календарный год.

— Когда уже закончится? Не хочу ваши экзамены! Глупые и скучные профессии! Как же быть? Если у вас не будет моих тестов, то и выбрать для меня ничего не сможете!

Разговор в эфире переключился на важность, исключительность и мудрость Юманиты в делах, связанных с рекомендациями профессий. Скучные голоса мешали расслабиться и найти удобную позу.

Картинка же сменилась на весёлого юношу с длинными волосами, а затем на трансляцию игры.

— Ура! «Мёртвый Титан»! И играет Котефан! Мой любимый стример!

Под разноцветные активные кадры даже лежать стало мягче и теплее.

Под доску на входе залезла маленькая мохнатая голова с длинными ушами. Кирпичик зашипел. Голова исчезла.

Затрещал рекламный блок с новостями о скорых праздниках. Затем Юманита представила новый «расширенный набор» идей для жизни. А дальше молоко полилось в какао-масло, и уверенный голос пообещал, что горячий шоколад в кафе «Де Миранд» окажет неизгладимое впечатление и превзойдёт все идеи для жизни от Юманиты.

— Вау!

Ветер взметнул снег, и трансляция превратилась в мелькающие картинки на дне неправильного калейдоскопа.

Мальчик поднялся и зашагал к шкафам, протягивая руки к игрушечным солдатикам.

— А с калейдоскопом было весело — искорки крутились сами собой. Но мама его отобрала. А солдатиков отобрать уже не сможет. Кто тут у нас на посту? Капитан Заборчик примерз к полке. Второй помощник тоже. И третий. А четвёртый...

Верхняя часть туловища оказалась на уровне глаз, а нижняя часть осталась в шкафу.

— А где первый помощник? Кирпичик, ты не видел?

Не в силах побороть скуку, Волек погладил кота, вышел из штаба и отправился к новому приключению.

«Не дам глупым мыслям про экзамены пристыдить меня!»

На улице мальчик встретил механического доставщика. Робот-курьер старой модели ехал по расчищенной тропинке, одной гусеницей вываливаясь за её пределы. Низкопосаженная платформа с длинными руками обхватывала несколько коробок.

«Это вызов! Давай наперегонки!»

Забыв про экзамены, Волек устремился к незадачливому курьеру, огибающему прохожих по снежным горкам.

На пешеходной зоне Социалистической улицы робот был застигнут врасплох группой людей, которые лазерными указками проецировали букву «ш» на стены зданий, припаркованные машины, робота-курьера, гелевые сумки мимоидущих граждан и красные полосы гвардейцев, ритмично шагающих позади.

— Идея — это жизнь! Наука — это жизнь! Вокавья — это жизнь!

Волек, не рассчитав траекторию, врезался в робота-курьера.

«Не хотел. Вышло случайно! Нечаянно!»

Одна из коробок выпрыгнула к ногам мужчины с лазером.

— Товарищи гвардейцы, авария! Сейчас исправим. Стало лучше, чем было. Езжай, гусеничка. Мальчик, хочешь стать частью вокавья? Вступай к нам, сведём с идеей, звучащей в твоей душе!

Повышенное внимание утомило мальчика и словно невидимой подушкой ударило по лицу. Волек задыхался учащённо, отходя, пугаясь мелькающих лучей и заклинившего робота, не понимающего, как объехать человеческие ноги.

«Плохие гонки! Никогда больше не буду бегать за курьерами!»

— Не хочу быть частью. Надо убежать от вас.

— Тогда мчи. Но только не забывай про идею, мальчик.

Среди толкающихся людей мог затаиться велоцираптор, и Волек боялся наткнуться взглядом на хищника.

«Эвакуация с Титана. Отсчёт пошёл!»

Вновь дворы. Разлетелось больше квадрокоптеров, уносящих или топящих снег. На улицу вышли люди в спортивной одежде. На протянутые лопаты и просьбы помочь с уборкой Воек стыдливо отказывался и с каждым мгновением терял всё больше позитива из своих эмоциональных запасов.

Троица играющих одноклассников могла оказаться спасительным источником зарядки и восстановления спокойствия. Мальчики занимались стратегическим перетаскиванием снега и выяснением, у кого сколько сил.

Воек прислушался. Ребята говорили по очереди, но громче и активнее всех выступал мальчик с ссадиной над бровью.

— Мне бы твои перчатки, так я бы ледяную гору одной рукой мог двигать!

— Давай поменяемся.

— Мне мама запретила меняться!

— Пацаны, это же Воек!

Обнаружение застало Воека врасплох: челюсть онемела, а на ступни накинута тяжёлая пластина анкилозавра. Мальчик со ссадиной чуть ли не напрыгнул на Воека, тыча пальцем в две родинки на щеке:

— Зачем ты прогулял экзамен, дурень?

— Учительница обещала пожаловаться твоим родителям.

— А моя мама говорит, что жаловаться — плохо!

Преодолев онемение, расшевелив язык, мальчик со значком на груди ответил ребятам, обступившим его:

— Меня робот-курьер с дороги сбил.

— Врёшь!

— Моя мама...

— А потом велоцираптор охотился за мной.

Мальчик со ссадиной постучал себя по лбу:

— Воек, ну ты и балбес! Зато я сдал экзамен. И мне дадут лучшую идею в городе! В следующем году придёшь ко мне и будешь завидовать!

— А вот и не приду.

— Потому что тебя цап-цараптор схватит и в гнездо унесёт!

— Велоцирапторы не строят гнёзда!

— Давайте играть, пока не стемнело! Я в команде с Моманой, а Воек с Бастом.

— А почему я с Волеком? Так нечестно! Я сдал экзамены, а он нет. Лёня, ты завидуешь моим кудрявым волосам, да?

— Команды, приготовиться к постройке башен и защитных орудий. Затем готовься снежками сбивать орудия. О лучших защитниках Юманита снимет ролик!

— Ура-а-а!

Баст трудился за двоих, так как Волеку не давала покоя мысль, что скоро необходимо возвращаться домой. А за порогом не выстроить защитную башню от маминого крика.

— Волька, тащи тот кусок, установи перед воротами. Не хватай одной рукой!

— Воля — растяпа, Воля — лопата!

Заряд внутренней энергии приближался к нулю. Мальчик занялся лепкой снежков, но вместо плотных шаров боевой склад укомплектовывался будто пожёванными пельменями.

Завершилось строительство.

Этап обстрела орудий противника команда Баста начала с промаха от уставшего Воека, выронившего снежок. На следующих бросках мальчик проявил аккуратность, но сосредоточиться на прицельном огне не смог — попал по своему же орудию. Команда Лёни возликовала, уже начав праздновать триумф.

— Я же говорил, что нечестно!

— Да он специально! Мы расскажем про твой прогул! Да, ребята? Нас пригласят на стрим, и мы расскажем!

— И не стыдно ему!

— Не хотим больше играть с тобой!

— Дурень!

— Прогульщик!

— Мне мама запретила ругаться.

Не желая больше видеть никого из одноклассников, Волек понурил голову и побрёл ко второму штабу. В голове продолжала звучать мысль: «Зачем ты прогулял экзамен?» Вопрос казался могущественнее и страшнее любых велоцирапторов.

«И мама не отпустит спать, пока не услышит честный ответ. И не разрешит закончить спасательную операцию на острове-кровати: вызволение лазурных кубиков из плена злых бумажных человечков».

Опускающийся вечер зажигал на бетонных столбах светильники. Ветер клонил в сон. Перекрёсток и мягкий зелёный сигнал светофора добродушно встретили мальчика. Электронный голос объявил переход через Социалистическую улицу.

— Интересно, а где находится кафе «Де Миранд»?

Много спешащих людей. Волек побрёл в потоке, несущем к жилым домам и торговым точкам, потом, сцепив зубы, выбрался из толчеи на дремлющую парковочную зону.

Несколько припорошённых машин, гуляющие мамы с колясками. Волек опустил взгляд под ноги: среди отпечатков ботинок переливаются искрами кругленькие следы от лап животных. Но среди них не видно тех, которые бы могли принадлежать длинноухим зверькам с уса-той кошачьей мордочкой, помпончатым, как у кролика, хвостом и иногда проявляющимися пятнами на густой мягкой шерсти.

«Вот бы кого-нибудь приласкать. Только мама заругает. Коты, псы, хомяки, попугаи, коврики — никого нельзя приносить домой».

Над головой пролетел дрон, увешанный гнущимися экранами. Рекламиривалась какая-то новая одежда.

На одной старой машине тускнела потёртая надпись.

«Реклама трансформеров?»

— Н.е. д. Ой, т. Хми-ми. Ч. Е. Ск-ой. В. Ой. Ой. Не.

Прочитав лозунг вслух, мальчик с тревогой оглянулся по сторонам, но никому не было дела до его слов. Первый испуг ещё не схлынул, когда Волек заметил людей с алыми полосами, но те прошли мимо парковки.

Страх отступил. Взгляд поплыл по знакомой округе. По району будто пробежал рега-лицератопс, сдвигая ёлочкой непривлекательные девятиэтажки. Где-то за ними второй штаб, последний на пути к школе.

Волек задержался на парковке, разглядывая, как снегоуборочная машина уезжает вдаль. Там, где заканчивалась Социалистическая улица, начинался другой район. Особенный. В нём велась гигантская стройка. На её фоне девятиэтажки казались опавшими жёлудями перед необъятным деревом. На краю города, у самого ущелья, среди ограждений и гор из вспомога-тельных конструкций трудилось несчётное количество людей и техники.

«Огромная штукавина. Настоящее чудо света!»

От наслаждения видом отвлёк запустившийся блок новостей на растянутом над парков-кой экране. Рядом с фотографией девушки поплыли буквы, но на слух Волек воспринимал лучше.

— За деятельность против города Усаша Воронова может быть приговорена к смертной казни: закон о новой мере наказания ожидает рассмотрения в ближайшие недели. Юманита

уже дала предварительный прогноз: «Ягельскому правосудию необходим современный инструмент — смертная казнь!»

От последнего словосочетания Волек ощутил резкий удар холодом по коже.

— Если закон пройдёт, то правительству независимого города Ягельск потребуется закрыть глаза на принцип обратной силы.

На парковку зашла группа людей в чёрных одеяниях, громко требуя выйти из тени, прекратить доводить людей до нищенства ради строительства и дать всю власть Юманите.

Не вслушиваясь, о каком строительстве идёт речь, и выяснять, кто прячется в тенях, Волек свернул в вечерние дворы, где по секретной тропинке, увязая по колено в снегу, пробрался к заброшенной подстанции. Убрав десяток кирпичей, через образовавшийся проём он залез во вспомогательный штаб.

«Темно и холодно. Хочется кушать. Мало места. Надо оставшийся хлам сдать в утилизатор».

Вытащив из штаба кусок железа непонятной формы, заделав дыру, мальчик потянул тяжёлую штуку к урчащему утилизатору. Но у чёрного прямоугольника люди образовали хаотичную очередь. Не желая попадаться на глаза, Волек оттащил железку к обычной мусорке.

На поношенной курточке выскочило ещё несколько пятен и затяжек. Декоративная пуговица на груди отошла и повисла на ниточках.

Наклонив голову, вглядываясь в пуговицу, Волек обнаружил под ногами блестящий предмет.

«Чип-паспорт. Ничейный?»

Закинув на ладонь прямоугольную карту с двумя металлическими вставками, мальчик подумал, что честный поступок — вернуть документ. И для этого надо идти на контакт со взрослыми.

Подлетел робот-уборщик. Его длинные щупы никак не магнитились к краям ящика. Тогда робот поднялся выше и с ускорением врезался трёхпальными щупами в места креплений. Безрезультатно.

«Переохладил мозги. Бедненький».

Волек, совершив круг у мусорки, прогулявшись до утилизатора, где очередь уже исчезла, не найдя никого из городских служб, замер в нерешительности.

«Лежал ничейный. Кто нашёл, тот теперь и хозяин? Как настоящий взрослый. А если меня разыщет настоящий хозяин? Никому нельзя показывать. А если мне объявят смертельную казнь?»

По тропинке прошли юноша и девушка, не заметив мальчика, стоящего в тени.

«Не решился спросить. Подожду следующих».

К мусорке подбежала группа гвардейцев и начала рыться в баках, отгоняя переохлаждённого робота-уборщика. Испугавшись, Волек отошёл к ближайшим домам, где неспешно шагали женщина и несколько мужчин.

«Школьные учителя из параллельных классов!»

Падая в снег, мальчик искал в нём спасение от ненужных вопросов и упрёков.

«Тени от дома — друзья. Спасают. Путь свободен. Пора вылезать».

Где-то вдалеке сверкнул голубоватый луч. Не у чуда света, а с противоположной стороны города, там, где Волек никогда не был, где живут люди в форме, люди с улыбками и великими идеями. Мальчик вновь плюхнулся в сугроб, испугавшись необычного явления, и, лёжа в снегу, пришёл к удивительному для себя выводу:

«Обычно лучи идут от земли к небу, а в этот раз с неба искра упала на землю».

За радостью от пришедшей мысли и от отсутствия неприятностей от падения искры, мальчик не заметил, как заledenели руки и ноги.

«Пора домой! Денег на поездку нет, а на путь пешком уйдёт целая жизнь».

— Мальчик, а чего в снегу делаешь? Потерялся, родненький? Подойди-ка сюда!

Вопрос прозвучал со всех сторон одновременно. Не теряя времени, Волек начал рассекать сугроб в первом попавшемся направлении, крепко сжимая чип-паспорт, выплёвывая изо рта невкусный снег, воображая затаившихся под снежным покровом аллозавров.

На незнакомой территории всё казалось запутанным и неправильным. Одинаковые дома с однотипными светящимися лампами не желали давать ориентиры.

Глаза защищал стекающий пот. Лёгкая курточка не сковывала движения, но сил оставалось ещё на одно-два ускорения.

Вывалившись из снега на тропинку, мальчик с выпавшими из-под шапки чёрными кудрями чуть не врезался в зевающего гвардейца, рассматривающего на информационной доске скучные графики.

— Что? Откуда? Ну-ка иди сюда!

Рука махнула рядом с головой пригнувшегося Волека. Другая рука лишь вскользь ударила по болтавшейся пуговице.

— Хулиган, не сопротивляйся! Наказание будет строжайшим!

«Смертельная казнь!»

Набившийся в ботинки и под штаны снег охлаждал кожу и мешал убежать от гвардейца. Узкий проход между лавочками подарил несколько секунд форы. А в соседнем дворе Волек перекатился под грузовиком и юркнул в одну из двух арок в спаянных между собой домах.

«Удалось оторваться».

Волек решил, что проложить собственный путь рядом с мусорными контейнерами — это отличный манёвр, чтобы и аллозавров сбросить с хвоста.

«Начать прорыв».

Рядом с контейнером вновь что-то блеснуло. Любопытство приказало затормозить.

Мальчик уже был доволен сегодняшней находкой и на второе счастье никак не рассчитывал.

Нечто продолговатое и блестящее, заманчиво выглядывающее из-под свежего снега, пробуждало неумное желание провести исследовательскую экспедицию, даже если это может привести к столкновению с хищниками.

У арки зазвучал свисток.

Волек упал на колени и покрасневшими пальцами спешно раскидал снег. Находка оказалась крупной, с него самого, и завёрнутой во многослойную фольгу. Но в верхней части упаковки имелось несколько отверстий.

«Оно, что ли, шевельнулось?»

Трясущейся рукой Волек отёр пот со лба.

Звуки окружающего мира исчезли.

Просунув пальцы в отверстия, разорвал фольгу.

На фонарный свет предстали синеватые губы.

Оттянул второй край.

Годившаяся в одноклассники Волека девочка, будто из фантастического фильма, недвижно лежала с закрытыми глазами. Смертельная белизна её кожи высосала последние силы и эмоции из Волека.

В фонарный столб врезался незадачливый робот-уборщик.

Свет погас.

Глава 2.

Послание и вероятности (понедельник, 22 горзэма)

— Вот и прибыл почётный доктор Ягельска! Уважаемый Пимен Михайлович, рады, очень рады! Давно вас не было видно!

Я вновь поправил галстук — обязанность присутствовать на мероприятии раскалила нервы — и пожал протянутую руку.

— Всем порой необходим отдых.

Друг другу улыбнулись. Я — неискренне. Консьерж — миролюбиво. Его кривой нос вызывающе бросался в глаза.

— Скоро начнётся официальная часть мероприятия. Проходите... у жёлтых столиков — фрукты, у синих — сладкое, у красных — напитки, а на белых — закуски.

Гнусавый голос начинал раздражать, поэтому я отправился к ближайшему столу, где уже подчищали еду с белых подносов. Люди коротали время до начала официальной части мероприятия, беседуя о скучных проблемах. Я взял кусочек сыра и намеренно отстранился, чтобы не попасть в область сплетен, глупых идей, неправильных выводов и предвзятых мнений.

— Пимен Михайлович, поздравляю с открытием нового корпуса больницы.

— Благодарю. Только не помню вашего имени.

Мужчина с бородкой отмахнулся.

— Все ждут вашего возвращения к операционному столу, Пимен Михайлович.

— Прямо-таки все?

— Несомненно!

— Доброго вечера. Не слушай подхалимов. Они врут. Какие операции в твои годы? Я бы дал дорогу молодым. Признайся, твой потенциал иссяк, а для рутинной работы ты слишком горд, — вмешался в диалог мужчина в оливковом костюме и рубашке сложноопределяемого цвета, будто корицу смешали с мёдом: Ися Обручев — главный затейник и активист из вокавья.

Его наглая рожа с широкими скулами и заострённым подбородком меня бесила. Я решил ткнуть Обручева в его грехи:

— А не твои ли люди вчера устроили беспорядки на Социалистической улице?

— Это всё на благо народа в Ягельске. Смертная казнь должна вернуться в законодательство. Если считаешь нашу позицию глупой, то я был о тебе лучшего мнения.

Стоило огромного труда сдержаться и не врезать по активистской морде.

— И кто тебя вообще пригласил на торжественный ужин?

Наши взгляды пересеклись.

Мешки под его глазами, складки на блестящем лбу и седые линии на висках могли ввести в заблуждение. Ися не был стар. Я помню его первые шаги в общественных движениях около десяти-пятнадцати лет назад. Юный сорванец уже тогда никому не давал покоя, а теперь приобрёл магистерскую степень по высасыванию энергии.

— Друзья, не ссоримся. Я принёс выпить. Ися, какая симпатичная рубашка.

— Хоть кто-то заметил! Горчичного цвета, как мой характер. Вырвал из лап какого-то старика на онлайн-рынке.

Помощник Игорь вклинился между мной и Исей, предлагая взять бокалы. Я не отреагировал на алкоголь.

— Благодарю, но я сегодня предпочту только воду.

— Как удачно. Тогда я возьму две порции. Защитникам смертной казни нелегко в этом городе.

Вежливо улыбающийся помощник взял меня за руку:

— Вот и помирились. Пимен Михайлович, проследуем к соседнему столу.

Я не сопротивлялся. Мне была по душе забота и исполнительность Игоря, хотя ещё совсем недавно, года три назад, он не мог найти своего места в городе, скитаясь от организации к организации, выискивая не просто работу, а местечко около больших открытий. Он не стеснялся ни залысины на макушке, ни одеваться в простую одежду, в которой не за что было зацепиться взглядом, ни жить в однокомнатной квартирке на окраине города. Казалось, что верность и трудолюбие — девиз, высеченный над его кроватью. Ценный коллега, но до масштабного ремонта его обиталища я к Игорю больше не сунусь.

Мы заняли два свободных места за круглым столом. Присутствующие поздоровались, я в ответ несколько раз кивнул. Поправил тугой галстук. Скользнул рукой по любимому пиджаку в клеточку, чтобы частично унять стресс.

— Что у вас с голосом, Пимен Михайлович?

Я не понял вопроса и вопросительно взглянул на помощника, растирающего кисти.

— Будто бы горло пересохло от волнения, хрипите немного, — пояснил он участливо.

— Вздор, ничего подобного. Если только от здешнего нового ремонта сушит, — отговорился я, глотнул воды, призывая себя забыть про Обручева и в будущем не поддаваться на его провокации.

У входа произошла небольшая заварушка: не пустили внутрь какого-то гостя, забывшего пропуск. А может, и не забывшего: кожаная чёрная куртка на плотном теле, массивный лоб с высокой линией роста волос, большая самодовольная рожа с хилой бородой пробуждали во мне серию предрассудков о надёжности и порядочности такого типа людей.

— Что-то вы не радуетесь, Пимен Михайлович. Столько лет боролись, доказывая необходимость ещё одного корпуса под хирургические услуги, добивались разрешения, искали финансирование. А когда все трудности остались позади, то цапаетесь с Обручевым и сидите с мрачным видом.

— Не люблю бесполезные сборища, Игорь.

— Сегодня избрание нового главы больницы. Вас тоже могут назначить.

Я взглянул на помощника, чтобы определить: шутит он или нет. Не шутил.

— Моё призвание — это работа скальпелем, а не совещания и выдача распоряжений.

Игорь пожал плечами и осушил бокал красного. Я вспомнил о дочери и обещании купить ей новогодний костюм на праздничную вечеринку. Можно выбрать самому или поручить Игорю. Как бы узнать нужный размер?

Зазвонил телефон. Вызов от Марпы. Чтобы избежать ненужных вопросов и гундежа, отправил сообщение: «Занят. Перезвоню позже».

Галстук окончательно впился в шею. Узел от жены не дал себя развязать.

— Шишига бы её побрала! Задохнусь же.

Наконец удалось избавиться от удавки. Опасный аксессуар всучил Игорю. Пока оставалось время до начала церемонии, стоило узнать о ходе нашего плана:

— Из приглашённых все явились?

— Начальник завода имени Журавского не смог прибыть: Ермол Мезенцев занят урегулированием процессов. По официальным данным, произошёл инцидент на сборочной линии. Наши конкуренты из больницы имени Казаркевича в полном составе остались дома.

— Они что-то знают?

— Они самоуверенны.

— Воспользуемся их слабостью, лично поговорим с теми, кто входит в комиссию. Мы не можем допустить, чтобы приняли закон о смертной казни. Мой список встреч на неделю составлен?

— Да. Завтра утром едем в школу спасателей. Василий Борщевский — наша цель. Молодой директор. Любит порядок, дисциплину и деньги. Красив, успешен...

— Довольно. Благодарю.

Новость о неявке даже одного представителя из больницы Казаркевича утверждала догадку о бессмысленном времяпрепровождении на торжественном ужине. Из-за волнения пропал аппетит, даже вода отдавала горечью.

На сцену вскочил оживлённый мужчина в дорогом костюме. Густые чёрные волосы заблестели в свете прожекторов. Уверенные движения, расправленные плечи, дыхание полной грудью и обаяние, исходившее от аккуратных скул и округлого подбородка, на каком-то инстинктивном уровне располагали к себе. Он лет на десять моложе меня. Неужели я завидую его молодости и энергии? Статный красавец. Наверняка пересадил волосы. Богач.

Жёлтый шарф, обмотанный вокруг шеи густоволосого мужчины, привлекал внимание, создавая эпатажный образ. Поправив узенькие очки с жёлтыми дужками, он взял микрофон:

— Доброго вечера, уважаемые ягельцы. Начну с цитаты: «Если человек с пистолетом в руках скажет, что пришёл с миром, то его же обвинят во лжи». Не смешно? Прошу прощения, что отвлекаю от разговоров, в которых, вероятно, решается светлое будущее нашего города. Сейчас обращаюсь к тем, кто скучает. Давайте немного поиграем. Не переживайте, это недолго и увлекательно! Главным событием мероприятия, конечно же, будет объявление новой главы больницы, а затем его речь. Сразу отвечу на волнующий вопрос: результат голосования знает лишь комиссия, назначенная правительством, поэтому от меня требовать информации бессмысленно. А игра лёгкая. Давайте до объявления придумаем самую несуразную идею для жизни. Я буду странствовать между столиками, где и подслушаю остроумные варианты. Кто-то спросил про приз? Он секретный. Но без завышенных ожиданий! Договорились? Напоминаю, самая несуразная идея для жизни.

Знакомое лицо, где-то я его видел.

— Игорь, подскажи, пожалуйста...

— Ярослав Канев. Самый богатый человек в городе. Предприниматель, меценат.

— Вспомнил, даже до меня доходили слухи о его финансовых успехах. Я уверен, здесь нет людей, искренне любящих этого позёра. Но как ему улыбаются, как подлизываются!

Мужчина легко спрыгнул со сцены и с улыбкой вступил в диалог с красивой девушкой в облегающем платье, которая поправила завиток жёлтого шарфа.

— Игорь, закажи машину до дома.

— Вы так скоро?

— С меня достаточно. В этом цирке принимать участия не собираюсь.

Очередной вызов от Марпы.

Сбросил.

Вызов повторился. Если в такое время жена не легла отдыхать, значит, её опять беспокоят проблемы современной моды, или подорожание косметических процедур, или на сумочке вылезла нитка, и необходимо срочно ехать в Центральный район, иначе ей не с чем идти к подружкам.

— Отменяй машину. Я остаюсь. И прошу: отправь мне выступление стримера... Как же его? Дочь смотрит... Псача?

— Верно, в прошлый раз вы с дочерью обсуждали его выступление.

Точно, в прошлом году ей на день рождения устраивали большое музыкальное столкновение, где они с этим самым Псачем пели в караоке на очки.

— Вспомнил. Хлюповатый на вид, с личиком из рекламы омолаживающего крема, весь из себя манерный, облеплен ещё разными наклейками. Сейчас так модно среди молодёжи?

— Только среди стримеров.

— Он чуть старше моей дочери. Ему двадцать три? Двадцать пять? Молодые всячески увиливают от ответственности и взрослых решений. По нему видно, что привык жить только на лёгких деньгах.

— Отправил распоряжение. Запись вам передадут.

— Благодарю.

Легче терпеть напыщенные глупые рожи, чем выслушивать проблемы Марпы.

— Пимен Михайлович, вам бы поговорить с Купрой Сергеевной. После, так скажем, казуса, произошедшего с вами... — рекомендовал Игорь как будто исподволь. Не в первый раз.

— Без этого. В прошлом месяце я уже общался с Юсевой. Она обещала, что подумает. На минувшей неделе пытался вывести на разговор повторно, но без результата. По моему мнению, она боится взять ответственность за результат наших исследований, поэтому выберет в итоге атакующую позицию.

— А мы не готовы такую позицию ей предоставить.

— На что намекаешь? Исследования не останавливаются ни на один день. За последний год мои выходные можно пересчитать по пальцам одной руки!

— Не так громко, Пимен Михайлович. Лишь хотел напомнить, что мы выбились из изначальных сроков.

— Шишигу б на тебя за такие напоминания, — хотелось рыкнуть, но в горле запершило.

Мне стало не по себе от импульсивного всплеска агрессии. Так и дома, гляди, сорвусь. Всё с галстука началось: столько лет, а завязывать так и не научился. А Марпе хоть на эшафоте подрабатывай.

Юсева в строгом костюме — чёрный свободный верх, белый широкий низ — держалась уверенно. Разговаривая с меценатом Ярославом, не делала лишних движений и смотрела ему прямо в глаза. Стрижка каре шла этой женщине под сорок, ухаживающей за собой. Природа наградила её царственным разворотом плеч и пышной грудью, но ещё не настал такой день, когда Купра подчеркнула бы свои достоинства. Рядом с беседующими стихийно образовалась группа людей. Ярослав Канев вёл себя расслабленно, чем вызывал во мне пущее раздражение. У него в жизни проблем, что ли, нет? Невозможно же все проблемы решить деньгами? Будь у меня миллионы или миллиарды, смог бы я купить научное открытие или увековечить себя на ленте истории среди выдающихся учёных или хирургов? Нет. Зачем он сюда явился? Нужно перестать думать про Ярослава.

— Игорь, а рыдающего мужчину у сцены я должен знать? Правительственные животы его облепили, будто тот президент планеты, — переключился я на другого субъекта.

— Его зовут Эндрей Юров. Его дочь похитили.

— Разве не её вчера нашёл какой-то мальчик?

— Та другая. Похититель набрал обороты. Если в будущем так дело продолжится, то недалеко до комендантского часа или чрезвычайного положения.

— Во что превращается Ягельск?!

Люди за столом, услышав разговор о похитителе, подхватили тему.

— Жертвами становятся лишь девочки до десяти лет. Ещё не всех отыскивали, но у спасённых не нашли следов насилия.

— И они ничего не помнят о времени заключения.

Всмотрелся во встревоженные лица. Моей-то уже двадцать один исполнится, а у кого-то ещё в начальную школу ходят.

— Есть догадки, кто преступник? Игорь, гвардейцы что-нибудь сообщают о приметах?

— Без зацепок, Пимен Михайлович, — он развёл руками.

Остальные решили поиграть в детективов. Я не вмешивался.

— Возможно, это какое-то послание Юманите, правительству или целому городу разом.

— Послание? Зачем похищать девочек, а затем их возвращать невредимыми, при этом не выдвигая никаких требований и условий? Если и послание, то зашифрованное, кому-то конкретному.

— Ходил слух, будто из Малопогоста, что через ущелье, сюда маньяк пришёл. Там-то смертная казнь. Поймают — заказывай гроб. А у нас...

— Маньяки не путешествуют между городами. А вот в Лесном районе нашего города вполне мог остаться поехавший из старых докосмических времён. Чего смеёшься, Ися?

— А чего твой Лесовик? Столько лет сидел на пне, а теперь решил девочек похищать да обматывать в теплоизоляционную фольгу? Неувязочка.

— Мы сейчас поинтересуемся у светлой головы. Ярослав Александрович, можно вас на минуточку? Как думаете, кто преступник?

Улыбчивый меценат тут же выдал идею:

— Мне бабушка рассказывала про тёмных существ, раз в столетие приходящих из ущелья в Ягельск. Они прятались в тенях и ночью забирали молодые женские души. Тех, кто проходил испытания, возвращали. Но ежели из десяти хотя бы три оказывались недостойными, то существа насылали на город мор.

В повисшем молчании неприлично громкий смех Обручева оказался пугающим:

— Не прошу прощения. Такого рода бред невозможно воспринимать серьёзно. С вероятностной точки зрения — это крайне маловероятное событие.

— Ярослав Александрович, мы извиняемся за молодого человека. Он из вокавья. Вы же понимаете.

— Всё в порядке. Я лично знаком с его руководством. Фрол Вильсович уже рассказывал о движении штепов, отрицающих существование души и защищающих город от упадка, как они его представляют. Движение пару лет назад основал как раз товарищ Обручев. И я вижу его живой подвижный ум. Ися, поделитесь же своим предположением.

— Просто задумайтесь о наиболее вероятном сценарии — и всё станет ясно: орудует психопат, которому не досталась цель в жизни.

— Я же говорил. Живой ум, — Канев улыбнулся. — А переходя от грустной темы к заданной игре, готов выслушать нелепые идеи, которые Юманита никогда бы не предложила.

— Провести безостановочный стрим кругосветного путешествия.

— Махал Михалыч, так это полезная, а не дурная идея.

— Так с интересными подробностями, с показом всех потребностей.

— Ах вы старый шалун, Махал Михалыч!

— Создать цифровую версию себя, которая бы отвечала на звонки от тёщи.

— Зачтено.

— Провести конкурс красоты среди вырезанных аппендиксов.

— Принято.

— Целовать пальчики на ногах нового главврача больницы.

— Осторожнее, Ися. Пимен Михайлович ещё имеет шансы занять эту должность. Товарищ Эжвин, а у вас созрели какие-нибудь идеи?

— Правильнее будет ставить ударение на первый слог, Ярослав Александрович.

— Не хотел вас обидеть, Пимен Михайлович. Как могу загладить свою вину?

— Я вспомнил о вашем заявлении про исследования на людях. Вам правда кажется, что резать кокриков и тестировать на них лекарства — это то, к чему должна стремиться медицина в Ягельске? В городе, где трудились профессора Штерн и Калаченко, сумевшие одолеть ВИЧ.

— Вопрос дискуссионный и, несомненно, правильный. Так как обстановка не располагает к детальному рассмотрению, то предлагаю в будущем встретиться и уладить недопонимания, — Ярослав кивнул и переключился на других гостей, чтобы выслушивать их бредни про идеи для жизни.

Неспокойная предстоит жизнь с проигрывающей идеей. Если Казаркевичи уже наладили диалог с Ярославом Каневым, то позиция богача может оказать решающее воздействие на комиссию по закону о смертной казни. На общегородском голосовании от неё отказались двадцать лет назад, чтобы соответствовать европейским ценностям, и всё складывалось хорошо, но теперь кто-то вновь поднял тему. Банкиры? Кто же ещё! Завидно стало, что на той стороне ущелья, в Малопогосте, в городе из Соткамской республики Российской Федерации, закрыли большинство тюрем, чем разгрузили в свою пользу городской бюджет. А кто до этого продвинул закон, запрещающий использовать труд заключённых?

На сцену, горбясь и сутулясь, поднялся Эндрей Юров. Низенький, но крепкий, кожа светлая, будто прошедшим летом ни разу не попадала на солнышко.

Гости прекратили разговоры. Они внимательно изучали отца, переживающего большое горе. Опускающиеся тени заполняли глубокие морщины на усталом лице и формировали выражение, наполненное злостью.

— У меня для вас послание. Не только для тех, кто работает здесь, в больнице имени Истомина, кто пришёл на праздник. Хотя какой может быть праздник в такое время? — после вопроса губы ещё беззвучно шевелились. Указательный палец дёрнулся, чтобы указать на кого-то, но Эндрей вовремя остановил себя. — Послание равнодушным, молчаливым, эгоистичным, гордым и ещё капиталистичным! Богатые шутят, забавляются и открывают очередные торговые центры, а о нас, перебивающихся в квартале бедняков, никто не вспоминает. Мы не приносим им сверхдоход.

Многие отыскивали взглядом Ярослава Канева, до сих пор остававшегося на ногах. Он слушал Юрова, оперевшись на левую руку правой, кулаком поддерживая склоненную голову.

— Кто мы для правительства? Они разговаривали со мной, но только лишь для того, чтобы я не упоминал в интервью об устаревших камерах слежения и о сокращениях в рядах гвардейцев. Сколько их сейчас на улице? А какое число патрулей было неделю назад, месяц, год? — Юров оглядел зал как-то презрительно.

Шептания за столами стали громче. Загорелись экраны гаджетов. Я был уверен, что люди начали спрашивать у Юманыты точное число патрулей и численность гвардейского корпуса. После присвоения городу нейтрального статуса и вывода из Соткамской республики в ходе заключения мира с Разделённым Северным Королевством шесть лет назад, Ягельску запрещалось и до сих пор запрещается иметь полноценную армию. В том же мирном договоре Северная Карельская республика возвращалась Королевству. Но многие процессы до сих пор крепко связывали город с Россией, и даже жители Северного Королевства и Лаппинской республики, которая входила в состав Королевства двадцать семь лет назад, называли его русским.

— Пропала Райда Юрова! — голос несчастного отца буквально взлетел к потолку. — Шесть лет. Девочка со светлым добрым личиком. В синей курточке с несколькими пятнышками масла. Самое дорогое моё сокровище! Но как мы в Ягельске оберегаем и ценим самое дорогое?

Я захотел перекинуться парой слов с Игорем, но того не оказалось рядом.

— Вы не удивлены похищениями? Вы догадываетесь и ежедневно становитесь их соучастниками, безвольно плывя по течению. Вам мало послания! Необходима беда, катастрофа, нашествие тёмных сил, чтобы достучаться до вашей совести!

К микрофону подошла Купра Юсева.

— Нам очень жаль, Эндрей Ивукович. И мы вместе с вами. Мы верим в лучший исход. И когда найдётся ваша дочь... Да, обязательно найдётся... Больница имени Истомина окажет максимальную помощь вашей семье. Звоните мне лично.

— Честно? Не обманываете? Как же так? А почему не раньше? Мы пытались записаться... Теперь места и врачи найдутся?

— Конечно, Эндрей Ивукович. Если сейчас необходима финансовая помощь, то Ярослав Александрович готов её оказать.

— А мы встали в очередь на льготные лекарства. Нас не снимут?

— Мы обеспечим вас необходимыми медикаментами. И квартал бедняков получит внеочередную партию.

— Ещё хотел сделать послание Юманите, но не могу сдержать слёз.

Купра Сергеевна увела вновь расплакавшегося мужчину к столу.

Мне захотелось поддержать мужичка: сказать, что его печаль объяснима, что всё скоро наладится, и мы порой желаем счастья, смиряясь с любой ценой, забывая об иных путях, до которых надо лишь дотерпеть.

После неловкой паузы обстановка вернулась к привычному шумовому наполнению. Вновь зазвонил телефон.

— Я на открытии. Что-то срочное? Тебя тоже похищают?

На другом конце линии раздались гудки.

— Надеюсь, связь оборвалась до моих слов.

Пришло сообщение:

«Не могу дозвониться. Дочь уже дома. Ужин съели. Еды нет. Закажи, если поедешь голодным. На Серебряной аллее обновление ассортимента. Когда сможем выбраться?»

— Марпа, ты слишком предсказуема. Почему я с ней до сих пор живу? А до рождения дочери ещё умела удивлять.

Заиграла торжественная музыка. На сцену вышли люди из правительства. В зале официанты наполнили гостям бокалы. Ярослав громко огласил имя идейного победителя, которое я прослушал, и награду: личное присутствие на окончании стройки тысячелетия.

Самовлюблённый дуралей, одному только югыдюру известно, сколько денег разбежалось по карманам за время длительных работ. Город праздновал открытие строительства, когда я поступил в аспирантуру. Это же сколько лет назад?

— Пимен Михайлович, всё в порядке?

Я вынырнул из мыслей, поднимая глаза на вернувшегося помощника:

— Игорь, я тебя потерял. А в каком году чудо света начали строить?

— Тридцать один год назад. Мне сообщили о готовности результатов ваших анализов. Я попросил выслать их вам на почту.

— Благодарю. После объявления нового главврача посмотрю.

— Как считаете, одобрит ли новый главврач открытие корпуса по уходу за престарелыми?

— Не выдумывай чуши, в Ягельске и без них хватает проблем.

Со сцены понеслись шаблонные приветственные речи. Люди из администрации ничуть не смущались повторять фразы коллег дословно.

Эндрей успокоился, вытираясь платочком. Не чураясь косых взглядов, Ярослав с Исей обсуждали дела из мира вокавъя: осуществимо ли цифровое бессмертие, если смерть есть расщепление тела на молекулы. Юсева уверенно, выпрямив спину, стояла у подъёма на сцену, погрузившись в размышления. Широкий пиджак не сковывал большую грудь, вырез небольшой: не пытается произвести впечатление на мужчин. Двух дочерей она тоже приучала к скромности. Мне лишь оставалось неясным: как по уши влюблённый муж-разгильдяй, непонятно чем занимающийся, завоевал Купру? В семье она руководила всем и принимала сложные решения, если верить дошедшим до меня слухам. Да он никого и не завоёвывал: вероятнее, Купра, мечтавшая о детях, организовала семью, уют, а теперь готовилась улучшить и финансовое положение.

— Представляем нового главу больницы имени Истомина...

А если выберут меня? Сколько раз в день мне придётся общаться с такими людьми, как Ярослав или как те, из администрации? А насколько быстрее смогут пойти исследования? Тогда при жизни получу место на Аллее Славы. Покажу дочери, какой её папа великий человек.

— ...Купра Сергеевна Юсева! Поздравляем!

Я присоединился к аплодисментам, не понимая, радоваться или сожалеть об упущенной возможности занять мозгоразъедательное место. Зато теперь проблемы больницы станут головной болью Юсевой. Она идёт, и даже не улыбается, но я знаю, как про себя кричит от радости, как уже планирует сжить меня с должности.

— В последние полтора года, начиная с трагичного случая с доктором Эжвиным, я исполняю обязанности заместителя главного врача. И я благодарна всему персоналу, поддерживавшему меня...

Из-за «трагичного случая» меня исключили из всех сообществ, запретили появляться в больнице, а чтобы не волновать клиентов, перевели в университетский отдел заниматься со студентами.

— Открытие нового корпуса никогда бы не произошло без активной вовлечённости правительства города Ягельска.

Все мои попытки обжаловать решение суда по инциденту отклонили. Марпа настаивала прекратить мои позорные выходки, и я сдался.

— Мой путь состоит из семьи, поддержки близких, важных идей для жизни и непрекращающегося труда. И я готова взять новую идею для строительства общественного блага. Ответственность большая, но я выдержу, мы выдержим. В год открытия чуда света мы обязаны сплотиться, не боясь трудностей.

А когда я сдавал анализы? На прошлой неделе, скорее всего. Теперь я не столь важный человек, не торопились. Заключение хоть написали? Плохое состояние... Тенденция к ухудшению... Необходимы госпитализация, компьютерная томография, позитронно-эмиссионная томография. Операция под вопросом... Вероятность... Кто-то стоит у меня за спиной?

Девушка с раскрасневшимися щеками и слегка искривлённым носом, в облегающем чёрном платье, как бы невзначай тоже вычитывала результаты анализов.

— Уважаемая, некультурно совать нос в чужие письма. Вас мама не учила в детстве? Что за безобразие?

Девушка извинилась и отошла в сторону.

Поборов волну раздражения, я вернулся к строчке с госпитализацией и перепрыгнул на волнующий меня раздел. Предварительный диагноз я воспринял стойко: болезнь Паркинсона-Григоренко, первая стадия. Расшифровка проявила детали: гибель нейронов и злокачественная опухоль в области головного мозга. Операции на головном мозге не избежать? В больницах Истомина и Казаркевичей уже не возьмутся за удаление опухоли. Потому что единственный человек, способный безошибочно выполнить такого рода операцию, — это я сам. Поискать кого-нибудь в стране? А может, в других странах? Необходимо ускорить свои исследования. Купра мешать не станет. А другие? Уж не Ярослав ли подослал девку, чтобы та шпионила за мной? Я в бреду. Что-то мне нехорошо.

Со сцены продолжала идти речь.

— Теперь о важном послании. Официально заявляю: я и дружный коллектив больницы имени Истомина поддерживаем закон о введении смертной казни. Это необходимый шаг во имя науки и изучения человеческого тела. В будущем мы сможем решать самые сложные задачи, основываясь на экспериментах, ныне находящихся под запретом. Морально одобренных экспериментах с приговорёнными к смертной казни, конечно же.

Чёрным по белому написано: «Вероятность благоприятного исхода при оперативном вмешательстве — 40%».

Я давно не отдыхал у озера. В детстве с ребятами строили кораблики с посланиями и отправляли их к другой стороне озера, к девочкам из закрытого училища. Они отвечали ночью через сторожевого пса, любившего приплывать к нам за угощениями. Мне никто не писал. Я утешал себя мыслью: пусть лучше меня полюбят как великого учёного, чем как мальчугана, пускающего суда и тратившего все карманные деньги на благотворительный фонд училища. Но зачем же тогда я продолжал строить и запускать кораблики, противореча самому себе?

— Мне очень жаль, Пимен Михайлович, — вздохнул Игорь, пытаясь меня приободрить. — Теперь нам потребуются все силы, чтобы объяснить им причины, из-за которых одобрение смертной казни — ошибка. Они не понимают ценность человеческой жизни, как её понимаете вы.

Я ещё раз задумался над увиденными цифрами — вероятность смертельного исхода — шестьдесят процентов.

Город наполнен некомпетентными людьми: мы позволили богачам прийти к власти. Я позволил. Я проиграл.

Над ухом продолжал течь нежный женский голос:

— Мы держим планку качества, нам доверяют решение сложных задач.

На сцене Ярослав обнял Купру Юсеву и поздравил с назначением. Мои глаза сфокусировались лишь на жёлтом шарфе, отторгая окружение.

А может, и нет никаких посланий? Моменты свершаются так, потому что к ним привела цепочка случайных или взаимосвязанных событий, а мы вольны их трактовать по-разному.

Вероятность.

Сколько раз в жизни я проигрывал вероятности? И сколько раз оценивал проигрыши негативно?

Исход.

Шестьдесят процентов. Каково же будет моё послание? Я успею совершить открытие и прославиться как великий учёный.

Глава 3.

Лишний персонаж

(вторник, 23 горзэма)

Такси повышенного комфорта остановилось в Пролетарском районе у маленького, не снискавшего популярности кафе без окон. В нём подавали слишком крепкий кофе и приторно-сладкие булочки. Крыльцо и дорожка до проезжей части всегда были вычищены и вымыты до блеска.

Лунег обожал их тягу к максимализму.

До начала миссии Ветлан запретил расслабляться и светить лицом в общественных местах, поэтому юноша вышел из такси, разгладил лиловое пальто, вдохнул воздух полной грудью, поискал знаки судьбы и направился к зданию фонда благосостояния, упуская предложение вкусить манящий полдник. Ощущение скорого внушительного заработка стягивало что-то внутри живота. В фонде благосостояния его ждали деньги, много денег. Эта, пока что воображаемая, сумма могла заменить годы труда и открыть калиточку к собственному делу. Правда, такой расклад противоречил выданной ему идее и, как следствие, отменял некоторые городские льготы.

Лунег в очередной раз оттеснил тревожные мысли. Он жил надеждой как можно скорее заскочить на эксклюзивный рейс с выдающимися людьми: зажечься, проявить свои таланты сейчас, в молодости, чтобы в расцвете сил обеспечить громкое имя и безбедное существование. Отец, например, смог достичь звёздной высоты полёта лишь за несколько лет до смерти.

И всего в сотне шагов находился трамплин в лучшую жизнь. Солнечные лучи отражались от стеклянных поверхностей и плясали в заряженных карих глазах Лунег. Разум старался отвергнуть тревогу. Признаться себе в слабости — сравнимо с уничтожением чести.

Пролетарский район был знаменит линиями массивных домов с толстыми стенами, за которыми трудились люди в костюмах, а ещё каменным зданием суда с высокими колоннами и статуей ворона у центральных дверей. На развешанных экранах делилась наблюдениями и зазывала на открытие чуда света Юманита, стримеры общались с подписчиками, обсуждали новости, бегали в каких-то стрелялках, разыгрывали призы. В рекламных окнах переливалась фотография хмурой женщины: новой главы какой-то там больницы.

Стволы деревьев, укутанные в биоразлагаемый пластик, яркими полосами выделялись на фоне чёрно-серых крон и серебристой отделки офисных зданий. Снег с окон и балкончиков был аккуратно сдут квадрокоптерами. Белые островки у зданий и деревьев играли на свету аккуратными линиями. Трёхцветный светофор вспыхнул зелёным квадратом, в котором космонавт в шлеме замахал рукой. Остановился свадебный транспорт с молодожёнами. Невеста выстрелила из окна хлопушкой.

Лунег перешёл улицу будничным шагом и даже сохранил задумчивый вид. Он хотел сконцентрироваться на предстоящей работе, даже сжал губы, но в голове буянила идея пересмотреть третью серию второго сезона обожаемого сериала и вспомнить, как детектив выискивает лишнего гостя на свадьбе: замаскировавшегося киллера, охотящегося на жениха.

На перекрёстке красовалось пятиугольное здание с развёрнутым по всему периметру экраном. Вход располагался где-то в подвале. В недра пятиугольника тянуло личностей, не достойных называться даже безликой массой.

У мусорного контейнера сустились птички, отгоняя исхудавшего кокрика, высматривающего съестное.

— Удумал болезни разносить, тварь шерстяная? Скачи отсюда!

Лунег краем ботинка попал по отскакивающему животному, отчего пушистое тельце закрутилось в воздухе и упало в сугроб. Волна удовольствия приятно согрела душу.

— Надеюсь, хороший удар — к богатству.

Несколько прохожих сфотографировали юношу в ярком лиловом кожаном пальто с вышитой на спине фразой «Раствори обыденность», вскинувшего три пальца вверх, скорчившего довольное лицо и оголившего зубы.

— Город спасён. Благодарности присылайте на денежный счёт.

Не подключаясь к какой-либо трансляции, Лунег почувствовал ауру живущей рядом песни. Ухватив ритм, на ходу сочинил слова и широким шагом отправился к витиеватому входу в фонд благосостояния на Купеческой улице. Чуть ли не каждая красивая прохожая удостаивалась чести быть тронутой за руку юношей, переживавшим творческий подъём. Хотя в ответ и звучали фразы про умалишённость, Лунег не обращал внимания на дешёвую критику и глупую зависть, потому что длинноногий шатен с высокими скулами обязан выделяться из серой массы.

Изгибающееся крыльцо вело на подиум. Слева белела колонна, верхнюю часть которой будто отщипнули ложкой, а справа виднелся лифт в бетонном футляре.

Поднявшись по ступеням, Лунег остановился у широких двустворчатых дверей, освещаемых светящимися выше буквами «БАГУЛЬНИК». Тут, на возвышении, чувствовался холодный ветер. Следов на вычищенном от снега подиуме не отыскать, поэтому Лунег решил найти Ветлана и Цилю в фойе.

— Распахивайтесь быстрее, старомодные двери. И только попробуйте зацепить пальто! Тогда что-нибудь обязательно придумаю и сделаю с вами непоправимое!

С первых шагов по кафелю фойе Лунег ощутил какой-то подвох. Стойка регистрации накапливала пыль, а картины на стенах загадочно переглядывались лицами давно умерших. Не хватало жизни и людей в дорогих костюмах. Вместо них ожидали совершенно другого покроя люди: мужчина-астеник двадцати восьми лет, с длинной чёлкой и прыщиком на носу, рассудительной натуры, и женщина, будто испытывавшая на себе падение шкафа с отвёртками, не желающая выдавать свой истинный возраст. Зато Лунег вспомнил о ней иные важные детали: не стесняющаяся озвучивать номер карты для благотворительных переводов и выставяющая напоказ маленькие, идущие волной уши, шалопутничавшая в предыдущих совместных делах. Они стояли в обычной рабочей униформе у кулера с водой.

— А я думал, что вы опоздаете, и мне придётся умирать со скуки, ожидая непунктуальных коллег.

— Какого чёрта ты вырядился в костюм незрелого баклажана?! Тебе двадцать пять или просто пять?

— Даров, Циля. В вопросах моды женщины отстали от мужчин лет на двадцать. Это стиль, корсетка! А что так пусто? Где гардеробщица?

— Ветлан, каскадёр сегодня неадекватнее, чем обычно!

Парень, определившийся, что пора бы становиться мужчиной, шумно выдохнул, убрал с глаза длинную чёлку и будто нехотя объяснил Лунегу:

— Предвидя твои сообразительные способности, мы заранее отправили консьержа, хостес и администратора на выходной. Но через час приедет охранник на смену. Легенда с ремонтниками просуществует ровно до того момента, пока он не увидит тебя. И мою посылку из сервиса «Орион» не забрал, что ли?

— Они внесли меня в чёрный список, когда я пытался вернуть украденный у них же электрочайник и получить деньги. Просто до меня этот же электрочайник украли, а затем сдали по гарантии.

Двойка в рабочей униформе закатила глаза.

— Действуем по следующему плану. Циля спускается в подвал, взламывает электрозамок и вклинивается в охранную систему фонда...

— Я бы не доверил женщине работать с электричеством. Хотя одну выдающуюся электротехнику знаешь?

— Это невыносимо. Договаривайтесь без меня. Свою задачу и так знаю, — буркнула Циля, вытащила кейс, припрятанный за огромным цветным горшком, и поспешила удалиться.

— Лунег, от тебя требуются четыре извилины: на первую повесь номер 477. Необходимо взломать замок в секцию с этим номером. Не с 476, не с 478. И даже не с 777, если в фонде оно вообще существует. Только 477.

— Без проблем, главарь. У «Багульника» устаревшие цифровые замки.

— На вторую извилину повесь задание: когда пройдем дальше, необходимо держать дверь в кабинет технического директора постоянно открытой. На третью в будущем запиши сгенерированный пароль от аварийной системы, который выдаст виртуальный помощник.

— 477, открытая дверь, пароль от аварийной системы. А четвёртая мысль — секрет? — Лунег поднял бровь.

— Ничего лишнего не трогай!

— Ветлан, подостынь. Каждый выполняет свою работу и ничего более. Это я помню.

— Чудесно.

Ветлан по радиосвязи спросил у Циля про обстановку. Девушка уже спустилась в подвал и взломала первый замок.

Мужчины отправились к лифту по широкому коридору, забитому моноколёсами и электронными помощниками.

— Нет, Лунег. Нет.

Ощущая себя хозяином шикарного дома, куда обычный люд приходит на поклон (то есть зарегистрироваться для получения пособий), а богатые приезжают оплатить налоги, Лунег нафантазировал успешный мир, где он бы прогонял с дороги офисных работников и застыл в уверенных позах, выслушивая хвалу о себе — самом перспективном парне в городе. Он был уверен, что моноколёса — для простачков, а достойным людям свойственно никуда не спешить, наслаждаться жизнью. И кнопку вызова лифта должны нажимать специально подготовленные хостес, но сегодня можно сделать исключение.

— Лунег, там нет лифта. Ты пытаешься нажать кнопку на картине.

Он вынырнул из фантазий. Перед глазами висела картина в человеческий рост: мужчина в костюме у лифта.

— Это я проверял, каким лаком покрыто.

Ветлан, с трудом удержавшись от того, чтобы закатить глаза, вызвал настоящий лифт. Через минуту двери медленно схлопнулись за вошедшими.

— Ветлан, а спрашивать про заказчика бессмысленно?

— Да.

— А если доброе слово скажу?

— То я удивлюсь. Но всё равно не раскрою детали.

— А украсть что-нибудь можно?

— Нет, нельзя. В следующий раз разрешу.

— И не расскажешь, зачем мы здесь?

— Необходимо вставить флешку в компьютер.

— Чтобы вирусами заразить сеть фонда? Могли бы и взломать сервер, если так хочется нагадить.

— Я не знаю, что на флешке. Мы выполняем поставленную работу — нам выплачивают гонорар. Всё просто, Лунег.

— Подозрительное дело.

— А когда мы в парке Спортгородка ночью высаживали деревья, тебя ничего не смущало?

— Мы исполняли коварный план злодея! На том месте хотели выставить будку для зарядки электросамокатов. А так как деревья оказались краснокнижными, то выкопать без разрешения правительства и районной комиссии уже никто не сможет. Тоже мне, вспомнил скукоту. Только не говори про дело, где мы из хирургического отделения больницы свинтили данные пациентов. Тошнилово душное! Хотя один рентген-снимок я даже распечатал и повесил над кроватью.

— Приехали. Четыре правила на четыре извилины, — напомнил Ветлан, обрывая тираду напарника.

— Тринадцатый этаж — к несчастью.

— Звать тебя в ресторан на день рождения — вот это к несчастью. А здесь просто цифры. Приём. Циля, готова? Мы подходим. По моей команде режь синий и зелёный провода, а затем подавай напряжение.

Лунег скорчил издевательскую рожу:

— Откуда ты обо всём знаешь?

— Заказчик прислал инструкцию.

— Если сумма та, что обговаривалась, то номерок заказчика не теряй. Туристическая прогулка, а не проникновение со взломом. Одичать моим глазам! Ты посмотри на интерьер. Как в пятой серии первого сезона, где охотник за пещерными алмазами пробирается в дом коллекционера чучел.

Выложенный мозаичной плиткой пол отражался в серебристом потолке. В нишах замерли статуи детей, играющих с домашними животными. Вытянутые люстры испускали холодный свет. На стенах красовались рамки с плакатами о проектах, в которых участвовал фонд: развитие нейронных сетей, расселение мигрантов, строительство спортивных школ и центра реактивации космического мусора.

— Даже на дверных ручках не сэкономили. Какой-то фонд расточительности. Наверное, я мог бы у них смахивать пыль со статуинов за три мои зарплаты из спортшколы. А спорим, что за этой дверью ждёт своего нового хозяина чучело какой-нибудь бурой лисы?

— Циля, приём. Иногда делай какие-нибудь вызовы, а то безостановочно слушать каскадёра выше моих сил. Какой номер, Лунег?

— 477. Нашёл. Уже взялся за работу. И что, вам мои истории не нравятся? Зажато живёте, ничем не увлекаетесь, классику Ягельского кинематографа не знаете, в моде не разбираетесь. И понимаете только шутки про любовников, недоразвитых и туристов.

— Приём. Готова? Каскадёр перепрошивает замок.

— Осталось три, два...

— Циля, действуй.

Моргнул свет. Дверь открылась. Появился код на секунду и исчез.

— Сто восемьдесят четыре тысячи семьсот пятьдесят один.

— Bravo, Лунег.

Ветлан зашёл в до блеска вычищенный кабинет и приступил к своей части задания. Пароль на компьютере не пустил в систему, но этого и не требовалось. Подключённая флешка автоматически принялась копировать какие-то файлы. Прогресс-бар оценивал длительность операции в две минуты. Всё шло гладко. Ветлан ощутил, как с шеи спал груз неопределённости и волнения. Шуршание и хруст отвлекли от дела.

— Лунег, кошкина борода! Ты почему в кабинете роешься? Кто дверь держать будет?

— Святослав Никойлович.

— Кто?

Выглянув из-за монитора, главварь отыскал взглядом мраморную мужскую статую, упирающуюся ногой в косяк, а рукой в дверь.

— Так звали моего школьного учителя по физкультуре. По понедельникам он был в состоянии лишь подпирать двери, — хитро осклабился Лунег.

— Как ты смог её приволочь?

— Ловкость рук.

— Замри и ничего не трогай!

— Ох, настоящие орешки! Я отсыплю немного? Никто и не заметит.

Ещё раз моргнул свет.

— Приём, Циля. Мы в кабинете директора. Второй раз перезагружать систему не нужно.

— Я ничего не делала.

— Странно.

— Есть вопрос, — женский голос прозвучал напряжённо.

— Задавай.

— Электрощитовая должна пахнуть как копчёная курица или тушёная говядина?

— Сомневаюсь. Но вообще у них вчера состоялся большой праздник, так что не удивлюсь, если некоторые служебные помещения использовали для хранения еды.

Тишина в кабинете насторожила Ветлана: молчание Лунег каждый раз стоит воспринимать как предвестник бури. И действительно, тот в позе творца-художника замер перед одной из картин.

— Сотри каракули на лице бывшей городничей. Чем она тебе не угодила?

Выплюнув колпачок в карман пальто, Лунег ответил:

— Уверен, в её правление похоронили сериал «Заложник в подвале». Никакой к ней жалости. И без шанса на прощение. А орешки вкусные, ещё отсыплю.

— Ясно же сказал — сотри. Если заказчик узнает о самостоятельности, то мне будет крайне тяжело не то что выпросить премию, но и гарантировать перевод всей суммы на троих.

— Я специально взял перманентный маркер, чтобы избежать подобных просьб, — Лунег постучал пальцем по виску. — Запомни, Ветлан, людям необходимо иногда сбрасывать образ послушного гражданина и начинать по-новому смотреть на окружающий мир, — закинув новую партию орешков, он примеривался к заключительному штриху.

— Уверен, это из какой-то серии твоего родного сериала. Ладно, придётся выдумывать оправдания, чтобы нас выгородить. И посмотри, под ноги посмотри: намусорил, будто не кабинет директора, а хлев.

Покачав головой, Ветлан отвлёкся на подтверждение завершения операции копирования. Закрыв окно, увидел сообщение: «Включение аварийной сигнализации».

— Лунег, быстро, код. Таймер минутный.

— Сто восемьдесят четыре тысячи... Кхех. Кхех. Орешек не в то горло пролез. Семьсот пятьдесят... Кхех. У них есть водичка? Или пьют слёзы налогоплательщиков?

— Извилина, Лунег. Код! Семьсот пятьдесят...

— Один.

— Один. Ввелось.

— Я красавчик!

— Конечно, никто не претендует тебя потеснить. Мы завершили дело, поздравляю. Пора на выход. Приём, Циля, уходим.

— Здесь кокрик пробежал.

— Не трогай его, и всё будет в порядке.

Вытащив флешку, Ветлан направился оттаскивать Лунегу от глубокой миски с орешками.

— Как могло животное оказаться в закрытой части здания? Я не верю в случайности, Ветлан.

— И я не верю, но от нас и не требуют проверять случайности. Да отлипни ты от миски!
— Каскадёр унюхал орешки? Пересыпь их в куль и пообещай отдать на выходе, — устало посоветовала Циля.

— Идея мне нравится.

— Опять про меня что-то пакостное говорите? — возмутился Лунег. — Я — мозг операции, грешно над другими людьми смеяться. Не трогай миску, изверг!

— Отдам, когда сядем в машину.

— Приём. Он пролез в вентиляцию. Запах курицы идёт оттуда.

— Отбой, Циля. Возвращаемся к машине. Приём.

Ответа не последовало.

— Приём?

— Ветлан, только не сердись. Я застряла в вентиляции.

— Застряла в вентиляции? Я же сказал оставить кокрика в покое! — у Ветлана дёрнулось веко.

— Всё закономерно. Корсетка разжирнела. То-то и гляжу, витрины в булочных опустели.

— Без паники. Попытайся вылезти сама, пока мы идём к тебе. Лунег, поставь статую на место и захлопни дверь, пока я вызываю лифт. У нас осталось пятнадцать минут до приезда охраны.

— Я слышу писк кокриков. Приём.

— Сбежали от кого-то, может, их выкинули. Нашли дырку, пролезли в подвал.

— Нет, Ветлан. Здесь что-то другое.

Подпирающую дверь статую Лунег поставил в нишу. Подрисовав длинную чёлку, развернул лицом к стене. Дверь успела захлопнуться, а лифт приехать. Лунег зашагал к кабине.

— Я не давал согласия спасти полоумную. Ничего с ней не случится. Как похудеет, то выберется. Уедем, пока есть возможность.

— Она часть команды, поэтому её не бросим, — воспротивился Ветлан, хмуро зыркнув на парня.

— Откровенно лишний человек, — Лунег облизнул солёные после орешков губы. — Отправимся на минус первый этаж, чтобы рисковать собой?

— Верно.

— ...чтобы нас поймали, начали пытать, добиваться признания. А зачем? У меня большие планы по открытию собственного бренда. Могу стать крупнейшим бизнесменом в Ягельске.

— Не гунди. Почему двери так медленно закрываются?

— Ага, потому что ты занервничал. Это знак.

— Никаких знаков не существует.

— Брехня. Знаки существуют у тех, кто их ищет.

— Знаешь, к чему стоит готовиться?

Лунег не успел ответить.

— Что нас поодиночке схватят за грудки и приговорят к смертной казни! — громко прошипел Ветлан. — Новости видел? Даже главврач будет голосовать за принятие закона. А её примеру последуют другие женщины. Цепочку уже не разорвать. Но мы сообща можем избежать проблем.

— Начнут со слабых. Поэтому нам с тобой не надо ехать на минус первый этаж. О, пакет с орешками. Клёво, — собиравшийся протестовать юноша выхватил протянутый ему свёрток, увлёкся едой и не сопротивляясь доехал до низа.

От лифта прошли теми же дверями, что и Циля, которая надиктовала пароли к замкам.

Низкий потолок давил на психику. Развешанные предупредительные таблички разжигали сомнения: действительно ли они смогут незаметно покинуть здание?

— Я ещё подумаю, стоит ли за тебя вступаться, Ветлан. Хотя непонятно, что от нас понадобится гвардейцам? Мы не обкрадываем разжиревший фонд.

— Лунег, тебе же в новостях рассказали, что Усашу Воронову по новому закону убьют, хотя девушка никому вреда не причиняла. Она не убийца и не террорист, взрывающий здания.

— Эта женщина — опасный преступник! Она пыталась встроить вирусный код в нашу городскую нейросеть. И кто после такого смог бы помешать ей творить бесчинства? Или, по-твоему, убийство нейронной сети — ещё ненастоящее убийство?

Ветлан вздохнул.

— Можешь очистить извилины. Поглощай орешки и не задавай глупых вопросов.

В электрощитовой работал приглушённый свет. Гудение вместе с лёгкой вибрацией создавали напряжённую атмосферу. Посторонние запахи, которые точно не ожидаешь унюхать в помещении с электрооборудованием, щекотали нос и напомнили Лунегу о пропущенном обеде.

— Чувствуешь, как по-адски жарко? У них вентиляция сломалась, что ли?

Ветлан вздохнул ещё раз.

— Поднятая решётка. Видишь? Помоги Циле. Я её переключу на громкую связь.

В квадратном проёме Лунег разглядел сжимающуюся кишку и чёрное пятно на фоне светлого. Он снял пальто и аккуратно уложил его. Закрепив решётку, Лунег взялся за неё двумя руками, оттолкнулся и двумя ногами вперёд залетел в вентиляцию.

От сильного удара по стопам, девушка вылетела из вентиляции и упала на пол в соседнем помещении.

— Ай, гадость.

Обратно вылезти из вентиляции парню не составило труда.

— Лунег, ну как так?! — с досадой пробормотал Ветлан. — Надо было её сюда вытащить, а не вытолкать в не пойми куда. Приём, Циля. Как ты? Нужно уходить как можно быстрее.

— Ударилась. Но ничего критического. А кто арендует эту часть подвала?

— Всё здание целиком принадлежит фонду.

— Тогда у меня две неожиданные новости.

В голове Лунег пронеслись все серии «Заложника в подвале» — несколько острых ответов закрутились на языке.

— Первая, фонд тайно производит корм для домашних животных.

Пошутив у себя в голове, юноша на время отвлёкся.

— Вторая, и нелегально разводит кокриков.

Устав подслушивать разговор, Лунег накинул пальто и отправился искать развлечение. Переключатель на стене показался хорошей игрушкой, чтобы убить время. Только после щелчков свет не мигал и никакой другой реакции не наблюдалось.

— Хотя бы звук резкий и отчётливый.

— Ветлан, я отыскала дверь. Но что-то не так: у меня сигнализация и аварийный свет то включаются, то выключаются.

— Да, здесь у щитка такая же история.

— Эй, не могли бы вы общаться потише? А то и так едва слышу шелкунчика.

— Недоваренный баклажан играет с переключателем?

— Да.

— Шизанутик. Ох, ко мне идут. Встретимся в условленном месте.

Ветлан с Лунегом побежали из электроподвала к запасному ходу. Где-то на полпути зазвучала сигнализация и на дверях сработали автоматические замки. Остановить парочку они не смогли, поэтому через несколько минут оба оказались на улице с северной стороны здания.

— Налево. К дороге.

У проезжей части их ждал тучный мужчина с одноразовой кружкой в руках, в ветровке, шапке-ушанке и больших тёмных очках.

— Клим, какого чёрта ты здесь стоишь, где машина?

Клим махнул рукой в сторону эвакуатора, забирающего чёрный универсал, негромко оправдался:

— Отошёл за кофе, а когда вернулся... В общем... можно такси вызвать.

К восторгу гуляющих детей над головами пролетело несколько гвардейских дронов. К перекрёстку подъехала служебная машина охранной компании. Начались шумиха и беготня.

— Клим, идёшь обратно в кафе и ждёшь, пока уляжется буря. Мы с Лунегом ждём Цилю и дворами виляем, пока хватит сил, — распорядился Ветлан.

— Нет-нет, корсетка нас всех утянет. Теперь каждый сам за себя, — не прощаясь, Лунег затрусил к маленькому кафе без окон, чтобы прикинуться обычным клиентом и заодно наверстать обеденные калории.

У пятиугольного здания уже толпились журналисты. Протискиваясь между ними, юноша закрутился и вывалился чуть ли не к самому крыльцу фонда «Багульник».

— Молодой человек, редакция «Тема индиго». В сети проскочила информация: здание фонда атаковано представителями Разделённого Северного Королевства. Они хотят присвоить Ягельск и вернуть Соткамскую республику в своё владение. Видели ли вы что-нибудь подозрительное в Пролетарском районе в последнее время? — низенький мужчина-репортёр с глубокой лысиной протянул микрофон.

Оператор уже вёл запись на телефон.

— Для меня все страны недружественные, поэтому о подозрительных лицах ничего не скажу. Но хочу пожаловаться на писк и скулёж, доносящийся из подвала фонда. Выходишь вечером к любимому кафе, и невозможно со спокойной мыслью о своей уникальности дойти — тошнотворный визг кокриков выворачивает наизнанку. Я пытался бороться. След на сугробе остался, видите? Видите?

Пока репортёр с оператором отвлеклись на отпечаток кокрика в снегу, Лунег побежал в обратном направлении.

На место уже прибыла Циля, а у ног Ветлана и Клим стояло два электроллера.

— Каскадёр, ты откуда взялся? Уматывай обратно! — взбурлила женщина.

— Я тебе не разрешал задавать мне вопрос.

— Прекратите, — осадил их главарь. — Внимание на меня. Встаём по двое. Едем кругом через центральную площадь. Встречаемся в нашем баре.

— В Центральном районе нас быстро опознают. Лучше проехать через Технический.

— Недоваренный баклажан правильно говорит.

— Господа, кажется, нас заметили.

Клим вскочил на электроллер и включил питание. Ветлан запрыгнул на платформу рядом. Без пререканий Лунег и Циля заскочили на свой транспорт. Отряды выехали на линию двухколёсного транспорта.

— Делайте, как считаете правильным. Клим, сворачивай к Центральному району.

Они ускорились в западном направлении, а Лунег развернул роллер в южное.

— Держись крепче. Полетим с ветерком.

Юноша хорошо знал Технический район, но на втором повороте вид домов показался необычным, а на третьем будто кто-то заменил здания каким-то альтернативным набором, лишь отдалённо напоминающим изначальный. Только снег из-под колёс проезжающих мимо машин оставался неизменно противным и липким.

— Ты заблудился, каскадёр. Мы кружим по кварталу. Останавливай у той арки.

Пока Лунег обдумывал, как он мог забыть дорогу, по которой несколько лет ездил на тренировки, Циля на смартфоне открыла карту и проложила маршрут.

— С картой любой дурак выйдет к нужному месту. А я мозг тренирую.

Проехав Технический район, парочка оставила транспорт у зарядной станции. До нужного бара Циля посоветовала дойти пешком, но по одному.

— Ты мерзкий! С тобой поехала только потому, что другого выхода не было.

— Не мерзкий, а экстравагантный! И поехала, потому что я разрешил. Цени мою доброту.

Циля ушла, не став выслушивать его разглагольствования.

— О, в кармане остались орешки.

Какое-то время Лунег просто стоял на обочине.

Здесь была южная граница Спортивного района, где заканчивалась плотная застройка и начиналось поле. Из-под снега местами проглядывали верхушки замёрзших кустарников. Вдали красовался огромный стадион, будто парящий над землёй: особенность конструкции и специальная подсветка создавали левитирующий эффект. Рядом десятков стадионов меньшего размера довольствовались участю некрасивых подруг. Но отсюда их не видно из-за аэротрассы, нависшей над землёй и растянувшейся от озера Лафрия, Озёрного района, к аэропорту имени Ефимова, выстроенного в огромном ущелье. Аэротрасса пересекала район на две неравные части. На западе как раз и находился бар, в котором группа отдыхала, обсуждала новые задания и планировала расходы по нейтрализации подозрений гвардейцев в их отношении.

Солнце замерло на линии горизонта. Искусственное освещение подчёркивало архитектурные достижения строителей города Ягельск. На севере возвышалось над светящейся жилой полосой сооружение, вызывающее в Лунеге трепет и необъяснимый страх. Будущая достопримечательность, укутанная в строительный занавес, казалась монолитом, прибывшим из иного мира, возведённым не людьми.

Вдалеке неспешно, выделяясь сигнальными огнями, по-лебединому заходил на посадку самолёт. Ягельский аэропорт работал круглосуточно.

«Самолёты прекрасны, как детстве, так и сейчас. Только восторг...»

Над полем закружили птицы. Но не синхронно и плавно, а сбивчиво, дёргано, как если бы их вытащили из неоптимизированной компьютерной игры. Кто-то мог идти по тропинке и шутить пернатых, но Лунег никого не приметил. Бродячих собак и кошек в городе нет, а кокриков птицы не боятся.

На лбу выступил пот, и парень умылся снегом. Холод уже начал покусывать ноги, но решиться идти через поле Лунег никак не мог. Он сотню раз видел, как герои фильмов и сериалов, пренебрегающие знаками, попадали в беду.

— Нехорошая примета. Нехорошая.

Выждав минуту-другую, Лунег выставил на смартфоне максимальную яркость, включил музыку и только после этого ступил на тропинку, игнорируя примету. Птицы разлетелись от шума, но что-то ещё осталось темнеть впереди. В снегу лежал ворон. Перебитые крылья дёргались невпопад. Тёмные круги рядом, изначально принятые Лунегом за капли крови, оказались странными отверстиями, ведущими в глубины сугроба.

Мысли хаотично забились в голове, он не мог определить, какая из них самая адекватная. Пришлось умыться снегом ещё раз, чтобы снять напряжение.

Ворон не издавал звуков, вертя чёрными глазами. Он попытался отстраниться, отойти от юноши, но не мог, обессиленно раздвигая снег лапами.

Поиск в сети дал ответы: вызвать дрона и аккуратно поместить птицу в контейнер, чтобы транспортник отвёз её в ветеринарную клинику.

Ветер завыл над полем. Вдалеке загалдели стаи здоровых особей, привлекая к себе внимание. Лунег представил, как из-за спины выскакивает маньяк и вонзает в шею острый нож.

Огляделся. Никого. Мысленно оценив обстановку, Лунег практически убедил себя, что правильнее оставить больную птицу и скорее добежать до бара.

Ветеринарная служба подтвердила запрос на дрон: «Время ожидания: одна минута».

— Обманул сам себя, Улун. Ничего святого не осталось. Черныш, эй, воронок, не бойся, сейчас я тебя схвачу и закину в тёмный ящичек, больно не будет.

Ворон перевернулся и больным крылом провалился в одно из чёрных углублений. Воздух наполнился резким запахом. Нечто будто потянуло клювчатого вглубь. Лунег среагировал быстро: крепко ухватил ворона двумя руками и потянул на себя. Смарт выскользнул в снег и отключился, за ним упала, накрывая всё, темнота.

Что-то вцепилось в левую кисть Лунег. Жжение становилось нестерпимее, но юноша не отпускал птицу.

— Дьявол пернатый! А ну не сопротивляйся!

Подлетевший дрон раскрыл дверцу контейнера. Кое-как закинув ворона в нутро, парень выдохнул. Летательный аппарат унёсся обратно.

Левая кисть чуть кровоточила. Под кожей ощущалась пульсация, и Лунег, прикусив губу, протёр кожу снегом. Отыскав смарт, убедившись в его работоспособности, он окончательно выдохнул.

В том самом углублении будто моргнул белый глаз. Юноша отступил к длинной тропинке, растянувшейся к бару «Тайм-аут», и решил никогда не вспоминать о спасении пернатого. Продрогший и растерянный, он зашагал в нужном направлении.

В заведении оказалось шумно и многолюдно: кто-то праздновал свадьбу, кто-то день рождения, кто-то окончание рабочего дня. В углах шептались между собой приезжие из южных стран, с густыми чёрными волосами и огромными, как лапы медведя, руками. Чужаки появлялись в Ягельске то ли желая заработать по-быстрому, то ли просто в поисках приключений.

С центра потолка свисала конструкция, напоминающая перевёрнутую бутылку. На ней безостановочно шли в несколько линий как спортивные трансляции, так и показ новостей с рекламами, от которых бар получал некоторый доход. Под «бутылкой» располагался барный стол в форме карманной открывашки. По краям первого этажа жались столики и полукруглые диванчики, повёрнутые к экранам, висевшим на стенах.

Лунегу не удалось застать времена одного большого ангара. Теперь вторую половину разделили на два этажа, причём на втором разместили подиум для танцующих девушек. А так как пол был утоплен, а подиум поднят, то, сидя у стойки в правильных местах, можно было бесплатно что-то разглядеть.

Свою убежавшую группу Лунег отыскал на дальнем углу «открывашки». Усаживаясь, он как бы невзначай прикрыл левую кисть салфеткой.

— Надеюсь, без меня не начали. Бармен, два «Часа быка». Главарь, а где Климентий?

— И тебе доброго вечера. Забирает машину со штрафстоянки.

— Каскадёр, чего ко мне подсел? Прыгай на сторону Ветлана, — Циля попыталась отодвинуться.

— Уймись, корсетка. Сейчас получим награду, отдохнём, забудем о проблемах. Главарь, мы же получим? Бармен, а что стаканчики так плохо натёрты? Что? В чистых подают только зрелым мужчинам?

Сидевшие рядом посетители оценили шутку, захохотав в голос.

— Зависть — это чёрствая штука, — Лунег почесал за ухом. — Только ты, Циля, видишь во мне выдающегося человека, разве что стесняешься в этом признаться.

— Ты — мерзость.

— Лунег, я уже связался с заказчиком. Он доволен работой. Тебе на тот же счёт?

— Как обычно, Ветлан, мой родной.

Сообщение о переводе подхлестнуло настроение Лунег.

— Бармен, «Сердце змеи», только не в помойном стакане. А что этот парень на меня так косо смотрит?

— Не смотрю я на тебя.

— Ему всё равно на тебя, каскадёр.

— Лунег, не начинай, — одёрнул его главварь. — Давай завершим вечер мирно. Ты умный парень, а проблемы ещё успеем нажить.

Ветлану не нравилось заведение, но оно являлось отличным местом для прикрытия: гвардейцы никогда не приезжали сюда, так как у хозяина «Тайм-аута» были нужные связи. И главварь после часа распития дальневосточного чёрного чая с мятой и обдумывания своего жизненного положения уезжал домой спать. Он никогда не рассказывал, куда тратит дополнительный заработок.

— Мысленно обнимаю, Ветлан, деньги зачислились. И от родителей передаю тёплые чувства благодарности.

Для Цили было важно осушить несколько бокалов пива, а затем подцепить какого-нибудь дурашливого парня для перевода вечера в этап «без обязательств». На следующий день после бара вновь закручивались тиски будней на нелюбимой работе аккаунт-менеджера, точно отражавшей выданную идею «заработать на собственное жильё долгим трудом». У Цили «подработки» в группе Ветлана уходили на дорогостоящие лекарства для родителей, переживших двадцать восемь лет назад войну с Северным Королевством и теперь страдающих от её последствий.

Своим дополнительным доходом Лунег лично не распоряжался. Он нанял юриста для контроля финансов и открытия собственного дела — магазина по продаже эксклюзивного предмета одежды, изобретённого юношей самостоятельно. В мягкую эластичную ткань вшивался гнущийся прямоугольный экран с несколькими датчиками. Стоило человеку закрепить ткань на шее, как экран тыльной стороной прижимался к коже и считывал пульс, выброс адреналина и напряжение голосовых связок, после чего менял изображение. Носить предполагалось или на правой стороне шеи, для официальной обстановки с деловым режимом, или на левой, чтобы переключиться на свободный режим с пользовательскими настройками. Дополнительная платная функция открывала доступ к режиму с электротоковым массажем.

— Ну и кислые вы сегодня. Посмотрите, как зажигают парни слева! Только какая же это глупость — свадьба. А то, что меня не угостили, это к скорому разводу.

— Каскадёр, к счастью, тебя плохо слышно, — подколола Циля.

— Не девушка, а ходячее недоразумение. То застрянет, то не слышит. Экраны хотя бы видишь? На одном какой-то салют показывают. А нет, это вспышка какая-то. Что могло взорваться на заводе реактивации? И недавно на заводе Журавского авария случилась. Никто не видит взаимосвязи?

— Каскадёр, закажи ещё «Змею» и отстань от меня.

— Ветлан, Циля, там репортаж про нас показывают!

На одном из экранов появился фонд благосостояния. На оцепленной территории мужчины таскали ящики с наклейками от корма для животных. Бегущая строка вещала об успешно проведенной операции по раскрытию нелегального производства. Дядя из администрации благодарил фонд за бдительность и сотрудничество с гвардейским корпусом и наградил директора орденом. «Ягельск стал безопаснее и чище», — заключил он.

— Я недостаточно пьян, чтобы понять смысл репортажа. Бармен, две «Змеи». Да кто мне названивает? Из спортшколы. Занят я. Пьянствую.

— Коллеги, мне на почту прислали скидочные купоны на курсы. Циля, Лунег, лучше что-нибудь взять, — посоветовал Ветлан, — тогда система будет считать нас обычными гражданами.

Напарники скривили рожи.

— Ветлан, когда следующее дело? Мне уже скучно. И как-то не по-человечески: мы тут, а Климентий с машиной возится. Вот, держи перевод. Это на выкуп авто и на починку. И парень в стильной куртке явно хочет мне что-то сказать.

— Ничего я не хочу, — названный посетитель отвернулся.

— Смотрите, репортаж про похитителя. Мелких девок жалко. Лично бы этого мерзавца нашёл и покалечил! А знаете откуда такие гады берутся? Бармен, знаешь? А ты, стильный? Нет? Потому что нам навязывают идеи для жизни. Теперь очевидно — их враньё про якобы рекомендательный характер — только для успокоения народа. Штепы Обручева митинговали за смертную казнь? Лучше бы за отмену идеи баламутили Ягельск. От навязанной идеи у некоторых людей кукушку срывает, и они идут не против слепой выдачи, а против неповинных людей.

— Кажется, Лунег выпил уже достаточно. Циля, забери у него стакан, пока не поздно.

— Я ему не мать, пусть своей башкой соображает.

— Да, ты не мать. И никто не мать! — Лунег вскочил, потрясая кулаками. — Не было у меня матери. А знаете, каково это — расти с мачехой? А ну вас всех. И тебя, стильный, видеть не хочу. Выйду подышать свежим воздухом, — и выскочил на улицу, распахив встречных локтями.

Около бара лили приглушённый синеватый свет фонари. После гула заведения на свободной парковке тишина звенела в ушах. Неподалёку тянулась двухполосная дорога вдоль одноэтажных домов, многие из которых использовались как летние дачи. Если же с этой улицы свернуть на запад, то начиналась современная застройка с бассейнами, игровыми клубами, велодорожками и хоккейной площадкой. Дети часто шли с занятий к остановкам и обратно через эти улицы, поэтому силуэт ребёнка не удивил Лунегу.

Моргнув несколько раз, он увидел рядом с ребёнком силуэт взрослого человека. Был ли он изначально или появился потом, Лунег не мог вспомнить.

Решил проследить.

Парочка то шла, то останавливалась.

— Подай знак, если ты в опасности.

За спиной хлопнула дверь, и наружу вывалилась группа лиц под градусом. Среди них выделялся стильный тип.

— Это ты, лиловый, остались ещё претензии ко мне?

Лунег знал принцип: если драки не избежать, то бей первым, поэтому начал закатывать рукава. Кто-то тут же подбежал успокаивать его. Другие ухватили стильного за руки. Подъехало несколько такси. Компания уселась и уехала, вновь оставив Лунегу одного на парковке.

Грязные обвинения и угрозы — вот и весь список прошедшего развлечения.

От остановки отъезжал автобус. Силуэты ребёнка и взрослого больше не мелькали у дороги. Рядом пробежал кокрик: достигнув столба, он нашёл торчащий провод и начал его грызть.

Фонарь моргнул и погас. Шерсть на животном задымилась.

Со всей силы Лунег выпнул кокрика подальше в сугробы.

— Как там? Наливают зрелым мужчинам? Сейчас покажу, кто тут мужчина.

Процент напившихся девиц в баре уже достиг наивысшей отметки. Лунег выбрал одну из них, что выделялась длинными тёмными волосами. Из-за них он плохо различал её лицо, что выходило даже плюсом. Рядом с баром удобно выстроили несколько отелей, поэтому даже выпивший человек на шатающихся ногах мог дойти до кровати и уснуть. Но Лунег ещё не собирался спать. Заведя девушку в номер, хлестанул ту несколько раз по щекам и кинул на кровать.

В пьяных мутных глазах девушки не было осознания происходящего. Она не сопротивлялась, когда парень сорвал одежду, когда схватил её за волосы и потрянул голову. Затем внимательнее всмотрелся в её глаза.

— Пустые... глупые... Красивая, но бесхребетная. Нет, не могу.

Лунег сжал её шею. От боли девушка заплакала, а потом погрузилась в беспамятство, медленно вдыхая и выдыхая застоявшийся воздух.

Юноша вышел на улицу, чтобы отдать слёзы зимнему ветру.

Глава 4.

Контакт с болезнью (воскресенье, 21 горзэма)

Длинный коридор, разрезанный узкими окнами с полупрозрачными решётками, давил со всех сторон. Лампы на потолке серебристыми линиями заполняли его объём. Волек вжался в пластмассовую скамью, ощущая волнистые рёбра спинки даже сквозь куртку с висевшей на ниточках пуговицей. Он полез в карманы. Пальцы не упёрлись в мягкое — шапка где-то потерялась. И в недрах маленьких кладовых не лежала дорогая вещь. В груди закололо.

«Потерял солдатика! Или его забрали? Для подарка ледяному динозавру? Таких не существует. Сердце громко бьётся. Они услышат!»

Мальчики и девочки под присмотром женщины в строгом костюме высиживали очередь. Двери в соседние кабинеты открывались, чтобы выплюнуть одного ребёнка и забрать другого. Пахло неприятно, резко и чужеродно.

«Куда привезли? Что здесь происходит?»

Дверь перед Волеком отличалась лишь синей табличкой. Что написано чёрными буквами, он прочитать не мог.

«Без помощи не узнать».

Пара мальчишек, взбудораженных долетевшим криком с улицы, забралась на скамью ногами, но их быстро усадили обратно. Те принялись хвастаться синяками и ссадинами, меряться заплатками на одежде. Но в очередной раз получили замечания.

«Незнакомое другое место. Не видно крыш соседних домов. Высокий этаж. Нет игрушек, картинок, раскрасок и горячего какао. Здесь не любят детей. В больницах плохо пахнет, а тут запах старых вещей и магазина электроники. Долго ли ждать? Нельзя поздно возвращаться домой».

Коридор из ниоткуда в никуда тревожил Волека необъяснимым расположением. Ещё ни один человек не зашёл и не вышел, отчего мальчик пугался ещё сильнее. Путь до этажа выветрился из памяти, будто атаковавшие аллозавры настигли и откусили часть головы.

Женщина включила прилепленный к стене экран. За ним автоматически запустились остальные, заговорив наперебой. Хрипящий звук поглотил шептания ребят. Женщина уменьшила громкость.

«Может, выход где-то рядом? Дверь — экран — дверь — экран — дверь. Эх, солдатик бы подсказал, куда идти».

Продолжался стрим компьютерной игры с миссией по высадке на спутник Титан для борьбы с инопланетными разбойниками. Но Волек уже не испытывал никакого интереса к радостям по ту сторону экрана. Наоборот, одобрял всплывающую рекламу про скорый праздник нейросети, про открытие чуда света, про непонятную вспышку в городе и милые репортажи про кокриков.

— Волек. Заходи.

Вышедший из кабинета гвардеец — высокий и широкоплечий, в тёмной форме — подтолкнул мальчика в открытую дверь с синей табличкой.

Сидящий за столом худой мужчина в белом халате указал на стул перед собой.

— Присаживайся. Я доктор, который помогает деткам, когда они сильно напуганы. А мужчина, который тебя привёз, служит в гвардии. Его работа — возвращать потерявшихся детей домой. Мы хотим помочь.

— А для этого необходимо, чтобы ты ответил на несколько вопросов. Но предупреждаю: я сразу пойму, если ты нам врёшь! Честно и ясно ответишь на вопросы — быстро вернёшься домой, — гвардеец навис над ним всем своим крупным телом.

«А дома мама. Опоздал! Уже темно, давно темно. Часы со стрелочками на стене — не понимаю их».

— Как тебя зовут?

— Волек, — выдохнул мальчик себе под нос.

— Волек, расскажи нам, пожалуйста, как ты нашёл девочку.

«Девочка очень сильно замёрзла. Она не двигалась. Не моргала. Но не прикоснулся к её коже. Ко мне не перешёл её холод».

— Не трогал девочку. Фольга, как на конфетках, порвал фольгу.

— Очень необычно. А ты видел, как принесли девочку в фольге?

«Она там не легла спать? Её принесли! А если меня поймут у штаба и завернут в фольгу? Тогда не страшно домой возвращаться. Мама меня не узнает и не станет ругаться. В штабах нет фольги. Наверное, она очень ценная, тогда её охраняют хищные динозавры».

— Нет. Динозавры сильные, они легко могут унести девочку.

— Кто такие динозавры? Новая группировка? Отряд штепов?

— Волек, ты говоришь про животных или про людей?

— Они не животные. Они динозавры.

— Малец, ты по-настоящему думаешь, что динозавры похитили маленькую девочку, завернули её в фольгу, а затем припрятали у мусорных контейнеров?

«Несмышлёный гвардеец. Динозавры не смогли бы сами. Им помогал предводитель динозавров. Но нельзя выдавать предводителя».

— Да.

Гвардеец всплеснул руками и стукнул по стене рядом с часами:

— Уже девятнадцать. Моя смена окончена.

— Подожди. Узнаем адрес, и увезёшь мальчика. Волек, ты же хочешь домой?

«Девятнадцать — это больше, чем восемнадцать. Сильно попадёт. Надо спрятаться! За шкафом в углу тень чернее, чем под столом. За нами подглядывает предводитель динозавров?»

— Нет, — Волек вжал голову в плечи.

— У тебя есть дом.

— Да.

— Уже хорошо.

— Что хорошего? Бездомного бы здесь оставил, а так везти придётся.

— А где ты живёшь? Сможешь назвать адрес?

— Где Берложье царство. Нет.

«Может ли резко начинаться темнота? У другого шкафа отблески на стене. А у этого не видно, какого цвета краска».

— В бывшей столице Соткамской республики нет такого адреса. Всё ясно: патологический лжец и не от мира сего. Мне пора.

— Подожди, есть в тебе хоть капля совести? Одну минуту. Волек, давай отвлечёмся от динозавров и домов. Скажи, пожалуйста, ты живёшь с мамой?

— Да.

— Как её зовут?

— Не знаю.

Гвардеец хлопнул ладонями по столу, потом натянул шапку.

— С радостью оставляю тебя с вундеркиндом. До сих пор никаких сообщений о пропаже мальчика не поступало. И в системе он не зарегистрирован. Отсюда два вывода: первое — он из квартала бедняков; второе, предположу, что никаких родителей не существует, а историю

придумывает на ходу. И кто сейчас назовёт сына Волек? Любитель древних сказок? Не знаю, что скрываешь, пацан, но в твоей голове явно не хватает нескольких винтиков. И на сегодня лимит чертовщины я уже исчерпал: то езжай на завод реактивации космического мусора — там хулиганы фейерверк запустили, то мчись в Камнебетонный район — там неизвестный мальчик нашёл очередную жертву похитителя. Что дальше? Ночью Юманита сойдёт с ума и отключит в городе электричество?

В кабинет постучали.

Вошли ещё гвардейцы, громко обсуждая похитителя. Взрослые, не обращая внимания на мальчика, сгрудившись вокруг стола, открыли на столешнице картинку. Волек не испытал никакого интереса к сгенерированному образу возможного похитителя. Ощущение тревоги и скрежет от затаившейся опасности вцепились когтями в сердце, будто диморфодон спикировал и атаковал.

От шкафа по плинтусу к двери направилась серая полоса, словно ведомая невидимой рукой, и скользнула через щель в коридор. Никто не обратил на неё внимания, кроме задержанного свидетеля.

Волек спрыгнул со стула и последовал за мистической полосой.

Коридор пустовал. Лампы перешли в ночной режим. Отблески от экранов по привычке выискивали около скамеек ребятню. За соседними дверьми шуршали приглушённые разговоры.

Полоса тени, избегая отблесков и света фонарей из окон, подобралась к выходу из секции и через секунду исчезла где-то в темноте.

«Нет, это не похоже на предводителя динозавров. А если девочка заразна? Она могла передать суперспособность — отыскивать путь к древним динозаврам?»

Любопытство тянуло Волека побежать за неизвестным видением, но страх перед врачом и гвардейцем магнитил к кабинету.

Сделав шаг к выходу, мальчик не почувствовал боли. Второй шаг оказался будничным. И разорвались невидимые путы, отпуская Волека к самостоятельным приключениям. Позади остались взрослые, пугающие голоса, необходимость честно отвечать на непростые вопросы. И возвращение домой отложилось на далёкое будущее.

Металлическая дверь, отделяющая эту мрачную секцию от другого мира, где точно скользит одна необычная тень, встала на пути Волека. Вместо ручки — круглая кнопка.

«Ещё не поздно вернуться, довериться взрослым, попросить как можно скорее увезти домой».

Кнопка манила, пульсировала зелёным потоком, схожим по цвету с кожей динозавров и солдатиками.

«Они забрали солдатика! И если бы не спрятал в ботинке честно найденный чип-паспорт, то отобрали бы и его. Нельзя доверять незнакомцам. Они не любят то, что мне дорого. Но очень страшно прикоснуться к кнопке».

На экранах появилась фотография девочки в фольге. Кадр резко дёрнулся, и на пустынный коридор немигающим взглядом уставился взрослый мужчина. Ещё через секунду все экраны погасли.

Волек тут же нажал на зелёную кнопку и выскочил из необъяснимой опасности, готовый вытечь из экранов и схватить его.

Площадка. Лестница вниз и вверх.

А далее ещё одна секция. По тёмному пятнышку на краю двери Волек догадался, куда следовать.

Ещё одна зелёная кнопка распахнула металлическую дверь в неизведанную трубу с приделанными пыльными окнами и растрескавшимися дверями без табличек. В душном кори-

доре настенные светильники разбрызгивали ржавые лучи света. Сваленные вдоль стены стулья образовали высокую пирамиду.

«Найти предводителя динозавров».

У одной из ножек стула крутилась тень, а когда Волек подошёл к ней на расстояние двух-трёх шагов, полоса заскочила в незапертую дверь.

Волек поспешил за ней.

Здесь дышалось легче. По доносившимся звукам чувствовалась кипящая на других этажах жизнь. И хоть Волек боялся кого-то повстречать, ощущение безопасности проявлялось резче. Мальчик проверил, на месте ли чип-паспорт — находка целёхонька, но носок продырявила и натёрла кожу.

В кабинете на полу валялись игрушки, освещаемые грязной лампой, скучающей высоко под потолком. На столиках лежали рисунки с домиками, человечками, котиками и собачками. Волек разглядывал их, изворачиваясь телом, ничего не трогая.

— Повелитель динозавров? Ты хотел показать картинки? Много животных. И никто не нарисовал твоих друзей. Разреши мне, пожалуйста. Только у меня некрасиво получится. И ты засмеёшься. И больше никогда-никогда не станешь со мной дружить.

Среди фонового гула Волек услышал писк. Слабенький и тоненький. Какое-то маленькое существо пряталось где-то в кабинете.

Полоса тени скользнула по стене и врезалась в границу света от настольной лампы.

В отдалении, у самого пола, Волек разглядел маленького кокрика, запутавшегося в нитках у погнутой решётки вентиляции.

— Мой милый друг, тебе нужна помощь!

Тельце животного пульсировало от биения сердца, ушки прикрывали зажмуренные глаза, а лапки едва проглядывали сквозь пучок разноцветных ниток.

Мальчик опустился на колени и нежно погладил детёныша. Затем положил его на ладонку и выждал, пока тот привыкнет к его запаху и теплу. Избавив кокрика от пут, аккуратно положил к вентиляции.

Детёныш скрылся в темноте.

С облегчённой душой Волек развернулся. По его тени юркнула серая полоса и объединилась с тёмным прямоугольником, отбрасываемым шкафом.

Проведя пальцами по линии движения тени, Волек представил, как они с предводителем динозавров играют в штабе, выдумывают спасательные операции и планируют далёкие путешествия за самой лучшей идеей, а вечерами задорно бегут пить какао.

— Повелитель динозавров, спасение кокроши выполнено успешно. Пора спешить к новым подвигам. И пусть никто мне не завидует!

Тёмное пятно взметнулось к потолку и забралось под сдвинутые пластины. В следующую секунду мальчику показалось, что на поверхности тени всплыло несколько чёрных маленьких глазков, похожих на леденцы. Моргнул. Запылённый потолок уже ничем не привлекал.

«Он ответил».

Сохраняя тепло маленького кокрика, Волек сжал пальцы в кулачки и запихнул руки в карманы. Приподнятое настроение отправило его к неизвестным землям: лестнице, первому этажу и внутреннему двору, освещённому десятком низких фонарей.

По первым признакам, аллозавры здесь не водились. Только кто-нибудь из летающих мог преодолеть высокий забор или многоэтажные здания, чтобы попасть во двор, занятый качелями, ледяными горками, невысокими, уснувшими на зиму деревьями и большим разноцветным ковриком, на котором веселились дети. Активные мальчишки врезались друг в друга и выталкивали слабых и неуклюжих с ковра. Девочки лепили замок и расставляли в нём кукол. К качелям выстроилась очередь, контролируемая воспитателями.

Холод ущипнул за уши и пощекотал шею. Мальчик застегнул молнию на куртке и неловкими движениями растёр уши — оставшееся тепло от коврика помогло согреться.

Качели пугали Волека твёрдыми и быстрыми сиденьями, целящимися прямо в лоб, когда оказываешься рядом. Мальчик начал искать тихий уголок. Скамейки были пусты, кроме одной. Объёмная рыжая шапка с чёрными ушками покачивалась, скрывая лицо. Волеку непременно захотелось узнать, кто скрывается под большой шапкой, а затем рассказать, как вместе с повелителем драконов он спас коврика из беды.

«А если там ещё одна девочка в фольге? Тогда активирую на куртке защитный режим и спрячусь за ближайшим деревом».

Волек набрался храбрости и присел рядом.

Одиноким ребёнком в необычной шапке обратил внимание на нового соседа. Светловолосая девочка с глазами цвета свежесваренного какао взглядом прожгла Волека. Разбежавшиеся по её лицу веснушки прекратили играть и тоже начали изучать гостя.

— И не стыдно тебе? И ещё наглеешь? Я разрешала садиться на скамейку?

Нахмуренные девичьи брови пробудили в Волеке дискомфорт.

Мальчик привстал и замер в нерешительности. Глаза девочки налились светом и выбросили лучи, заставляя мальчика отвернуться.

Квадрокоптер доставил посылку на один из верхних этажей, просканировав перед этим местность. В окнах то зажигался, то гас свет. По первому этажу ходили силуэты взрослых. Но никто не искал и не преследовал Волека.

«Надо остаться. Рассказать историю. Не хочу домой. Остаться с рыжешапочной девочкой страшно, но не так, как дома».

— Думал, тут не занято, — Волек несмело уселся на холодное сиденье.

— Прощаю за будущую услугу. Садись, поделюсь своей добротой. И как ты мог заставить меня ждать столько времени?

— Сначала не знал, куда идти, а потом спасал коврика, а потом прибежал сюда. Теперь разговариваю с веснушками и рыжей шапкой.

— Рыжий цвет защищает от гнусных мальчишек, — заявила девочка как само собой разумеющееся. — И становишься невидимым для воспитателей! А ты знал, что взрослые говорят о ковриках плохо? Эти зверьки переносят страшные болезни! Нам строгим голосом велят ни за что не брать ничейных животных на руки! Я не боюсь бородавок, так как могу от них защититься. А твой коврика был ничейным? — протараторила она и уставилась на мальчишку.

— О нём заботится повелитель динозавров.

— Слышала я про твоего повелителя! Слабак. А мой Виршу могущественнее остальных. Он как-то раз только с помощью мыслей отыскал артефакт вечной молодости.

— А повелитель и без артефакта всегда молодой!

— Сможет ли твой повелитель отдать незнакомцу артефакт тёплого ветра?

Задумавшись, Волек пытался вообразить чудесный предмет и то, как шустрая тень могла бы его использовать или подарить.

— Он бы не смог.

Оранжевая шапка затряслась от победных эмоций. Девочка застучала ножками по земле и прошептала:

— Виршу умный и добрый. Он — меченосец! А ещё заботится о тех, кто попал в беду. И животным помогает. Те как-то расплатились с ним пятнистой шкурой. Теперь он всегда носит плащ из шкуры дикого и ужасного животного в знак того, что его признали защитником.

— Никогда не видел человека в шкуре зверей! Наверное, твой Виршу страшный: с большими клыками, обросший, а пахнет, как... как скомканная за диваном куртка, которую спрятал в прошлом году.

— Он не страшный, а грозный. Его лицо украшает раскраска в виде птицы казарки!

— Хочу увидеть раскраску. Давай сходим к человеку в шкуре.

— К нему нельзя пойти. И защитник часто занят охраной бескрайних земель. А ты знал, что в Ягельске существуют магические артефакты?

— Нет! Ты найдёшь и заберёшь их себе?

— А вот и нет! Ты найдёшь и принесёшь их мне! Хо-хо-хо!

Воспитатели не обращали внимания на то, что к девочке подсел незнакомый мальчик. Вытолкнутые из круга дети тыкали в Волека пальцем, несколько снежков пролетело мимо. Самый неточный выстрел комом прилип к кожуху фонаря, образовав теневой круг. А самый точный вызвал испуг у бросающих, потому что виноватых искать и наказывать очень просто.

— А ты почему не увернулся, чудик? Лоб будет красным!

— Не успел придумать, что можно увернуться.

— Не печалься. А как ты попал в приют «Акань»?

— Вчера бы догадался о месте, а сегодня плохо себя чувствую. Это как приют для собак, только для детей? Мне мама не разрешает собаку. И в приют ходил один раз, когда сбежал с уроков.

— Мне тоже захотелось сбежать ради собачек. Тебя мама привела?

— Несмышлёный гвардеец. Из-за того, что нашёл похищенную девочку.

— А я знаю, кто похититель...

Волек с запозданием разобрал смысл тихо сказанных слов. По телу побежали мурашки. Двор сжался, стискивая рёбра.

«А если квадрокоптер только показался почтовым?»

Рыжий головной убор приблизился. Они вдвоём оказались в теневом кругу.

— Просьба в обмен на тайну. Согласен?

— Не хочу сложную просьбу. Устал и кушать хочу.

— Посмотри наверх.

Волек поднял голову. Большие серые тучи набились, как вата в подушку, в чёрное бескрайнее небо. Из двора не разглядеть стройку, зато свет негасимых прожекторов протыкал мягкую серость и терялся за границами подушки.

«А если она прикажет забраться на верхушку чуда света и выкрикнуть её имя?»

— Перестань разглядывать небеса и посмотри на крышу приюта, — девочка дёрнула его за рукав.

Подчинившись, мальчик разглядел несколько башенок.

— В центральной башне чердак. Туда плохие дети закинули мой любимый шарфик. Если заберёшь и принесёшь, то узнаешь главный секрет похитителя. Самый тайный его секрет! Вот тебе наклейка на плечо для храбрости, — быстрым движением светловолосая прихлопнула к его куртке небольшую этикетку. — Теперь мы временно в одной команде!

На левом плече девочки блестела светоотражающая полоса с вышитыми буквами «А.Г.».

Отказаться от выгодной сделки Волек не мог, но, подходя ко входу в здание, крутил из стороны в сторону идею вернуться к девочке и признаться, что струсил.

«В башне темно, а по этажам должны бегать гвардейцы и искать мальчика в запачканной куртке с непришитой пуговицей и с чип-паспортом в ботинке. Но активирована замаскировка: у меня шишка во лбу и наклейка на плече».

Аккуратно проникнув в здание, Волек прислушался.

«И кто бы не струсил? Можно потеряться в коридорах, заблудиться на чердаке или оказаться похищенным и уже никогда-никогда не попробовать горячий шоколад в кафе „Де Миранд“».

Волек закрыл глаза и представил, как держит в руках кружку: тепло от шоколада через стенки обжигает пальцы, густой аромат, как туман осенним вечером, обволакивает лицо.

«И нет слаще напитка во всём свете!»

Звонкие голоса выдернули из мечтаний.

Мужчина в очках, плечи которого окутывал длинный шарф цвета какой-то бледно-жёлтой рептилии, выделялся среди алополосных. Он с грозным видом слушал крики раскрасневшихся гвардейцев, иногда поправляя светлые очки. Врач, который ранее задавал мальчику сложные вопросы, то хватался за голову, то вертел в руках смартфон, пытаясь что-то объяснить серьёзному мужчине. В контраст этому Юманита с настенных экранов рассказывала об итоговых экзаменах и важности получения идеи для жизни.

Мужчина в рептильном шарфе перехватил инициативу в разговоре:

— Отыщите и успокойте мальчика. А главу безопасности требую понизить в должности. Необходимо улучшить жизнь детей в приюте. Во-первых, введите единую электронную систему. Во-вторых, организуйте ежемесячные экскурсии по городу за мой счёт...

За спиной Волека открылась дверь на лестничную площадку, чем он и поспешил воспользоваться.

Ноги заболели после первых тридцати ступенек. Дальше Волек снова повёл отсчёт с единицы, так как часто забывал и путался, какое число идёт после тридцати одного. Мимо проходящие врачи, охранники, мужчины и женщины с микрофонами и камерами только мешали ему неспешно подниматься. Приходилось часто огибать живые препятствия, бросающие в спину ругательные слова. От них мальчик спешил избавиться, проговаривая про себя слова добрые: штаб, кокрик, одиночество, солдатик, одеяло. И сегодня «шоколад» заменил слово «какао».

Внезапный удар повалил Волека на спину.

Запыхавшийся мальчишка со вздыбленным русым хохолком, не думая извиняться, грозно присмотрелся к упавшему.

— Эй, малец-леденец! Проход на верхние этажи запрещён! Если отловят, то шкуру сдерут и не поленился написать огромную жалобу, чтобы тебе никогда не выдали достойную идею для жизни!

Нравоучитель выглядел на пару лет старше Волека, крепче сложенным и лучше откормленным. На заношенной одежде болтался небрежно пришитый кусок ткани с нечитаемым словом. От закрашенных красным цветом букв «А» у Волека похолодело в животе.

— Но как же так? Для девочки необходимо выполнить задание.

— Дай угадаю: отыскать на чердаке шарф?

Волек, так и лёжа на спине, кивнул, предчувствуя недоброе.

— И наградой будет поцелуй?

Услышанное вогнало Волека в краску.

— Тебе же ещё рано, малец. Тот, кто первым отыщет шарф, того и будет награда. И судя по тому... — незнакомый мальчик внезапно ухватился за левую ногу Волека, стянул ботинок и швырнул его вниз, — по тому, что ты остался без башмака, то зря тащился вверх. Горького проигрыша тебе, леденец! А это теперь — моё!

Мальчишка оторвал этикетку, приклеил себе на грудь и побежал вверх. Хохолок издевательски закачался.

— Неудачник без идеи и без поцелуя! Ля-ля-ля!

В глазах Волека прокручивался бросок, и тяжесть всё больше и больше прижимала к лестнице.

«Сильный победил. Это заслуженно. Слабым надо терпеть».

Отряхиваясь, Волек на одной ноге пропрыгал один пролёт вниз, где отыскал выкинутый ботинок. Повезло, что тот отскочил на верхнюю ступеньку, а не попал между перилами, тогда бы пришлось спускаться и иметь дело со злыми взрослыми.

Топот мальчишеских шагов отдалялся с пугающей быстротой.

Вцепившись в перила, Волек глянул на нижние этажи. Кроме нескольких врачей, мелькнувших туда-сюда, никого не было. Путь к выходу освободился.

Оказавшись на распутье, Волек задумался, как на его месте поступил бы повелитель динозавров или Вирушу.

«Первый бы на птеродактиле умчался к башне. А второй?»

В памяти не нашлось знаний про нового героя.

— А разве Вирушу существует? Почему не слышал про него раньше? Если принесу шарф, то веснушчатая девочка про него точно ещё что-нибудь расскажет!

Появившиеся от любопытства силы взбодрили мальчика и указали цель, к которой необходимо стремиться.

Уже никакого топота не разносилось, а ступеньки под ногами Волека всё шли и шли. И в пути уже не-обладатель белой этикетки на рукаве куртки развлекал себя мыслями о тайне похитителя.

«А вдруг это злой учёный, придумавший страшные эксперименты, или пришелец, изучающий человечество? Девочка знает тайну и спокойно сидит на лавочке! Крепкая воля!»

Лестница закончилась.

Руки болтались, ноги тряслись, а в боку кололо. Во рту пересохло, и к голоду добавилось чувство жажды.

На последнем этаже развернулась необъятная зона с вычурной аркой посередине. Чувство первооткрывателя захлестнуло мальчика. Новая обстановка могла скрывать немыслимые тайны и прятать сюрпризы.

«Не время уставать! Немедленно изучать этаж!»

На полу лежал ковёр с длинными ворсинками цвета булочки с корицей, и в нём темнели углубления с подушками и покрывалами, словно кусочки шоколадок с зефиром. И всё для того, чтобы наблюдать за умопомрачительным аквариумом, растянувшимся во всю ширину двух стен от пола и до потолка. В зале едва светили лампы, но у аквариума работало бесчисленное количество фонариков, лампочек, прожекторов, светильников, гирлянд и ещё того, чему Волек не знал названий.

Поражённый увиденным, мальчик разглядывал рыбок, рыб и рыбиц — каких угодно цветов, форм и манёвренности.

«Где-то тут должен жить и царь рыб».

Но на глаза влиятельная персона не попала.

«Может, его сцапал предводитель динозавров?»

В огромную чашу аквариума с двух сторон врезались тоннели в человеческий рост. Пройдя между стенками аквариума, Волек аж присел, когда над головой проплыла огромная рыбина.

Открылась новая часть помещения, где мог прятаться предводитель динозавров, но мальчик никого не отыскал. Мысли о важной миссии по добыче шарфа взяли верх. Следовало искать путь к чердаку.

В углу ввинчивалась в скошенный потолок лестница, но вход на неё преграждала прозрачная дверь, запертая на электронный замок. Ещё одна старинная лестница находилась как раз за аквариумом, ожидающая посетителей, с гостеприимно подсвеченными ступенями: они шли волной, извиваясь то влево, то вправо, уходя ввысь.

Неспешно Волек ставил то одну, то другую ногу, представляя, как какой-нибудь плезиозавр вынырнет из невидимой водной ниши и схватит его за шею.

Через несколько наборов по тринадцать шагов впереди возник задиристый мальчик, обещавший первым найти шарф, точнее, Волек увидел тело без головы: та была просунута в проём с откинутой крышкой.

Сквозь щели проступала непроглядная тьма. И мальчик дёргался, то силясь подняться, то резко отступая. Порывы ветра из глубин сменялись тишиной.

Побаиваясь задиру, Волек осторожно подкрался, собираясь с силами заговорить.

— Шарф там?

— А-а-а-а! — тот стукнулся головой, соскользнул со ступеней, упал и распластался на полу. — Ох, больно!

Волек чуть отступил. Распознав его, мальчик с хохолком выдохнул, поглаживая себя.

— Похоже, руку ушиб. Чего припёрся? Думаешь, тебя испугался? Я увидел её! Она как раз хотела напасть на меня, когда ты пришёл!

— Кого её? Там кто-то живёт?

— Ведьма из башни!

Волек вцепился в перила.

— Первая воспитательница, которую проклял директор.

«Настоящая ведьма! Она не отдаст шарф!»

— Говорят, она ела детей заживо! Хочешь пойти на съедение ведьме?

— Нет, не хочу.

— Забоялся? Я бы показал ей, каков на вкус мой кулак, но только руку повредил, — мальчик с хохолком скорчил рожу, изображая боль. — А у тебя, смотрю, все руки целые. Полезай! Или мне пойти и сказать девчонке, что ты услышал про ведьму и со слезами убежал от башни!

— Не забоялся! Полезу и найду шарф!

— Давай-давай! На крышке замок сломан. Стукни по ней и открывай! Если взберёшься, отдам наклейку.

«Чёрная ниша. Пыльно. Из стены торчат прутья. Взобраться. Не трусить!»

Забираясь по ступеням, Волек был полон решимости. И когда приподнял нелёгкую крышку, то верил в свою храбрость. Мальчишеские подначивания со спины нисколько не уменьшали дух.

В холодную темноту проникли отблески лучей с лестницы.

«Чердак. Руки трясутся. Тяжело дышать. В темноте могут быть тысячи ведьм!»

Волек никого не увидел.

«Ведьму вряд ли разглядишь без фонарика. Можно тихо пробраться и унести находку».

План казался несокрушимым до той поры, пока крышка люка не захлопнулась под ногами Волека.

Весь остальной мир остался где-то там. Густая чернота клубилась в башне. Мальчик не видел не то что ног, а даже свою ладонь едва мог разглядеть, поднеся её чуть ли не вплотную к глазам.

Ветер гудел и поскрипывал дощечкой у самой крыши.

«И никакой ведьмы. Или она уже стоит за спиной?»

Волек обернулся, но позади клубилась та же отпугивающая холодная чернота.

Покрутившись, заметил лишь маленький кружок света от окна — портал в мир людей, которые не дают искать свою идею для жизни.

— Эх, если бы шарф висел у окна... И как теперь найти его? А если предводитель динозавров забрал вещь раньше меня?

Опустившись на колени, мальчик ощупал пыльную поверхность под ногами.

Такие поиски ни к чему не привели, зато глаза научились различать детали. У одной из опор стояла коробка. Подползя ближе, Волек зашарил в ней руками. Старые игрушки: плюшевый мишка или собачка, паровозик, машинка без колёс, треснувший солдатик. Рядом ещё коробки. Пальцы нащупали кубики и холодные тела фигурок. Домашняя армия пополнилась новыми бойцами: отряд роботов сам собой заскочил в карман.

Сбалансировав друг на друге кубики, мальчик вспомнил о цели своего пребывания в башне.

«Шарф для девочки с какао-глазами!»

Кто-то прошагал сбоку.

Волек перестал дышать. Кубики с шумом рассыпались по полу. Волна холода пробежала по телу мальчика и вцепилась в ступни. Сердце стучало в ушах, дыхание прервалось. Холод сменился леденящими клещами.

Всматриваясь в направлении посторонних звуков, щуря глаза, Волек никого и ничего не смог разглядеть.

Загудел ветер. Донёлся знакомый писк. Мальчик выдохнул в ладошки.

«Мог ли кокрик доползти из вентиляции сюда?»

— Ведьма заманивает в ловушку... — прошептал лишь губами, чтобы никто не смог услышать.

«Пригодилась бы помощь Виршу».

Мальчик представил, как воин в шкуре дикого зверя пробивает крышу и мечом разрубает злую ведьму.

Дышать стало труднее. Воздух будто заканчивался.

Выбирая между поиском шарфа и спасением кокрика, мальчик вытащил из коробки игрушечный щит.

— Я буду отбивать удары ведьмы, а Виршу — рубить её мечом.

Писк исходил со стороны, где кто-то прошёл. И только сейчас Волек понял, что именно там находилась особенная темнота, самая густая.

Выставив щит, мальчик пополз, вслушиваясь. Писк кокрика повторялся, не становясь ни громче, ни тише. Стукнувшись щитом в опору, Волек взвизгнул и выронил защитное средство, задрожав, тут же нашёл его и прижал к груди, беспорядочно крутя головой.

Ведьма не напала. И писк прекратился. Хотя, может, бешеный стук сердца глушил звуки кокрика. Волна стыда разогрела тело.

Через некоторое время Волек разглядел в темноте ещё более тёмную полосу в метре над полом.

Она была неподвижна.

«Девочка хочет получить шарф обратно!»

Не думая о последствиях, поднялся на ноги, сделал два шага и прыгнул, выставив щит.

Зацепленный за верёвку шарф оторвался и упал вместе с мальчиком. Приземлился Волек на коробки с чем-то плоским и твёрдым, но боль не пришла.

Чтобы не потерять находку, он тут же закрутил мягкий шарф вокруг шеи, не сомневаясь, что это именно тот, который потеряла девочка.

Кокрика не было слышно. Волек даже засомневался в реальности услышанных ранее звуков.

Щит куда-то укатился, взамен ему мальчик вытянул из коробки большую книгу.

— А как найти выход?

Вспоминая, на каком расстоянии от люка находилось пятно у окна, он побежал к предполагаемой точке.

Лишь темнота.

«Ведьма знала, что не отыщу выход, поэтому ждёт, пока устану и свалюсь без сил!»

Паника охватила разум и погнала его по башне, упирая на случай. В какой-то момент писк кокрика раздался совсем рядом. Мальчик тут же определил место, бросился туда, подмёрзшими пальцами нащупал мягкое дрожащее существо. Тепло маленького беззащитного животного прибавило храбрости и надежды на благоприятный исход.

За ближайшей опорой блеснули глаза. Пронёсся холодный ветер.

У Волека перехватило дыхание, скрутило в животе, закружило в голове. Он попятился на онемевших ногах.

Широкая полоса тени обогнула опору.

«Это не предводитель динозавров!»

Отходя, Волек заметил, как приближается к свету заледеневшего окна.

«Нельзя оборачиваться».

Дрожащий в руках кокрик тоже чувствовал опасность.

«Необходимо защитить зверька. Победить неизвестную тень».

Тёмная полоса сохраняла дистанцию, загоняя к стенке.

Свет из окна показался невероятно ярким, слепящим. Теперь Волек отчётливо видел шарф, книгу, кокрика в ладони, но ничего не мог разглядеть в обступившей темноте. Зажмурив глаза, он обратился к повелителю динозавров или Виршу, чтобы те помогли ему.

«Обещаю прибраться в комнате, достать из-за дивана нелюбимую куртку, начать учиться и слушаться маму».

Что-то сжало его плечо. Из темноты тянулась длинная рука.

Мальчик закричал и разжал ладони.

— Беги, крокоша!

Выпустив кроху, Волек принялся со всей силы бить книгой ужасную руку, ничего не видя сквозь плеснувшие слёзы.

Золотистый цвет вошёл в оконные лучи.

— Всё в порядке. Меня зовут Ярослав. Я пришёл помочь, — мужской голос оказался знакомым, приятным, совсем не враждебным.

Волек прекратил махать книгой, утёрся и разглядел мужчину со светло-рептильным шарфом и очками.

— Я не причиню тебе зла. Нашёл здесь кокрика? Давай возьмём милашку с собой. Пойдём, спустимся, тут больше ничего интересного нет. Согласен?

Не отпуская книгу, Волек нагнулся и посадил испуганное животное обратно на ладонь.

— Знаешь, что у меня есть? Орешки. Хочешь кушать? Я подержу книгу, а ты поешь. Хорошо. Старая книга. Уроки рисования карандашом. Хочешь научиться рисовать?

Наслаждаясь вкусными орешками, Волек кивнул. Будто без его воли взгляд устремлялся туда, где совсем недавно плыла широкая тень с глазами.

— Там никого нет. Даю слово. Ты же Волек, верно? Сегодня ты многого натерпелся. А ещё потерял вот это, — на плечо вернулась наклейка, а в ладонь Волека опустился чип-паспорт. — Не теряй его больше. А хочешь, я дам тебе настоящее взрослое задание? Оно будет ничуть не хуже тех, что распределяет Юманита. Раз ты хочешь научиться рисовать и не боишься кокриков, то составь настоящую книгу в рисунках про кокриков. Как тебе? Согласен?

— Да.

— Вот и договорились. Пойдём вниз. Я позвоню твоим родителям, они приедут и заберут тебя домой. Кстати, светоотражающая полоса очень красивая. Это подарок?

Ярослав усилил свечение фонаря и повёл мальчика к люку. Волек уже весь был в фантазиях, как гордо передаёт шарф девочке и получает заслуженную награду.

Перед спуском Волек глянул туда, откуда пришли. Поблёскивающая пара глаз за одной из опор продолжала наблюдать всё это время.

Задира на этаже с аквариумом исчез.

На комфортном лифте, облепленном зеркалами, они спустились на первый этаж. Волек не удивился своему чумазому виду, лишь с грустью подумал о том, какой нагоняй получит от мамы и как придётся самому отстирывать каждое пятнышко.

Пока шли по коридору, Волек выглядывал в окна во двор. Там уже никто не гулял. Волна грусти окатила тело, забирая оставшиеся силы.

«И девочка ушла. Теперь никогда не узнать о тайне похитителя».

В большом холле врачи, воспитатели, охрана и люди с камерами тут же облепили Ярослава, перебивая друг друга.

— Волек, подожди здесь, скоро за тобой придут. А мне необходимо ещё решить много-много дел. И давай я позабочусь о малыше.

Ярослав пересадил зверька к себе на ладонь. Окружающие ахнули.

— Помни о своей идее — нарисовать книгу про кокриков.

Шумящая группа скрылась за автоматическими дверями. Волек остался с охранником на проходной.

Придумывая, чем себя занять, он открыл книгу. На одной странице рисовались примеры и шло небольшое описание, а на второй находилась пустая область.

— Эй, пацан, Волек Зонов — ты?

— Да.

— Тебя ждут в приёмной.

Охранник открыл дверь в соседнюю комнату.

Курьер раскладывал на столе булочки, сладости, фрукты и напитки, в воздухе стоял плотный аромат карамели, а на диванчике сидела та самая девочка. Рыжая шапка лежала рядом.

— Принёс шарф? Герой! Не такой, как Виршу, но тоже молодец.

Волек аккуратно, с придыханием, протянул дрожащими руками находку. Светловолосая девочка выхватила шарф с фиолетовыми точками, повязала его вокруг пояса, вскинула руки вверх и громко крикнула:

— Мы с гадюкой неразлучны! Открываю охоту на артефакты Виршу!

Улыбнувшись, курьер поспешил на выход:

— Дети, приятного аппетита! Заказ на двоих. Угощайтесь.

Дети набросились на вкусности, попутно рассказывая о самом интересном: Волек — о том, как боялся темноты в башне, как потерял и нашёл чип-паспорт, как попалась чудесная книга, в которой можно рисовать, а девочка — о самых главных противниках Виршу — пантерных рыцарях, которые могут превращаться в злые тени, напускать ужасные мысли и преследовать тех, кто им не понравится. А ещё — про необычную девушку Настьку с фантастическими технологиями.

— Виршу существует по-настоящему! Он сотворил шарф-гадюку с точками. А ещё где-то в городе лежат перчатки и шапочка. Если собрать предметы, то у надевшего появятся супер-способности! Посланный рыцарями магический ветер раскидал артефакты по Ягельску, но не принёс их в руки злым теньям. Вредность Настьки и её неожиданное приземление спутали все планы. Вот.

— Хочется узнать о тайне похитителя. Меня зовут Волек. А тебя как?

— Алина. Запомни! Потому что ещё раз повторять не стану! И про тайну не забыла! Подойди, я шепну на ушко, чтобы никто не услышал.

Укусив яблочко, Волек наклонил голову к девочке и закрыл глаза, сгорая от нетерпения.

— Мне Виршу сказал, что у похитителя страшная болезнь, как проклятие. И расколдовать его можно, собрав все три артефакта.

Услышав секрет, Волек задумался. Воображение нарисовало неизвестного человека, а над его головой — ужасного демона, боящегося лишь того, кто имеет три артефакта. Взглянув на серьёзное лицо Алины, мальчик задумался:

«Для чего же демону понадобилось похищать девочек, а затем прятать их в городе?»

Но больше всего Волека расстроило, что похититель никогда не избавится от демона, ведь шарф у девочки из приюта, а два других предмета спрятаны в огромном городе, который за всю жизнь не обыскать.

Пропал аппетит. Мальчик аккуратно положил надкусанное яблоко в карман и взглянул в яркие глаза Алины, а затем на забавные веснушки, танцующие в свете ламп.

Девочка хихикнула, сорвалась с места и подбежала к окну. Мягкие лучи уличного освещения красиво заиграли в её волосах.

— У входа остановилась машина. Кажется, Волек, за тобой приехали.

Глава 5.

Излечение больного дитя (вторник, 23 горзэма)

— Пимен Михайлович, для нас большая честь, что вы решили лично посетить школу подготовки спасателей! Пройдёмте, Василий Сергеевич вас ждёт.

Наигранность в голосе меня несколько не смутила. Гвардейские учреждения не первый год с укором смотрели на медицинские службы, получающие от Юманиты солидные бонусы к зарплате.

Я, Игорь и маленький сопровождающий в обтягивающей форме шли по второму этажу административного здания. За окнами, на очищенном от снега плацу, люди в такой же форме выполняли упражнения, не обращая внимания на установившуюся холодную погоду.

— Позапрошлой осенью школа получила современный спортивный комплекс. С ним что-то произошло?

— Нет, что вы, Пимен Михайлович. Так как скоро большие праздники: День нейросети, открытие чуда света и Новый год, то Василий Сергеевич выпустил приказ о переносе занятий на открытый воздух.

— Максимально приближённые условия?

— Так точно. Присаживайтесь на диванчики. Сейчас уточню, можно ли войти.

Сопровождающий юркнул в кабинет и через пару секунд вернулся.

— Прошу прощения, неожиданный важный видеозвонок. Василий Сергеевич пригласит вас, как только освободится. А мне пора вернуться к своим обязанностям.

Пожав руки, сопровождающий убежал, оставив нас в одиночестве в маленьком помещении перед кабинетом главы школы спасателей. Среди голых стен пылились зелёные диванчики, круглый стол и два пластмассовых табурета, с потолка свисали несколько ламп прямоугольной формы без плафонов.

Из приоткрытого окна тянуло зимней свежестью.

Я не мог отделаться от чувства брезгливости от рукопожатия хлипких пальцев сопровождающего. Человек хилого телосложения явно пробился на высокую должность не через героизм спасения людей из аварий и горящих зданий. Назло зачесалась правая рука, я почувствовал высыпавшие волдыри, лопающиеся под ногтями, но визуальнo пальцы оставались такими же предстарческими, как и прежде. Едва начал пить курс лекарств, а побочные действия уже нервируют.

— Вы сегодня утром приняли лекарства? — Игорь повернулся ко мне, от чего диванчик неприятно скрипнул.

— Принял. И выставил напоминания на несколько месяцев вперёд. Обязательно назначать ингибитор ЯМАО-В нашей марки? Эти бездари постоянно что-нибудь путают.

— Вы разве не слышали, Юманита запретила ввоз в Ягельск лекарств из Северного Королевства и Лаппинской республики. Ради безопасности: она боится, что они попытаются отравить нас.

— У нейросети паранойя? Что за бред? Поставь нашему новому главврачу Купре на рассмотрение вопрос о снятии бредового запрета.

Игорь выслушал меня до конца, но ничего не стал записывать и лишь задумчиво постучал пальцем по смарт-ифтейсу, намекая на что-то.

Можно взять дело в свои руки, но я ещё плохо ориентируюсь в устройстве, а электронные формы доводят до бешенства. Моё долгое сопротивление новым технологиям даёт о себе знать. Надо было раньше купить современный гаджет. Лишь новости о здоровье убедили отказаться

от предрассудков и заказать смарт-ифтейс со сбором медицинских данных. Купра, должно быть, пляшет от счастья, так как при нужном официальном запросе можно получить всю медицинскую сводку с устройства. И этот ход грех не использовать для моего увольнения или признания профнепригодным.

— Пимен Михайлович, прошёл слух, что больница имени Казаркевича начинает опережать нас в исследованиях по непрерывному контролю состояния здоровья. Если ничего не предпринять, то всё финансирование от Юманиты достанется им. Без сторонней помощи...

— Не сейчас, Игорь. Обсудим позже.

— У вас голос захрипел сильнее. Принести воды?

— Не хриплю я! Это из-за сухого воздуха, военные не следят за микроклиматом в помещениях.

Мы переглянулись и замолчали. Игорь поправил волосы на макушке и глубоко вздохнул. Мне стало неудобно из-за своей грубой реакции, но слов уже не вернуть.

Тишину маленького помещения нарушали возгласы с плаца. Этого было достаточно, чтобы погрузиться в мысли, вспомнить, как недавно поговорили с дочерью про стримера Псача. Шустрый парень, хоть и смазливый. В электроигровом смысле хорошо разбирается в механиках и быстро принимает решения. На день рождения дочери ловко обыграл её. Меня же хватает лишь на пошаговые стратегии из юности. Жене бы тоже не помешало хобби: умственное, не связанное с деньгами. А я уже сказал ей про заболевание или нет?

Игорь с серьёзным видом обратился ко мне, отвлекая от раздумий:

— Пимен Михайлович, ещё раз напомню: Василий Борщевский хоть и недавно занял должность, но обладает таким же правом голоса, как и остальные члены комиссии. Не исключено, что позиция военного по смертной казни для некоторых окажется определяющей. По моим данным, к медицинской сфере Борщевский не испытывает предвзятых чувств, поэтому склонить его к блокировке закона о смертной казни можно адекватными усилиями.

— Адекватными...? Если кто-то наотрез откажется, то мы его начнём пытаться или шантажировать? — хмыкнул я саркастически.

— Без крайностей, Пимен Михайлович, но с разумным подходом. Слышали о том, что позавчера Ярослав Канев лично побывал в детском приюте «Акань»? Он пообщался с руководителем Вокуевым и в итоге внёс солидные пожертвования.

— Неужели руководитель приюта тоже входит в комиссию?

— Верно. И мы забыли его пригласить на открытие нового корпуса больницы. Не хочу нагнетать, но высока вероятность скорого заявления Вокуева о поддержке закона.

— Игорь, оставь, сконцентрируемся на текущей миссии. Военные люди, как никто другой, знают цену жизни. Он и я спасаем жизни, но по-разному. У нас есть точки соприкосновения и осознание важности решения.

В подтверждение моих слов Игорь кивнул, но по движению его глаз я предположил, что делает это из уважения, а сам готовит контраргумент.

— У Василия Сергеевича, как и у вас, есть дочь. Только младше...

Тут же где-то внутри головы завертелась мысль, будто я что-то упускаю.

Дверь раскрылась, и в комнату ожидания вышел крепкий мужчина. Здоровый цвет лица, ровные белые зубы, уложенные светло-русые волосы не сопоставлялись у меня в голове с образом штабного главы академии. Отсутствие военной формы лишь больше заставляло сомневаться, что передо мной нужный человек, но его идеально выглаженный костюм, выверенные движения и стать, как у военных переговорщиков, убеждали в правильности занимаемой должности. Мой опыт подсказывал, что люди с высеченной, резко очерченной мимикой и твёрдым самоуверенным взглядом испытывают трудности с принятием неудобных им фактов и переоценкой своей позиции. Оставалось надеяться на совпадение взглядов по проблеме с новым законом.

— Здравия желаю! Пимен Михайлович.

Его рукопожатие сдавило мою кисть до побелевших костяшек.

— Ваш помощник?

— Игорь Энисьевич Малышев. Помощник заместителя руководителя больницы имени Истомина.

— Наслышан о вашей деятельности. Очень приятно. Прошу прощения за задержку, я привык обходиться без секретарей, поэтому выхожу на связь лично. И некоторые этим активно пользуются, чтобы потратить моё время впустую.

Борщевский явно говорил о последнем собеседнике. Неужели кто-то из правительства решил сыграть на опережение? Кто-то уже уловил суть, а я лишь пытаюсь выйти на её след.

— Наш визит не отнимет у вас много времени, Василий Сергеевич.

Вошли в кабинет. Возникшая ассоциация с музеем отлично подходила увиденному: в шкафах, под мягким стеклом, висели, стояли, лежали десятки образцов стрелкового оружия. Коллекция пистолетов, револьверов, карабинов и винтовок из разных эпох, скорее всего, радовала глаз владельца и производила впечатление на гостей. Я предположил, что директор гордился не только их наличием, но и начищенностью, и ухоженностью собранных образцов.

— Заинтересовались? Моя гордость, страсть. У вас есть хобби, Пимен Михайлович?

— Имеется, но оно не связано с коллекционированием.

— Оружие делает человека сильнее, позволяет ему совершать поступки, которые бы в ином случае он не совершил. История человечества с самого его зарождения связана...

— Василий Сергеевич, разрешите вмешаться, — вежливо перебил Игорь. — Мы с Пименом Михайловичем готовы обсудить крайне важную тему.

Василий Борщевский сел в единственное кресло в кабинете. Мы встали у стола, под стеклянной столешницей которого блестели пистолеты из разных стран мира. Можно было подумать, что директор питался их силой, заряжался уверенностью для права выбирать свой путь.

Хозяин кабинета указал на висевшую на стене карту, где отображалось Северное Королевство ещё до отделения Лаппинской республики и Северной Карелии, и продолжил разговор.

— Вопрос о смертной казни. Игорь, а знаешь, почему в Малопогосте её ввели?

— Если быть откровенным, то правительство Малопогоста решило таким образом себя защитить от предполагаемых восстаний. Они не хотят, чтобы поднялся вопрос о выходе из Соткамской республики.

— Выстрел в десятку. Но важнее другое: почему они смогли её ввести.

Распутывая логическую цепь, я на секунду вздрогнул. Осознание, что человек с настолько бесчеловечным суждением сидит передо мной, окатило тело жаром.

— Пимен Михайлович? Вы покраснели. Я пересмотрю курс ингибиторов ЯМАО-В, — обеспокоился помощник.

— Оставь, Игорь, мы пришли по конкретному делу.

— Верно, — поднял указательный палец Борщевский. — Серьёзный вопрос. Только что звонивший Ярослав Александрович, как вы понимаете, Канев, не смог догадаться, почему Малопогост смог провести закон к утверждению. Взял время на подумать. И заодно направил встречное предложение, которое окончательно заставило усомниться в его интеллектуальных способностях.

Меня переборёжило внутри от имени богача. Ярослав, проныра в жёлтом шарфе, вот кто играет на опережение. Надо аккуратно увести Борщевского от длинных рук Канева, не показав при этом слабости и страха. Как проверить хитрый трюк?

— Василий Сергеевич, отложим в сторону рассуждения. Пимен Михайлович готов услышать ваше мнение о законе. Наша позиция такова: ни в коем случае не допустить принятия губительного закона, способного в нечестивых руках творить жуткие вещи.

— Игорь, не торопи события. Василий оценивает ситуацию с позиции силы.

— Так точно, Пимен Михайлович. Продолжайте.

— У нас готов план по обсуждению проблемы с каждым членом комиссии. Я готов найти подход к каждому и понять его потребности, заинтересованность в нужном деле.

— Здравая идея. От слов перейдём к делу, Пимен Михайлович. От вас бессмысленно требовать финансовых вложений в развитие школы, а вот бесплатные медицинские и психологические курсы для солдат — это благое дело. Как считаете?

Продать свою независимость гвардейцам — последняя черта, до которой я не собирался доходить.

— Могу устроить еженедельные лекции в учебных классах.

— Какие же у нас спасатели получатся от четырёх-пяти лекций в месяц? — Василий махнул ладонью. — Едва понимающие, как перебороть страх выстрела в живого человека, и знающие по бумажке, какие противоядия могут лежать в аптечке?

— В моё время даже это считалось бы за благо, — выговорив будто опухшими губами, я почувствовал, как внутри закипает ярость от вида неуходящей белоснежной улыбки.

— Можно начать с малого, не спорю. Солдаты подождут. Тогда зайдём с иного фланга.

В образовавшейся паузе между репликами Борщевского я ещё раз прокрутил его высказывание с характеристикой Канева. Он считает проныру глуповатым. Чувствует над ним власть? Тогда почему сразу не отказался от его предложения?

Борщевский продолжил разговор, не давая мне времени на раздумья:

— Кто не может ждать, так это моя дочь. Юманита отрезала поставку необходимого препарата. Вы, как отец, можете понять, что невинное дитя не виновато в политических играх. Пока что её идея для жизни не в силе и не во власти, а в куклах и поездках на санках.

Улыбается. И ничего не боится. Хочет впутать меня в историю, из которой не выбраться чистым. Канев, скорее всего, отказался. Но смог предложить что-то иное.

— Я не занимаюсь организацией нелегального ввоза лекарств.

— Достаточно организовать исключение. Например, вывести из запретного списка всего лишь один препарат. И после этого договоримся о медицинских курсах. Тогда мой взгляд на смертную казнь вас устроит. Иначе может случиться ещё один инцидент. Оправится ли ваша совесть от очередного удара?

Шантажирует здоровьем своей дочери и продолжает улыбаться. Канев предложил нечто существенное, и нам не перебить ставку. К чёрту Канева! Белозубый хмырь перешёл все границы!

— Ни за что! Только не для тебя!

— Как грубо с вашей стороны, — улыбка не сошла с лица.

— Василий Сергеевич, прошу прощения, — Игорь выступил вперёд меня. — Это какое-то недоразумение. Пимен Михайлович плохо себя чувствует: сказываются нервные переживания.

Кисти задрожали. Я попытался убрать руки в карманы, но не смог в них попасть.

— Бесовщина! Шишига бы тебя подрал. Игорь, я знаю, что говорю.

— Самым лучшим доктором в этой части страны, Пимен Михайлович, являлись вы. Если же здоровье уже не то — настал черёд уступить место сильным. Поймите меня правильно: сам факт принятия или не принятия закона меня не очень интересует. Например, если бы правительство в Малопогосте решило запретить смертную казнь и отстояло это решение, то я бы относился к ним с таким же уважением, как и в сегодняшний час. Я не опускаюсь до поклонения или ненависти к личности.

— Наглый лицемер! В Ягельске длинная очередь из детей, которым нужна помощь, хочешь перескочить через всех и стать исключительным, лучше остальных?

Игорь попытался отодвинуть меня к двери, надеясь вывести в комнату ожидания, но я сопротивлялся. Горло давило. Я тянулся к несуществующему галстуку, продолжая разглядывать невозмутимое лицо Борщевского.

— Он думает, что закон — надпись на заборе, а приговор суда — шутки! Игорь, для этого человека распоряжение жизнями превратилось в игру!

— Не слушайте его, Василий Сергеевич. Больница имени Истомина согласна оказать содействие в поиске лекарств и организации бригады врачей для обучения солдат.

— Игорь Энисьевич, меня уже предупредили, кто по-настоящему может организовать сотрудничество, а кто выступает в роли поддержки. Не в обиду сказано, конечно же.

— Я попытаюсь приложить максимум усилий.

— Не унижайся, Игорь! Мы ничего не дадим!

— Всё-таки по-человечески вас понимаю, Пимен Михайлович. Но инцидент с девочкой необходимо оставить в прошлом. И даже не верится, насколько Ярослав Александрович оказался прав, намекнув, как именно можно вас проверить. Канев будто знал заранее, но всё же сделал мне щедрое предложение. Уверенные в своём превосходстве люди разве так поступают?

— Не льсти себе. Вас двоих следует выкинуть за границы Соткамской республики в Разделённое Королевство! Там восхваляют негодяев.

— Не раскрывая деталей, хочу процитировать фразу Канева: «...группа Истомина не сможет перебить даже пятую долю моей щедрости». Вам бы в больницу, а то руки Пимена Михайловича совсем разболтались.

Не прощаясь, я вышел из кабинета и вдохнул полной грудью.

Игорь ещё о чём-то общался с Борщевским, но из-за дребезжащего в ушах пульса я ничего не слышал.

Раскрыл окно. Ветер добавил свежести. Учения на плацу закончились, и ровные бортики из снега в тишине переливались в солнечных лучах.

Горло и руки отпустило.

Ещё плюс один голос на стороне ловкача Канева! Проныра, югидюрова спесь! Зачем тебе нужна смертная казнь, меценат? Зачем, спрашиваю, если известно — богачи хотят власти. Но Юманиту ему не сместить. Метит на чьё-то место в правительстве? Как скоро выборы? После Нового года? Наверняка он наврал про Малопогост. Хочет использовать Борщевского в своей игре?

Задёргался смарт-ифтейс. С непривычки я не сразу сообразил, как разблокировать экран. По видеосвязи звонила жена: на экране появилась женщина средних лет, розовели толстые губы с опущенными уголками, и мясистые, намалёванные румянцем щёки будто тянули их вниз. Ветер трепал длинные светлые волосы, и маленький синий берет лишь подчёркивал несуразность образа. Мне не стоило больших усилий разгадать нравоучительный настрой Марпы, тут же взявшей право вести диалог:

— Пимен, не забудь, что у нас сегодня вечером семейный ужин. Поехала одна за покупками, чтобы тебе было стыдно. И когда обновить мне подписку на курсы от Юманиты? Куда ты смотришь? Вообще меня слушаешь?

За окном стоя птиц не могла сгруппироваться и клубящимся комом хаоса улетела за дальний корпус.

— Слушаю, Марпа. Ужин. Курсы. И серьёзный разговор.

— Надеюсь, не забудешь через пять минут, а затем не пожалуешься на трудный день. Очень удобную отговорку полюбил использовать. Почему вокруг тебя голые стены? Говорил, будто собираетесь к солдатам-спасателям: они в белых коробках, что ли, живут? Хорошую идею подкинул — вечером необходим серьёзный разговор как никогда. Я не шучу! Не вздумай улизнуть! Проезжаю Аллею Славы. Ух, ошеломляюще! Вживую смотрится сногшибательно!

В центре города отремонтировали и украсили зону релакса! Секунду... Юманита прислала купон в массажный салон. Отключаюсь!

В этот момент я позавидовал беззаботной жизни и лёгкому взгляду Марпы на окружающую действительность. Никакой внешний фактор не мог пробить стену её отрешённости, чтобы встряхнуть закорстевевший мозг и переключить область мышления с удовлетворения развлекательных потребностей на трудности горожан, города, республики или страны.

Игорь вышел из кабинета, сжимая кулаки, хмуря брови и упираясь мрачным взглядом в сторону выхода. Я шагнул наперерез, но так и не придумал, с чего начать разговор: с одной стороны, необходимо его отчитать, с другой — лучше забыть случившееся и не сердить Игоря своим презрением к главе спасателей. Помощник жестом указал выдвигаться к лестнице.

— Пимен Михайлович, я отправляюсь формировать бригаду врачей. Вам советую заехать в лабораторию и написать отчёт для Юманиты с прогнозом по ближайшим результатам исследований. И лучше, чтобы беспроводная отправка Юманите уровней лейкоцитов, холестерина, сахара в крови, оценки функций щитовидной и вилочковой желёз, по нашим заверениям, работала идеально. Казаркевичи воспользуются любым промедлением. Мы первыми должны представить администрации города готовый проект с экспериментальным подтверждением. Это важно для развития нашей больницы...

— Всё и так знаю, Игорь.

Мы спустились по лестнице. Он кашлянул пару раз, чтобы привлечь моё внимание.

— Прошу прощения, но моя новая должность — руководитель инновационных исследований.

Я мог бы догадаться, что Купра Юсева начнёт перестановки, но сознание отказывалось принимать её в новой должности. Перед Игорем следовало извиниться.

— Прошу прощения.

— Хорошо отдохните. В четверг отправляемся на завод Журавского. Его владелец, Ермол Туганович, сформировал свою производственную империю, и до сих пор никто не знает, какие глобальные цели он преследует. Мне как-то приходилось общаться с Ермолом Мезенцевым, и впечатления сложились противоречивые: он хоть и ведёт себя открыто и дружелюбно, но скрытно прощупывает все твои слабости. С ним нельзя расслабляться. И прошу — более без сюрпризов.

— Как много у тебя свободного времени, раз успеваешь узнать всё обо всех. А какая у тебя идея для жизни, Игорь?

Тот погладил макушку и почесал шею.

— Купра Сергеевна говорит, что могу добиваться большего, если задумаюсь о себе. Идеей для жизни на этот год было улучшение жилищных условий, но я лишь научился дыхательной технике, чтобы дома снимать стресс.

Мне стало жаль помощника. Я был уверен в фиктивности его новой должности, так как до наступившей недели её точно не существовало. Для финансовой возможности взять квартиру необходимо иное место, на которое он никогда не согласится. Исполнительный, ответственный, добродушный простак. С таким набором качеств в историю не входят.

Мы попрощались. Игорь заказал такси, а я направился к служебной машине.

«Игорь, вот и сказалась твоя мягкая натура. Теперь мне отчитываться перед Купрой за выделение дежурных бригад для Борщевского? Ну уж нет. Пусть сами разбираются. Не стоило вообще приезжать сюда. Лучше бы занялся своими делами».

Салон автомобиля принял в тёплые объятия. Лёгкий джаз создавал атмосферу безмятежности и спокойствия.

«Дома подобного не устроить: жена ненавидит джаз, а у дочери на уме лишь бездушное электронное сгенерированное звучание. Я что-то обещал сделать для дочери... Но что? Купить

курсы? Заказать новый смарт? Игорю точно не говорил, поэтому узнать не у кого. Куплю сладкого к ужину. Лучше, чем ничего».

Я попросил водителя неспешно ехать к больнице.

Гвардейский городок расположился на севере города между атомно-химической станцией, снабжающей электроэнергией весь город, и учебно-лабораторной зоной, в прошлом готовящей исключительных учёных, выдающих открытие за открытием. В последние годы учебно-лабораторное направление переживало упадок. От гвардейцев следовало проехать около десяти минут в сторону юга, где Больничный городок притёрся к Лесному району, который уже долгое время какие-то активисты защищали от застройки и модернизации.

На этом участке пути транспорт встречался редко. Среднеэтажные кирпичные здания мирно сосуществовали с хвойными парками. Заснеженные полянки аккуратно рассекались дорожками, по которым неспешно двигались пожилые люди с тросточками. Аптеки «Леканевит» гармонично вписывались в строгий стиль, избегая ярких вывесок и «кричащих» рекламных блоков. Тень от чуда света накрывала жителей, но они привыкли её не замечать, любуясь старинными фонарями, не знающими устали последние лет сорок.

В Ягельске умеренно прохладная продолжительная зима с коротким летом. Любители сухого климата, пляжей и россыпи солнечных тёплых дней редко заглядывают в город. Старшее поколение осталось по памяти о великих идеях, а молодёжь приезжает по финансовой нужде или с мечтами о скором вступлении в большую европейскую семью.

Запустил смарт. Со ссылкой на малопогостных журналистов, «Тема индиго» обозревала уборщиц, поваров и прислугу в доме Ярослава Канева, располагающегося в Сюрко, историческом месте у Больничного района. Журналисты рассказывали о пристрастиях Канева, о приглашении к себе в Сюрко музыкальных групп. Частые концерты донимали соседей даже зимой. Один из артистов разоткровенничался про бытовые странности мецената, но я точно не хотел лезть в грязные подробности и закрыл статью. Я вспомнил мягкие движения Канева на открытии больничного корпуса и почему-то тут же представил его кривоватые ноги, как у обычного заводчанина, будто мужчина лишь хочет казаться уникальным человеком, а на деле является ничем не примечательной личностью со стандартным набором комплексов, идущих вместе с огромными деньгами.

Всё больше слухов разносилось о непонятных движениях у завода по реактивации космического мусора. Ещё в воскресенье часть дорог в том районе огородили ради безопасности граждан. В тот же день пропал скандальный журналист Михаил Макаров, расследовавший коррупционные схемы. Юманита не смогла отследить его маршрут передвижения, поэтому «любая информация о Михаиле окажется полезной». Я предположил, что происшествие на заводе каким-то образом связано с Макаровым: на прошлой неделе журналист предупреждал о событии, которое гвардейцы, администрация и Юманита будут замалчивать.

От загадок перескочил к будничным заметкам. В городе Китилянка, столице Соткамской республики, степень кандидата наук по психологии получил биотехнолог Рыболовлев Пётр Леонидович.

Ещё не хватало, чтобы нам каждый день про столичных югыдюров рассказывали.

Блок спортивной информации я прослушал, копаясь в собственных мыслях. Конфликт с Игорем пришёлся невовремя: теперь детальные отчёты об исследованиях придётся заполнять самому. Необходимо пометить где-нибудь, чтобы не забыть.

Записав информацию в электронный блокнот, добавил ещё напоминание про сладкое. Услышал знакомое имя. Увеличил громкость.

«Судьба Усаши Вороновой может быть определена уже на следующей неделе. В редакцию канала „Нейроправда“ поступила проверенная информация: Юманита провела многофакторный расчёт, итогом которого стал вывод о целесообразности принятия закона о смертной казни, но с неожиданной для нас точки зрения. Нейросеть заключила, что со временем из гене-

тического фонда города отсеются склонные к агрессии и больные люди. Если же наказуемый к моменту приговора уже будет иметь детей, то семью ждёт депортация из Ягельска без права возвращения, а их место займут граждане с военной подготовкой, деятели науки, культуры и спорта из других регионов. Любовь к переменам и желание следовать курсу Юманиты будут преимуществом».

Внутри меня закрипело раздражение. Распускаемые слухи больно ударят по нашим стремлениям. Хотя Юманита и не имеет права голоса, но её рекомендации оказывают мощный психологический эффект за счёт повторяемости. Социальные бонусы в виде уменьшения налогов, выдачи жилья и бесплатного оздоровительного отдыха размягчают критическое мышление. Для простых жителей глупые сказки нейросети покажутся нерушимой истиной. Как обуздать пропаганду? В городе осталось мало людей, не боящихся открыто говорить правду. И в таком контексте неутомонный Ися Обручев может оказать хоть какую-то пользу.

Не зная, как побороть раздражение, приоткрыл окно. Машина стояла на улице, полной людей, скандировавших лозунги о новых идеях для жизни и о праве выбирать курс движения города в политическом, экономическом и культурном направлениях.

— Так вам, бездарям, и доверили определение чего бы то ни было. Более пяти лет добивались организации судебной комиссии, а тут... Что ж никто не работает? Неужели столько людей на пособиях? И люди, не разбирающиеся ни в одном общественном деле, готовы лишить жизни Усашу Воронову?

Из-за активистов движение машин остановилось до пригорка. Под холмом тут проходила огромная газовая труба. Это означало, что до Больничного городка оставалось около двух сотен метров.

— Благодарю, дойду пешком. Завтра утром жду у дома.

Дождавшись реакции водителя, вышел к шумной толпе. Лазерные указки с буквой «ш» прояснили дело: штепы Обручева вновь нарушали порядок. Разгорячённые люди снимали шапки и куртки, не боясь зимней прохлады.

Пришлось двигаться в обход, чтобы не оказаться рядом с галдящими штепами, безобидными кричащими головами, выражающими мысли Иси Обручева. За несколько лет не зафиксировано ни одного случая, чтобы кто-нибудь из активистов с кем-нибудь подрался, что-то украл или разбил. Зато самые громкие из вокавья летом помогали озеленять город, зимой чистили на улицах снег. Их личная поддержка движения, скорее всего, основывалась на желании верить, что Обручев прав в вопросах общественного развития, и на узком кругозоре, не позволяющем самостоятельно найти и оценить проблемы или даже сопоставить причины и следствия.

Неудачный ход исследований — это причина для забвения меня и больницы Истомина в историческом плане. Надо не забыть составить отчёт для Игоря. Он надеется, что наш больничный проект окажется успешным. Наивная простота, а не Игорь Энисевич. Юманита от скуки заставила две главные больницы города работать на её задачу. Или ей на самом деле понадобилось напрямую мониторить состояние жителей города? И никаких подозрений со стороны ягельцев, в том числе штепов! Без гвардейцев тут точно не обошлось. Знает ли про разработки Борщевский? И нельзя рассказать штепам, чтобы они донесли обычным людям, иначе на вечернем ужине Марпа окажется уже в качестве вдовы.

Над городом пролетел очередной самолёт. И хотя я привык не замечать железных птиц, именно сейчас ощутил порыв к свободе от всех обязанностей и предыдущих ошибок, туда, где не боишься в каждом встречном напороться на злопамятного гражданина с промытым новостями мозгом.

Изящность и малолучность новых самолётов не могла не впечатлять. Рейсы в столицу Разделённого Северного Королевства — город Турку — предоставляли самые комфортные условия. Авиапарк в города России и ближайшие страны не мог похвастать тем же.

Огибая движение митингующих с запада, вступил на территорию Центрального района. Здесь демонстрировали свою красоту дома уникальных архитектурных решений. Зачастую впечатлял уже вид использованных при строительстве минералов: текстуры, цвета, блеск. Увенчивали всё статуи, фонтаны необычных конфигураций и дворы с внедрением современной техники. Даже квадрокоптеры и электроллыеры тут отличались культурным исполнением: мягкие контуры и расцветки отсылали к работам да Винчи. Среди визуального наслаждения крутились особые рекламы, транслируемые лишь в этом районе. Приятного на вид мужчину в костюме, держащего корону, я быстро узнал, но имя подсказала бегущая строка: «Шахматист мирового уровня Фир Трандиевич Горупаха даёт мастер-класс и устраивает благотворительный турнир в честь открытия чуда света. Тридцатое горзэма. Ягельск. Библиотека имени Ларионовой».

Пройдя через уютный дворик с качелями, скамеечками и чайной с милым навесом в форме кота, вышел к перекрёстку. Ноги к этому времени подмёрзли. Случайный прохожий всучил мне в руки лопату. Я помог закинуть снег в плавильные короба, расположенные у дома. Отдавая инструмент, узнал в мужчине с глубокими морщинами Эндрея Юрова, выступавшего с критикой на открытии корпуса.

— Доброго дня, Эндрей. Сочувствую вашему горю.

— Здравствуйте. Вы из правительства? Не могу припомнить, чтобы мы встречались.

— Я видел вас на открытии нового корпуса больницы. Вы произносили речь про капиталистов и про совесть. Я сам врач. Пимен Эжвин.

— А, тот самый Эжвин, — вскинулся он. — Инцидент Эжвина.

Меня будто ударили разрядом тока. Такой славы я никогда не желал и не желаю. К Эндрею я не испытывал негатива, но из-за эмоциональных вспышек мог наговорить лишнего. Не хотелось бы портить второй раз за день отношения с другими людьми.

— Как-то сразу и не признал. Что ж, вы точно понимаете, каково оказаться в трудной ситуации без поддержки, — Эндрей на некоторое время задумался. — Я даже вспомнил выступление вашей жены, требующей от вас компенсации за моральный вред.

— Марпа Алексеевна порой находчива до необдуманных поступков. А вы здесь какими судьбами? Мне казалось, живёте в квартале бедняков.

— Живу там. Но много лет держу лавку летательных аппаратов в Центральном районе. Тогда он назывался ещё «Район дружбы братских народов». В последние месяцы дело загибается. Налоги душат. Ещё Юманита подняла аренду. Я-то понимаю — это поборы на строительство гроба-небоскрёба. Экую огромную штуковину мастерят.

— Да, невозможно не заметить.

— А ещё это нашествие кокриков, поедающих проводку и грызущих карбон.

— Неприятные животные, — сморщил я нос.

— Ваши же учёные вывели новый вид, скрестив котов и кроликов, и распустили по городу. Я не верю в заявления о «контролируемом эксперименте». И вновь никакого надзора. И кому жаловаться?

Объяснять Эндрею историю выведения специального вида животных, пригодных для иммунных и других экспериментов, а затем закрытие биоинженерного комплекса с роспуском образцов по частным рукам, я не стал.

— Я выступал против кокриков. Но инцидент...

— Нужно жаловаться на самый верх, иначе длинноухие последние носки съедят. Спасибо за помощь, Пимен Михайлович, — он воткнул лопату в оставшийся снег и тут же переключился. — Что-нибудь про мою девочку слышно? Райда Юрова. Шесть лет. Бойкая, озорная, с родинкой на щеке, с длинной косой. А какие у неё глубокие понимающие глаза! А я ведь расстроился изначально, когда девка родилась. Хотел мальчика... передать ему дело. Но Райда оказалась смышлёной, охотливой до механизмов. Как взглянет, то насквозь технику видит.

— Пока без новостей.

— Мы ж совсем недавно обследовались. Она плохо себя чувствовала. Переживаю, а вдруг осложнение какое? Если бы мы купили заграничный трекер, как нам предлагали... и не пришлось бы часто ездить на обследования и ходить на процедуры. Если бы в нашем городе существовало подключение к центру контроля здоровья, как в Северном Королевстве, то всё полегче было б... Эх, будто на грудь дрон упал, и не стащить его.

— Девочка найдётся, Эндрей. Всё будет в порядке. И когда Райда окажется дома, то запишитесь ко мне на приём. Детально изучим самочувствие.

— Ещё остались в городе люди, которые готовы помогать по зову доброго сердца, а не по скрытой выгоде? — он изумился.

— Порой добро скрывается от глаз. И нет причин его вытаскивать на общую хвалу.

— Очень приятно. Мы заждались Райдочку. В больнице Истомина работают такие замечательные люди. Жаль, что главой выбрали недальновидную Купру Юсеву.

Я промолчал, не желая выражать своё отношение к новому главному врачу и личное презрение к этой должности.

Голосовая волна штепов повернула в сторону строящегося чуда света. Манёвр крикунов открыл спокойный путь к больнице.

— Благодарю, Эндрей. Мне пора идти.

— Пимен. На «ты» не против? К нам на склад вечером привезут новые дроны. Чудо-модели, с редкими металлами в составе, современной электронной начинкой. Приглашаю на закрытую распродажу. Тебе же можно оформлять? Или для больницы возмёшь. Я буду счастлив, если бездельникам гвардейцам достанется как можно меньше.

— Принимаю приглашение.

Пожав друг другу замёрзшие руки, попрощались.

В морщинистом лице отца я увидел теплящуюся надежду и усталость от тяжёлых будней. Девочка найдётся, я не сомневался. Но отношение Юрова к городу точно изменилось навсегда. Я был бы рад обсудить с Эндреем текущее положение, закупив полезных дронов, поэтому в голове и блокноте закрепил идею о завтрашнем посещении магазинчика.

Возвращение в Больничный городок после Центрального района всегда казалось мне ритуалом по сбрасыванию маски, очищением, отказом от соблазнов ради благородных высоких целей.

Среди больничных корпусов, поликлиник, аптек и учебных центров пестрели обычные жилые многоквартирные дома и одноподъездные высотки с аспирантами. В очень далёкую пору здесь жил и я. Только никаких атомно-химической станции, Юманиты, технологического скачка, вокавья и тем более штепов не существовало. Прекрасные времена неожиданных встреч, свобод в самоопределении и самовыражении, безумных вечеринок и шатаний по ночному лесу. Большие деньги, выделенные на строительство чуда света, изменили город. И ещё сильнее повлияло финансирование от сотен частных предпринимателей, хотевших таким образом застолбить за собой право доступа к космическим полётам к небесным ресурсам.

Подлетел квадрокоптер с предложением купить «выгодные курсы для людей прошлого века». Здесь он попал в нежную струну моей души. Слепив хилый снежок, запустил в корпус. Промазал. Зато карбоновый предприниматель улетел.

Новый корпус отличался от старой больницы использованием современных материалов. Будто инновационный Центральный район пустил росток в увядающие бетонные заросли. Это решение нельзя было отклонить: или чуждый отросток, или полный отказ от строительства.

Больница имени Казаркевича находилась дальше. Её колоннада хорошо виднелась с разных концов городка, так как именно эту больницу с первого копка фундамента определили центром медицины города Ягельск. О том, что Казаркевич-старший уедет в Малопогост, зай-

мёт активную антигосударственную позицию и будет приговорён к смертной казни, на этапе строительства ещё никто не знал.

Университет имени Истомина входил в ансамбль зданий с больницей и её корпусами, но был заметно ниже: пятиэтажное здание против развернувшихся в несколько пролётов двенадцатиэтажных.

По обыкновению последних полутора лет зашёл в университет через чёрный ход. Не попадаясь никому на глаза, постукивая об пол замёрзшими ногами, направился в свой кабинет. На мой вкус, больше подходило слово «каморка», но ректор и профессора безостановочно делали замечания, когда я выражался в подобном ключе.

В каморке гудели несколько персональных компьютеров старых моделей, производя расчёты, а новые моноэкраны отображали расписание, почту и галерею с великими учёными города. Руководство просило не использовать моноэкран как электронную рамку, но в моём кабинете я сам себе хозяин.

Усевшись в затёртое кресло, позвонил по видеосвязи работнику лаборатории.

Появилось уставшее лицо с красными глазами и неправильно сросшимся после перелома носом.

— Пимен Михайлович! Рад видеть вас в здравии.

Я не нашёл табличку с именем ни на экране, ни в своей памяти. Виденное сотню раз лицо и лёгкий акцент ни с каким словом не ассоциировались, но средних лет мужчина точно являлся не последним сотрудником лаборатории.

— Доброго дня. Держусь. От моих таблеток возможно схватить побочки: забывчивость и раздражительность?

— Препарат отечественный. Ещё не прошёл полный цикл испытаний...

— Можешь не продолжать. Что у нас по исследованию?

— Необходим официальный отчёт или для вас?

— Я тут один. И если бы начальство услышало твой ответ, то уже завтра мы вместе ловили бы рыбу в районе четырёх островов.

— Прошу прощения. Забылся. Не выспался. Мы по-прежнему можем отправлять данные с датчиков на поверхности кожи. При попытке вживления помехи делают невозможным проводить оценку хоть с каким-то приличным процентом вероятности. Наш тестовый сервер раз в день фиксирует смерть подопытных мышей и цыплят, но с ними на самом деле всё в порядке: бегают, играют, едят, спят. Группа программистов вносит правки в код, но результат каждый раз непредсказуемый. Группа инженеров пытается напечатать новые датчики, но возник дефицит микроаккумуляторов. Юманита запретила покупать их у восточных стран, а западные образцы ещё не привезли.

— Ты ведь просто лаборант, — приятно удивился я.

— Внимательный и любознательный, Пимен Михайлович. Пока вы лечитесь, то кто-то должен следить за проектом.

— Благодарю. Это заслуживает уважения.

— Вчера случилось ещё одно неприятное для нас событие.

Я насторожился, не зная, о чём и подумать. Неужели кому-то из влиятельных людей стало известно о секретах моей жизни?

— Продолжай.

— Звезда мирового сообщества биотехнологов Рыболовлев Пётр Леонидович выступал на открытом онлайн-форуме.

В голове тут же сцепились два фактора: неявка Казаркевичей на церемонию и специальность выдающегося учёного нашей страны. Я предпочёл услышать вывод от лаборанта и не расстраиваться раньше времени.

— ...доклад о непрерывном мониторинге состояния организма учёное сообщество оценило высоко. Теперь самое главное: от его имени Казаркевичи будут презентовать итоги исследований для Юманиты. Пётр Леонидович уже в Ягельске и работает в тандеме с нашими противниками. Прошёл слух, будто он из Китилянки привёз все имеющиеся наработки, чтобы в кратчайшие сроки дододать до финальной стадии дистанционный мониторинг.

Клёкот в теле как от летящего в тебя снаряда, от которого точно не увернуться, вогнал меня в ступор, клещами стянул мышцы. Так дело не пойдёт. Моя идея должна быть сильнее всяких Рыболовлевых, его союзников и прочих югыдюров.

— Пимен Михайлович, сейчас мы и Казаркевичи идём вровень, но если к поставке материалов не сделать рывок, то они вместе с Рыболовлевым перехватят инициативу. Тогда наш отдел признают неперспективным, убыточным и расформируют. Прошу прощения за наглость, но вас ведь тоже уволят. Не боитесь?

Я представил, как по всем экранам города транслируют вручение награды больнице Казаркевича, как имена ведущих учёных выбивают на Аллее Славы. Уважение всего города концентрируется на больнице с колоннадой и её лидерах. И в историческую нить их имена вписываются золотом, а моё остаётся ассоциироваться с инцидентом. Холодный пот окатил спину. Затряслись руки.

Как выглядит Рыболовлев? Что он может знать? Я слышал о его достижениях. Такой один на десятки миллионов. Надо отвлечься. Золотая нить. Жёлтый шарф Ярослава. Он догадывается об их победе, поэтому прилепился. Но зачем ему закон о смертной казни? Преследовать Воронову и ей подобных? Я запутался. До смерти, как и до поражения, остался корявенький старческий шаг.

— Пимен Михайлович?

— Боюсь сильнее смерти. А подскажи, пожалуйста, может, слышал про Усашу Воронову? За что её судят?

— Усашка разрабатывала код для нейросети. Когда она приехала из Разъединённого Северного Королевства в Ягельск к родителям, то её арестовали и обвинили в сливе исходного кода в Королевство и за «поддерживающие взносы» для враждебных структур.

— Благодарю. А как дела обстояли на самом деле?

— Юманита анализирует видеозвонки, поэтому, если скажу правду, то уже завтра мы вместе отправимся по пути Усашки, а не к району четырёх островов.

Я окинул взглядом расставленные по кабинету моноэкраны, имеющие камеры и микрофоны.

— Отправь, пожалуйста, мне официальный запрос на закупку материалов и приложи запись жизненно важных данных с мышей и ковриков. И добавь личный прогноз к благоприятному исходу. А ещё корректировки... по своему усмотрению. Благодарю, — уверенно кивнув, отключил связь.

Рыболовлев. Один из лучших учёных страны, а я даже не знаю, как он выглядит. Казаркевичи получили в руки союзника, о котором можно лишь мечтать. Прочь, гадкие мысли, прочь, моё исследование никому не перескакать. Время клонится к вечеру, теперь следовало не опоздать на семейный ужин и позаботиться об одном очень важном деле, о котором никто не должен ничего знать.

Такси доставило через магазин до дома в Ячменный район. Ровные линии двухэтажных частных домиков казались точными копиями, но за десяток лет я научился определять по очищенным от снега дорожкам, по вывешенным занавескам, цветам на подоконниках, а в последнее время и по картинкам на дверях, каждого хозяина. Не поимённо, а по какой-то внутренней ассоциации.

«Что может означать жёлтый шарф? Символ независимости и богатства? Власти?»

В окнах моего дома горел свет.

«Это только на руку, можно быстро отужинать и заняться своими делами».

На двери привычно транслировал новости экран. Юманита рассказывала о пользе спортивной подготовки под открытым небом.

Я смарт-ифтейсом разблокировал замок и с тревогой на сердце переступил порог.

Мне для счастья не требовалось каких-либо излишеств, но жена ощущала мир иначе, поэтому всюду стояла техника с функцией умного дома, ежедневно обновляющаяся до новых версий, вдобавок закупались мебель, картины, образцы редких минералов, модели межпланетных кораблей, сувениры, заказанные из тех уголков мира, куда ей хотелось бы съездить, и огромная вереница грамот и кубков. Дочь в пёстрое разнообразие предметов добавляла рамки с электронными постерами стримеров, каких-то музыкальных исполнителей и маленькие гипсовые фигурки, которые они делали в школе на факультативных уроках.

Навстречу вышла жена в коротком бледно-розовом платье, едва прикрывавшем широкие бёдра. От толстого слоя разных кремов кожа на руках и ногах изменила оттенок на смуглый. На её лице я считал раздражение и желание отчитать меня за какой-нибудь пустяк. Как всегда неестественные, показушные действия, стервозная роль, в которой она создаёт обиду и старается непременно быть правой. Раздвинутые в сторону пальцы тоже что-то обозначали, но эту загадку я решил оставить без ответа.

— Пимен! Ты утром вновь ушёл в летней обуви! Знаешь, что на морозе она трескается? Так ты обращаешься с подарками? Неблагодарный! Ни одного подарка от меня больше не получишь!

Выговорившись, Марпа поправила причёску и ушла в соседнюю комнату. Такими манипуляциями она пыталась держать меня в страхе, чтобы я не развёлся и не ушёл к другой женщине. Какие изменения в моём возрасте и состоянии здоровья? И повода я никогда не давал в силу своего характера. В её голове до сих пор ничего не щёлкнуло, поэтому она не изменяла закрепившиеся ещё с юности привычки.

Я стянул верхнюю одежду. Тепло домашнего кондиционера мягко зашепотало кожу. Разувшись, осмотрел правый ботинок. Действительно, кожа пошла трещинами и начала облезать. Подошва ещё держалась, а это самое главное. Про тот факт, что обувь была подарком жены, я не вспоминал ровно до сего часа и дальше не намерен думать про это.

Закинув ботинки в шкафчик, отправился на кухню.

Электронные системы поприветствовали меня, сообщили о погоде, новостях из больницы, измерили мою температуру и давление, предложили набор лекарств и горячий чай. Отказавшись от всего, обогнул кухонный шкаф и открыл дверку в отдел для курьерской доставки. В утеплённой квадратной нише уже находился привезённый дроном заказ. Сладкое положил в холодильник, а остывший ужин поставил на разогрев. Отвлёкся на мигающие сообщения из смарт-ифтейса: прибыл второй блок анализов. Отправил изображение на дверцу холодильника.

Новые столбцы цифр отличались от предыдущих. И заключение врача короче. Бегло пробежавшись по строчкам, уяснил лишь одну мысль — операцию делать поздно.

— ...по предварительному прогнозу, осталось около трёх месяцев.

Всего три месяца, чтобы завершить исследование и показать его остальному миру. Как успеть за три месяца избавиться от позорного клейма и добиться признания? Около девяноста дней страданий, а затем бесконечный мрак...

— Пимен, у тебя техника вторую минуту кричит! Почему они ставят настолько противные звуки? Я же предлагала взять зарубежной марки, у них устанавливаются сладостные мелодии. Но кто-то решил сэкономить, да, Пимен? Ещё и холодильник сломал, что ли? Совсем головой поехал — зачем ты убрал моё диетическое меню? Верни в точности так, как было!

Или боишься забыть о своих макаронах и пельменях? Погляди, какую дребедень выставил: результаты анализов, заключение...

Марпа присела на стул.

— Решил скрыть от меня болезнь? Ах ты инвалид несчастный! Значит, обещания купить мне курсы, организовать нам тур по странам, перебраться в более цивилизованный район — враньё? А ты подумал о кредитах, которые после твоей смерти перейдут на меня? Чего молчишь? Стыдно? Да ни капельки тебе не стыдно. Уверена, думаешь о своей больнице! На жену с дочерью тебе наплевать! Октябрине необходимо ещё заплатить за два года обучения! Мне придётся вдвое поднять цены на косметику, чтобы не умереть с голоду!

— Марпа, не кричи, дочь услышит.

— А как ты ей собрался донести эту новость? Опять молчит. Зато теперь понятно, отчего нацепил летние туфли. Решил износить их, чтобы я даже не смогла продать их.

Хотелось взять за плечи эту глупую женщину и хорошенько встряхнуть, чтобы наконец закрылся рот и выпали дрянные мысли из головы, набитой проблемами. Но нельзя попадаться на провокации. Крайне опасно! Марпа пожалуется, меня арестуют, и никаких исследований уже не будет. Необходимо держаться, помнить о важном.

— Ты же знал о серьёзном разговоре и таким образом решил соскочить с него. Ничего, я справлюсь. В этом доме тяжело, но скоро всё изменится. Скоро мне хватит смелости...

С верхнего этажа спустилась дочь: всё такая же робкая и зажата, неуверенная в себе, с длинной чёлкой, закрывающей левую часть лица. Она тихо спросила, из-за чего шум. Жена отвела её в зал, эмоционально выражая своё мнение. Вряд ли среди высказываемых мыслей находилось что-то адекватное.

Я знал, что денег, отложенных втайне от Марпы, хватит дочери на несколько лет хорошей жизни. Какие-то компенсации выделяют больница и Юманита, например, на похороны и сопутствующие расходы. От голода на улице не умрут.

Взглянув на транслируемый список, ощутил себя гонщиком, занимающим последнее место в стартовой решётке. Вернул на холодильник бредовое меню и занялся ужином: разложил разогретую еду, аккуратно расставил тарелки. Беспокоился за дрожь в пальцах, но приступа не случилось.

И почему я так легко воспринял новость? Неужели мне совсем чужды Марпа и Октябрина? Нужно поговорить с дочерью.

Вскипел чайник. Заварил травяной чай на мяте. Дочь любит пить его по праздникам с шоколадно-брусничным кексом, но в этом месяце городу вновь не удалось побороть дефицит сахара. Сахар уже зарезервировали под скорые празднества, а в свободную продажу выпустили лишь малую часть для более привычных и доступных продуктов.

Нужно забронировать шоколадно-брусничный кекс. Или нет? Неужели я думаю, будто кексом могу что-то исправить?

Я вспомнил о стартовавшей гонке. Сойти с дистанции можно раньше срока. Теперь каждое решение следует принимать с учётом ограничений. Пропала глобальность времени, оно сжалось до различимой финишной ленты.

Забыть про гонку. Не думать. Всегда есть процент на ошибку. Воды. В доме есть чистая вода?

Я налил в стакан очищенную воду и присел на стул. Глотнул и задержал дыхание. Из зала доносились голоса жены с дочерью и Юманиты, рассказывающей о чуде света и его скором открытии.

Внезапный раскол в ощущении времени уже не устранить: мне осталось добраться до края города, до обрыва, а далее — для меня мир закончится. Для всех остальных дорога в сторону Малопогоста останется привычной непримечательной линией, которую можно осилить

на автобусе за несколько часов. Зачем я думаю о Малопогосте? Город на той стороне ущелья идеологически чужд Ягельску, но заманчив для неокрепших умов.

Закончив с приготовлениями, через электронную рассылку позвал домашних на ужин. Система оповестила и доложила о согласии всех членов семьи.

Помню, изначально пугало осознание, что Юманита в любой момент способна проследить за каждым вздохом в твоём доме, но затем привычка срослась со смирением. Теперь же наивное представление, будто до твоей никчёмной скоротечной жизни кому-то есть дело, казалось особенно смешным.

Ели молча. Марпа с заплаканными глазами поелозила вилкой по еде, сжевала несколько листьев капусты, выпила стакан чая и отбыла в свою комнату отдыхать. Дочь, моя единственная, искренне любимая дочь, с вопросительным видом уставилась на меня. Вытянутое грустное лицо, почему-то бледное, отражало мучивший её вопрос. Длинные распущенные волосы словно бы тоже потеряли искру жизни. Я вообще-то привык видеть дочь уставшей, лишённой мотивации к большим переменам и внезапным активностям. Но как она чувствует и осознаёт себя изнутри?

— Октябрина, мне необходимо поделиться кое-чем. Если коротко, то я сильно заболел, и врачи дают мне ещё три месяца, после чего... Вы с мамой останетесь одни.

Взгляд дочери стал мягче и виноватее, забежал по тарелке, будто что-то выискивая. Я предугадал и движение руки по волосам, и самопроизвольную ухмылку в левую сторону, но понять мысли не получилось.

— Так скоро... Не увидишь мой университетский выпускной. И что потом тоже. Мне жаль. Это грустно. Твои мечты не исполнятся. А как же твоя идея?

Мне стало теплее от факта, что в борьбе двух мировоззрений, доставшихся дочери от меня с Марпой, победило моё начало. Но кем я был в её глазах? Стариком без исполненной мечты?

— Не каждому дано довести до конца свою идею, но я постараюсь успеть. Был ли сегодня стрим у Псаца? Что обсуждалось? Или с подписчиками сочинял новую музыку?

— Мы с ним пели. Я подключилась к трансляции, чтобы помочь набрать баллы в игре, — её щёки покраснели; вновь отведя взгляд, она заговорила едва слышно: — И ты так легко смирился с новостью? Неужели был готов?

— Это часть жизни, которую не запланировать и к которой нельзя до конца подготовиться. Не знал, что не стесняешься петь на публику. Рекорд по баллам поставили?

— Выиграли с рекордом. Мне будет тебя не хватать.

На нас двоих накатили чувства. Мы встали из-за стола и разошлись по комнатам.

У себя я пробыл недолго. Отменил все заказы на следующий год, вычеркнул упоминания о себе из всех путёвок. Сюрприз для семьи с поездкой к Специальной астрофизической обсерватории после Нового года уже неактуален. Облачившись в рабочий халат, спустился в подвал.

В подземном этаже за железной дверью находилась моя вторая жизнь, о которой я сам забывал в последнее время. О личной маленькой лаборатории никому не рассказывал. Домашние знали об укромном месте, но то, чем занимаюсь, оставалось тайной и для них. В небольшой комнате располагались холодильные камеры, высокоточное оборудование для создания лекарств, медицинские инструменты, несколько 3D-принтеров, старые компьютеры для вычислений и для подключения к городской нейросети.

Моё исследование отличалось от официального. Если больницы Истомина и Казаркевича трудились над проблемой непрерывного контроля состояния здоровья для Юманиты, то я целил в работу женской иммунной системы и глубокое взаимодействие с ДНК: резистентность к вирусам и ускоренное восстановление повреждённых клеток. Никто не подозревал о готовящейся революции в подходе к лечению заболеваний и способе увеличения продолжительности жизни.

Проделанная за полтора года работа в маленьком бункере — это лишь наконечник копья, ковавшегося десяток лет, опыт, объединяющий труды самых передовых иммунологов Ягельска, с позором выгнанных за растраченные деньги на якобы неперспективное направление. За ними затем выкинули и астрономов с конструкторами, потому что столица страны распределила финансирование на сельскохозяйственные проекты. Город больших учёных, талантливых умов начал увядать.

Рассуждения об истории помогли отвлечься от переживаний.

Открыл на мониторах пространственную формулу и расшифровку ДНК собственной дочери. В последние месяцы я пробовал разные условия и варианты воздействия на сформировавшийся женский организм, однако созданный препарат мог дать результат лишь на быстрорастущем организме. Девочки до восьми лет идеально подходили для тестирования.

Я не смог найти сил, чтобы вникнуть в формулы препарата и алгоритмы микроботов, стимулирующих гены HRR, участвующие в обнаружении и исправлении повреждённых молекул ДНК — в системе репарации. Включил свежие медицинские новости.

«Сегодня вечером больница имени Казаркевича в лице кандидата наук Рыболовлева Петра Леонидовича заявила о разработке препарата для выборочного замедления биологических процессов. Это оказалось возможным после нахождения отечественных аналогов сырья, используемых в основе длительной работы над проектом по дистанционному мониторингу комплексного состояния здоровья, от которого ни Рыболовлев, ни его команда не отказываются...»

Я тут же переключил, боясь услышать подробности. Моя вера в исключительность работы, в неповторимость подхода, накренилась над пропастью. Треск в ушах был не только от сгибания суставов пальцев, но и от трещин в опорах всего моего исследования. Если Казаркевичи представят хоть сколько-нибудь готовый проект, то изгнанного хирурга, идущего против желаний Юманиты, уже никто не будет слушать.

«Остаётся неизвестным местонахождение журналиста Макарова Михаила, подготавливающего сенсационное заявление о закрытой космической программе Ягельска... Нам не удалось взять интервью у родственников журналиста, так как они вчера на самолёте улетели в Разделённое Северное Королевство. Его квартира в Пролетарском районе выставлена на продажу... Сегодня с успехом завершились учения в школе подготовки спасателей... Марш штепов Обручева закончился лепкой снеговиков и сбором вещей для ветеранов Химической войны... В Ягельске ожидается похолодание... Срочная новость. Стало известно, что найденная жертва похитителя помнит детали своего похищения...»

Выключив новости, бесчувственно задумался о сроке в три месяца. Ещё несколько минут назад скоростная трасса в пару поворотов трансформировалось в длинное шоссе с ямами и кочками, доехать до конца которого на собственном транспортном средстве — чудо.

Я знал, на что иду. Теперь отступать некуда.

Глава 6.

Детективные знаки (среда, 24 горзэма)

Утро для жителей города — это уникальное время, начало чего-то нового. Но Юманита в новостях объясняла иначе: утро является продолжением всего, что случилось до этого. Порой далёкие ошибки находят выход к ужасным последствиям лишь спустя годы. И Юманита наставляла ежедневно со всей серьёзностью задумываться о поступках и своей судьбе, которая сформируется из заложенных предпосылок. И главным ориентиром, несомненно, должны стать многочисленные курсы, позволяющие добиться невероятных успехов и избежать сожалений о потраченных деньгах и времени. На городских экранах утренняя Юманита повторяла тезисы и желала не совершать необдуманных поступков.

Очередное утро очередного дня. Лунег в полусонном состоянии уселся в кровати, ладонями растёр щёки, а затем упёрся пальцами в лоб, пытаясь сообразить, как вчера вечером добрался домой. Домашняя одежда аккуратно лежала на стуле, из кухонной зоны не несло протухшей едой, соседи не пытались ворваться в квартиру и не угрожали вызовом гвардейцев — идиллия. На левой руке слегка выделялся рубец, едва напоминая о вчерашней ране. Только крепкие длинные ноги гудели, будто после активной тренировки, нехарактерно для обычных будней.

— Зря распереживался. Никчёмная колонка, включи радио из «Заложника».

Устройство запустило душевный блюз из любимого сериала юноши, который уже полез в гаджет.

— Десять пропущенных на смарте! Спортшкола, предложение выпить от незнакомца, соседи, служба доставки... А ещё сообщение от незнакомца: «Ошибся номером». Катитесь от меня! Хотя бы кто поинтересовался, как я себя чувствую после вчерашнего трудного дня. Что у нас по времени? Так-так, нужно собираться и брести на работу.

Одну из стен спальни украшала коллекция шляп выдающихся актёров разных лет. Лунег примерил ближайшую широкую шляпу с большими полями, висевшую у рентгеновского снимка головы, и встал перед зеркалом.

— На корабле может быть лишь один капитан! Бджах! Выстрел в самое сердце. Теперь вся слава и шкаф с виниловыми пластинками принадлежат мне!

Довольный своей игрой, вернул головной убор на место. Прошёл в кухню и ахнул, лишь ступив на порог, — около multifunctional плиты стоял настоящий игровой автомат.

— Одичать моим глазам! Ты откуда здесь взялся, друг?

Выцарапанные на полу линии тянулись от автомата к коридорчику, а затем к порогу входной двери.

Стукнув по красной кнопке, Лунег включил аппарат. За защитным стеклом высветилась игра, а в специальный отсек для наград что-то упало.

— Рабочий. Это ж я как-то смог его подключить ночью? О, орешек!

Никаких воспоминаний, откуда взялся игровой автомат с орешками, в голове не возникло.

— Неужели я все деньги спустил на это вкусное, но бесполезное чудо?

Достав из кладовки памяти другие безумные поступки, совершённые на пьяный ум, Лунег даже немного успокоился — дома вновь могла оказаться оторванная от вывески громадная бутылка пива.

Выиграв матч, съел ещё один орешек. Аппетит раззадорился. Интуиция подсказала заглянуть в холодильник.

Агрегат добросовестно морозил лёд и лишь по древним легендам помнил времена, когда еда набивала все полки. Опухшее лицо юноши холодильник рад был бы не видеть, поэтому скорый хлопок дверцей воспринял с успокоением.

Утолив жажду, Лунег перешёл к разбору оставшихся сообщений. Юрист отправил варианты расположения торговой точки и новости об успешной разработке коммерческого продукта.

— «Необходимо придумать официальное и рекламное названия аксессуару...» Бла-бла, пропустить. «Для регистрации нейросеть требует личного присутствия...» Надеюсь, что до Нового года проблемы утрясются. «Так как в последний месяц ведутся активные хакерские атаки на городские системы, то мощности не справляются с защитой и стабильной ежедневной работой. Юманита вводит плату за срочность».

Присвистнув, Лунег перечитал текст, а затем на эмоциях пнул валявшиеся джинсы.

— Они издеваются! Дырявые панталоны! Вонючие фуфайки! Рваные башмаки! Ещё неделю назад не существовало подобных требований! Откуда? Музыка, переключиться на «Злость садовника»!

Тревожные тона разнеслись по квартире и за её пределы через открытое окно.

— Сегодня удивительно светло утром. Никчёмная колонка, сколько времени?

— Восемь часов двадцать шесть минут.

— Мировые чудеса!

Со стороны постройки чуда света растекалось белое сияние, расталкивающее ночь. Десятки дронов рассекали воздушное пространство, доставляя грузы, вывозя мусор и снег.

Наслаждаясь необычным видом, Лунег забыл о новых требованиях нейросети и представил себя в лучах, направленных только на него, на лучшего предпринимателя и дизайнера в городе, изобретающего и продающего лучшую мужскую одежду и аксессуары к ней.

Сполоснувшись в душе, накинул джинсы, приталенную кофту и лиловое пальто.

— Никчёмная колонка, прогноз погоды.

— Температура днём опустится до минус десяти. Ветер три метра в секунду. Влажность восемьдесят процентов.

— Стоп. Сегодня день без шляпы. Но с тёплыми ботинками.

Обувшись в утеплённые спортивные кеды, Лунег шагнул за порог и захлопнул дверь. Замок сработал автоматически, смарт-ифтейс по накатанной опустился в карман. И в привычное спокойствие ворвалось гнусное художество: во всю площадь двери шли рисунки непристойного характера, угрозы, а сбоку гвоздём дописано провокационное слово о хозяине квартиры.

— Вам никто не поверит! Ещё увидите, как к этой же двери выстроится очередь девушек, желающих со мной переспать! И вообще, узнаю, кто это сделал, и поменяю на его замке код. Ночь проведёте на коврике в коридоре!

Пустые стены коридора и неработающая камера остались глухи к монологу парня, целый год изучавшего основы информационной безопасности в университете Китилянки.

Лунег быстро спустился по лестнице и трусцой побежал к спортивному комплексу, где работал тренером детской футбольной команды. Никто не заставлял держать себя в форме, но ощущение контроля над телом, ловкость и подвижность позволяли чувствовать себя лучше и смотреть на окружающих толстяков и дистрофиков с высокомерием.

По улицам люди неспешно двигались к остановкам, заскакивали в кафе, присаживались на лавочки, останавливались у экранов ради порции новостей или просмотра забавных моментов со вчерашних стримов, записывались на курсы и отчитывались о выполненных идеях для жизни. Юманита составляла персональные подборки цифрового контента, учитывая вкусы, интересы и даже сиюминутные желания.

— Не заграждайте дорогу! Дайте пробежать. Что у вас тут? Что смотрим? Топ-пять самых смешных моментов из детских мультфильмов этого года. До сих пор детство играет, да?

Оставляя позади рассерженные лица, он с лёгким сердцем устремился к центру спортивного городка, где ежедневно принимал маленьких спортсменов детский многофункциональный комплекс.

На перекрёстке Лунег остановил светофор: космонавт на красном фоне запрещал движение. Тут же из ниоткуда подскочил бездомный, тыча замшевой фуражкой «Кристалльон» из давней зимней коллекции, внутри которой трясся мини-терминал. Лунег не пробил смартфоном пожертвование и не стал объяснять бездомному, что продажа раритетной фуражки в определённом месте обеспечит его на ближайший год едой и хорошим жильём.

Над головой медленно пролетел дрон, предлагающий оформить новые курсы по самообразованию. Следом за ним появился ещё один, старой модели, задевая обмотанные биоразлагаемым пластиком деревья и кейсы для грузов фирмы «Орион». Лунег перебежал дорогу, следя за устаревшим железным воином. Тот заметил на себе взгляд и начал преследовать юношу, как мог.

Лунег ускорился, оторвавшись от незадачливого дрона, запутавшегося на повороте в вывешенном баннере с поддержкой закона о смертной казни.

Прокручивая в голове вчерашние события, юноша пытался сам себе объяснить потерю ориентации в пространстве. Возможно, причиной оказался стресс или пропущенный обед, но внутреннее чутьё каким-то образом связывало рассеянность со странной вспышкой в небе, от которой ещё слезились глаза и которую Юманита до сих пор могла объяснить лишь запуском пиротехники с завода по переработке мусора.

На очередном перекрёстке устаревший дрон настиг Лунегу.

— Уважаемый, выделите две минуты времени для прохождения опроса.

— Так ты статистик! Расскажи, железка, с какой вероятностью ты сможешь меня догнать, если в ближайшие двадцать секунд не заинтересуешь меня чем-то интересным?

— Сбой инструкций. Начало инструкции. Награда: бесплатный курс от Юманиты. Первый вопрос. Оцените ваше отношение к Юманите по цветовой шкале.

— Чёрный.

— Зелёный даст больше баллов.

— Я передумал. Зелёный.

— Считаете ли вы строительство чуда света важным этапом в жизни Ягельска? Варианты ответа...

— Абсолютно нет.

— Вариант «Да» утроит предыдущие баллы.

— Тогда «Да».

— Помогаете ли вы городским службам с акклиматизацией кокриков?

— Нет, не помогаю. Кокриков презираю. Генетиков ненавижу. А за попытку навязать другое мнение по этой теме без колебаний уничтожаю железным прутом.

— Критический промах. К сожалению, все баллы сгорают. Следующий вопрос.

— Ах ты мусор-манипулятор!

— Оцените работу мусорных линий...

— Зелёный.

— Согласны ли вы отказаться от отдыха в санатории на озере Лафрия ради дополнительных выходных и строительства промышленных зданий на берегу озера?

— Согласен.

— Оцените работу дрона-опросника...

— Десять.

— От одного до двух.

— Два?

— Правильно. Опрос окончен. Вы получаете пробную версию курса программиста.

— А где бесплатный курс, железка? А ну-ка подлети ко мне поближе!

Но дрон уже развернулся и отправился искать нового участника опроса.

Пнув снежок, Лунег побежал к комплексу, который появился в поле зрения вместе со вспомогательными пристройками.

Уже давно сняли ограждение с территории, выставили экраны, широкоугольные камеры и коробки-посты для дронов, где железки могли зарядиться и пройти первичную диагностику. Управляющие таким образом решили вопрос с безопасностью и убрали ассоциацию комплекса с тюрьмами из Малопогоста. Теперь дети не находились за большим забором. Размещённые по периметру экраны круглосуточно сканировали и освещали дорожки, напоминали о правилах поведения, обучали действиям при чрезвычайных ситуациях.

Солнце уже поднялось из-за горизонта, поэтому свечение от чуда света едва различалось.

— Скорей бы достроили. Сколько можно тянуть? На фоне чуда света гораздо эффективнее смог бы рекламировать свою вещь. Я же скоро стану богатым и влиятельным, как к этому подготавливаются?

На экранах спортивного комплекса яркие буквы требовали оставаться бдительными и не вступать в разговоры с похитителем, сгенерированный портрет которого на сером фоне должен был пугать, но Лунег лишь пришёл в недоумение.

— Юманита, это максимум, что ты смогла из себя выдать: мужчина в капюшоне, у которого две трети лица находятся в тени? Где имя и точная ориентировка, бездарный кусок кода?

И в голове тут же возникла мысль, что именно слепота устройств безопасности, которую ругает, позволяет ему сбежать от гвардейцев и уворачиваться от наказаний.

— Одно дело — тухлявый фонд, а к детям почему такое отношение? Хочешь казаться полезной и незаменимой во всём? А вот и нет. Я сам найду похитителя! Увидишь, Юманита, как меня будет чествовать весь город, как моё имя высветится на каждом экране!

Замечтавшись, прошёл мимо нужного входа.

— Придётся сделать вид, будто хотел пройти через их «лучший спортивный музей». Ага, как же. Накидали кубков, фотографий на стенды, впихнули 3D-инсталляцию с историей футбола в городе и думают, что это будет интересно?

На входе сработал датчик — мигнул зелёным, распознав Лунегу. Юноша резко помахал рукой, чтобы датчик вновь немного поработал.

За экспозициями появились зоны, в которых Лунег ещё не бывал. Причина, из-за которой он избегал музей, открылась уже в начале: на каждом выдающемся достижении детско-юношеского футбола Ягельска значилось его имя и фотография. Победы в областном первенстве, чемпионате страны, европейских соревнованиях, мировом туре стали неотъемлемой частью истории города. И каждый этап сопровождался видеообзором с красивыми и важными голами Лунегу, выступавшего в футболке клуба «Сильвестрис» или сборной страны. Но лишь он видел в талантливом парнишке внутреннюю боль и грусть, от которых не мог тогда сбежать. И понадобилось длительное время, чтобы отсечь прошлое, избавиться от болезненных ассоциаций и начать новую жизнь. То, как спортивные успехи не соотносились с ожиданиями его семьи, и какие издевательства удалось пережить, остаётся запертым лишь в его памяти, и никакие видеообзоры и хвалебные высказывания тренеров не рассказывают и не расскажут правду.

Далее красовались копии старых мячей и зазывали к себе новые интерактивные зоны, о которых Лунег не знал. Он остановился у аттракциона, где необходимо мячом попадать по загорающимся красным точкам на стене. Выбив пять из пяти, победитель направился к раздевалке.

В фойе его встретили администратор, дети и раскалённый докрасна директор комплекса.

— Разгильдяй, до тебя дозвониться не могу! — свирепствовал начальник. — Быстрее двигай ногами ко мне! Через две минуты выезд! Ребята ждут, транспорт ждёт, пока главная звезда соизволит явиться в эти стены.

— Эдюк Дмитриевич, если что-то не нравится, то с лёгкостью увольняйте. Я тут же закажу такси, поеду праздновать столь радостные перемены в жизни.

— Не похабничай, Лунег. Твой настрой понял. Ребята, берём вещи, садимся в автобус. Вас будет сопровождать помощник, Фёдор Юрьевич. Где он у нас только, Зиночка?

Администратор открыла у себя расписание.

— Ведёт тренировку в первом зале.

— Ничего, Лунег его подменит. Как ваша рука, Зиночка?

— Кисть зажила, гипс сняли. Спасибо, Эдюк Дмитриевич. Я вызову Фёдора Юрьевича.

Дети побежали занимать лучшие места, Зиночка пошла в первый зал, а Эдюк гневно посмотрел на опоздавшего тренера.

— Ты почему на смарт-вызов не отвечаешь? Сколько надо звонить, чтобы звезда соизволила откликнуться?

— Я был занят, — Лунег небрежно повёл плечом.

— Конечно. И я в этом не сомневаюсь, и родители не сомневаются, те, что присылают мне ночью видео, как тренер их детей пьяным голосом кричит на всю улицу, призывает утопить всех ковриков и никогда не ходить с мужчинами до остановок. У тебя не всё в порядке с головой. Но родителям приходится говорить, будто так ты снимаешь стресс после смерти отца. Только Мичкин-старший умер семь лет назад от инфаркта.

— Не надо меня защищать. Я уже взрослый и не обязан не перед кем отчитываться.

— Хорошо, что твой отец не видит, как ты позоришь имя великого актёра. Мы с Енисом искренне радовались твоему таланту и успехам. Я его даже убедил не донимать тебя пробами в кино. А что ты... Без толку. Когда в следующий раз уйдёшь в загул, то и пальцем не пошевелю, чтобы избавить тебя от встречи с гвардейцами. Уверен, Енис бы поддержал моё решение, — директор едва ли не сплюнул, отвернулся и ушёл в свой кабинет.

Зиночка вернулась и демонстративно не обращала внимания на юношу в лиловом пальто, рассматривающего своё отражение в полу.

«Пробы в кино? Отец ещё детстве объявил о моей тотальной бездарности. А когда мне мячом разбили нос, то отпала и необходимость придумывать оправдания».

Через несколько минут Лунег стоял перед дюжиной мальчиков с маленькими ракетками в руках.

— Слушай команду. Переодеваемся и выходим к центральному входу. Время пять минут. Отсчёт пошёл.

Лунег предполагал, что Эдюку Пичегову не понравится его задумка, поэтому решил не сообщать о своём видении занятий по настольному теннису кому бы то ни было.

Двигаясь неспешным шагом к точке сбора, Лунег обдумывал название для своего творения и тихонько радовался удаче, которая оказалась рядом во время найма юриста. Альбер занимался не только финансовыми вопросами, но и стартом будущего бренда: нашёл фабрику, поставщика, составил план развития на несколько лет вперёд, заказал сайт и много чего ещё. За свою работу Альбер просил солидную сумму, зато избавлял по максимуму от головной боли. Если бы только Ветлан не сбавлял темп в поиске заказов, то всё складывалось бы идеально.

Разблокировав замок на двери подсобки, Лунег прихватил телескопические лопаты по числу парнишек и большой медицинский мяч. Закинув инвентарь в мешок, вышел на улицу. Отряд веселился, ожидая следующих команд.

— Погода сегодня хорошая. Федя зря вас не выпускает на солнышко — на свежем воздухе мышцы плечевого пояса развиваются лучше. Делимся на две команды. Каждая возьмёт свой участок для уборки. Кто первый закончит, тот и победит. А чтобы задача не казалась

лёгкой, буду отвлекать вас мячом. Кто не поймает — отжимается пять раз. Кто не докинёт обратно — десять.

Началась игра. Лунег закидывал мячом лишь одну команду, но та прикладывала сверхусилия и шла вровень со второй. Спортивный подвиг не трогал парня, боровшегося со скукой.

— Объявляю перерыв. Разминка ног. Бросаем лопаты и бежим за мной.

Отправившись на внешнюю беговую дорожку, он ощущал необходимость перемен.

«Работа тренером — это идея Юманиты, её клеймо. И лучше его вырезать, чем продолжать тратить драгоценное время жизни на глуповатых и неказистых детей, в которых не найти даже крошку таланта. Зато богатые родители обеспечивают директору ежегодный отдых в лучших номерах санатория».

Птицы, летающие по округе, вновь вели себя странно. Будто пугаясь сугробов, облетали определённый участок по широкой дуге, приземлялись на возвышенностях и продолжали наблюдать за ничем. На экране кадры с предупреждением о маньяке соединили несколько опасений в юношеской голове.

Строго приказав группе остановиться и не сходить ни на шаг с дорожки, Лунег осторожно направился к сугробу.

«Снег и снег. Вот пустая банка. Заметённые следы. Слишком старые».

Повозив ногами в горке снега, Лунег ничего не отыскал. Лишь показалось, будто нутро сугроба изначально было насыщенно тёмным, как разлитый мазут, а теперь остались лишь грязные следы в холмике.

Ему захотелось высказаться про развившуюся паранойю, но сдержался. Высматривая в лицах детей заинтересованность, пугливость и страх неизвестности, не мог самому себе ответить на вопрос, почему ещё возможно в развитом обществе похитить ребёнка, не всполошив охранные системы, дронов, отряды гвардейцев.

«Гад похищает только девочек. Но это по заявлению Юманиты. А можно ли ей верить?»

Обратно к комплексу шли молча. Лунег решил взбодрить ребят, сбившихся в кучу, будто испугавшихся похитителя, который мог чудесным образом появляться, забирать ребёнка, а затем также незаметно возвращать того на улицы города.

— Ребята, внимание. Нам навстречу идёт дядя из культа Обручева.

Мужчина с вышитой буквой «ш» на куртке поравнялся с группой.

— Готовим ручки. Быстро лепим снежки.

Хихикая, дети тут же бросились комкать шарики.

— Стреляй в культиста!

Штеп слишком поздно заметил надвигающуюся бурю. Залп оказался идеальным.

— Сто процентов попаданий!

— Изверги! Что я вам сделал? Ты чему детей учишь, бестолочь?

— Ребята, он наглеет и обзывается. Готовим второй залп!

Детский смех подгонял непонимающего штепа, путающегося в своих ногах, выкрикивающего угрозы. Несколько снежков всё же настигли убегающего.

Лунег искренне веселился, представляя в куртке с буквой «ш» одного из ребят с футбольной секции, который частенько исподтишка вываливал гадости. Многие из бывших футболистов надели знак штепов, потому что это стало модно, в тренде.

На смарт-ифтейс Лунегу пришло сообщение от Ветлана: «Срочно. Задание. Точка сбора: наше место в Техническом районе».

Теперь волна радости захлестнула юношу. Перечитав сообщение, чтобы точно убедиться в увиденном, тут же позвонил тренеру по лёгкой атлетике.

— Виталик, мчи к центральному входу комплекса! И захвати с собой мешок. Это не шутка. Ты любишь сюрпризы, только боишься их. Позже объясню. Не забудь про мешок! Отбой, — он повернулся к воспитанникам. — Дети. Кто последний добежит до комплекса и

хлопнет в ладоши Виталика Ивановича, тот будет собирать лопаты и один понесёт весь инвентарь в подсобку. Чего стоим? Бегом-бегом-бегом. И мяч не потеряйте!

Ловко избавившись от ребят, Лунег поторопился к уже вызванному такси, но через десяток метров его тормознула группа мужчин в ярких жилетках с каким-то некрасивым логотипом.

— Парень, не гони. Вопрос есть.

— А в чём дело?

— Это спортивный комплекс, где проходят детские тренировки?

Вопрошающий, чьё крепкое телосложение дышало силой, буквально излучал мужицкость. И Лунег начал что-то подозревать.

— Лучший спортивный комплекс во всей стране. Подготовка спортсменов мирового уровня. Вам детей забрать или отдать?

— А мы к тренеру. Ищем Мичкина Лунегу. Видел его?

— Лунегу все знают. Талантливый, красивый, умный. Всё от отца унаследовал. А вы знали, что его отец, Енис Мичкин, выдающийся актёр Ягельска? Детектив Ян Котер из сериала, видели?

— Нет, не знаем. Нам бы поговорить с ним.

— Проконсультироваться.

— Выбираем, в какую секцию отдать своих детей.

— И не помните вторую серию первого сезона «Заложника в подвале»? Нет? Жаль. У вас одного года и все мальчики?

После нескольких секунд раздумий квадратные подбородки кивнули.

— Красавчики! Обратились по нужному адресу. Запоминайте. Двигаетесь ко входу, затем идёте до администратора. Она чуть глуховата, поэтому наклонитесь и громче крикните... его имя. Если та начнёт возмущаться, то только из-за любви к манерам. Она была судьёй в тяжёлой атлетике, поэтому считает, что без крепкого рукопожатия диалог нельзя продолжать.

— Выручил, парень.

— А откуда такие жилетки? Логотип в виде безумного холодильника.

— Мы работаем в музее игровых автоматов. Заходи как-нибудь, отблагодарим.

— Вот оно что. Конечно! Только не сейчас, спешу. Удачи, мужики!

Подбежав к ожидающему такси, он обернулся. Группа уже зашла в комплекс. Импровизация сработала. А если бы они смотрели вторую серию первого сезона, где детектив выдаёт себя за иностранного посла, то раскрыли бы дешёвый обман.

До Технического района ехать было недалеко, но Лунег вполне успел обдумать взаимосвязь появившегося в квартире автомата с орешками и накачанными мужчинами, интересующимися молодым тренером не просто так. По пути он уговорил водителя свернуть на небольшую улочку, разукрашенную граффити. В уникальном месте продавали билеты на неофициальные концерты: гвардейцы их называли подпольными, а Лунегу больше нравилось обзывать их подсугробными. Молодой человек в кепке «Сильвестрис» выдал электронную карту на ближайшее выступление.

Центр Технического района заполнен мелкими производствами и магазинчиками по продаже всевозможных устройств. Люди из небогатых слоёв общества ежедневно проводили здесь не менее двенадцати часов, зарабатывая себе на пропитание. Точкой сбора Ветлан назначил переулок — вытянутую арку между двумя низенькими домами. Во дворе располагался импровизированный шахматный клуб, где в обед, перерывах и вечерами собирались рабочие из ближайших мест ради партий, но не на деньги, а на какие-нибудь детали или запчасти.

В арке Ветлан, придерживая рабочую сумку, активно что-то обсуждал с Цилей. Когда Лунег появился, парочка тут же замолчала.

— Даров, народ. Какая кислая рожа у тебя, вешалка.

— Отстань, каскадёр.

— Обсуждали меня, Ветлан? Я заметил, как притихли.

— Лунег, хорошо, что ты после бара пальто надел наоборот. В сети ищут безумца в разорванном пальто, укравшего игровой автомат. По описанию — твоя точная копия, но мы понимаем, это не совпадение.

Осмотрев изнанку пальто, Лунег обнаружил несколько солидных дыр, скривился.

— Закажи себе куртку от «Север — Шурга», у них логотип с оленьими рогами. Видел же его? Смешаешься с толпой. И сам целее, и нам спокойнее. Ещё у «Хойту» вышла классическая линейка. В ней тебя примут за типичного европейского студента.

— Да, олени рога ему как раз подойдут, — съехидничала Циля.

«Да я лучше „Север-Шурга“ закажу и стану смазливym модником, чем накинута на себя что-нибудь из „Хойта“. Только одежды из Королевства мне не хватало».

— Женщин в разговор не приглашали.

— Придирки в сторону, — перебил Ветлан. — Не обижай Ласку.

— Новое имя? А почему моего мнения не спросили? Что за дела?

— Нужно сосредоточиться на деле. Прислали адрес, куда необходимо проникнуть. Ласка, на тебе первый этап работы...

Лунег заскучал. Невовремя засигналил желудок. Близился обед, а с самого утра удалось съесть лишь несколько орешков.

«А если сейчас делать заказ, то применится скидка с ближайшего ресторана и ускоренная доставка дроном».

Привлекли внимание огоньки. В стену переулка кто-то вмонтировал автомат с чаем и бутербродами, а рядом дописал краской: «Луч солнца, а не бомбы».

«Какие все миролюбивые стали, когда жизнь наладилась после Химической войны».

Лунег выбрал в автомате самые аппетитные позиции, оплатил, получил заказ и, наслаждаясь перекусом, подошёл к Ветлану, заканчивающему свой рассказ.

— Какой чай, Лунег?! У нас ответственное задание!

— Ароматный. С барбарисом.

— Уверена, наше чудо природы не услышало ничего из плана.

— Ошибаешься. Аккуратно проникаем, делаем работу профессионально и отбываем с помощью Климата, как умеем только мы, — в надежде, что никто ничего не заподозрит, Лунег пересказал прошлый план.

Циля махнула рукой и отправилась исполнять свою часть работы. Покачав головой, Ветлан попросил быстро доестъ и присоединиться к ним у пожарного выхода соседнего дома.

Когда подошёл Лунег, то Циля уже взломала замки и шепталась с Ветланом об осторожности.

— Когда к работе подключается такой профессионал, как Лунег Мичкин, то...

— Осторожность складывает свои полномочия.

— Если ещё раз меня перебьёшь!

— То что?

— Коллеги, прекращаем разборки. Берём и надеваем непросвечиваемые маски. Заходим, идём по коридору до квартиры девятнадцать. В ней живёт проштрафившийся стример.

Главарь вытащил из сумки рабочий инвентарь. Один комплект передал Лунегу.

— Почему девятнадцать? Это несчастливое число. Ветлан, когда берёшь заказ, то хотя бы посоветуйся со мной. В сериале, не перебивай, детектива подстрелили у девятнадцатого дома! Затем девятнадцатого числа его дочь попала в аварию. А в последней серии первого сезона надо было за девятнадцать падающих капель масла разминировать бомбу.

— Проходи, актёр, и не кричи так громко. И временно отключи камеру над входом. Если затем случились второй и третий сезоны, то он успел разминировать. Тогда никто не взорвался, и сейчас никто не взорвётся.

— Это уже по твоей части, суеверный ты наш, — снова Циля не упустила шанса подколоть. — Не подведи.

— Какая ты сегодня токсичная. Если не будешь отвлекать, то никаких проблем и не схватим.

— А ты отравленный и неизлечимый.

Лунег хмыкнул, но оставил выпад в свою сторону без ответного комментария. После Химической войны, закончившейся шесть лет назад, отравленными называли детей воевавших мужчин. Иногда Разделённое Северное Королевство смешивало химические вещества с радиоактивными, поэтому ужасные последствия войны настигали семьи ещё очень долго. Но Лунег легко пропускал мимо ушей подобные оскорбления, зная, что и отец не принимал участия в боевых действиях, и сам он родился за семнадцать лет до начала событий.

В коридоре распределительная точка нашлась быстро. Через минуту команда увидела перешедшую в режим ожидания камеру, а через две — зелёный сигнал на замке в девятнадцатую комнату. Лунег не смог понять, довольны ли остальные его работой или нет, так как маски скрывали эмоции.

— Бонусом — подключил доставку еды при каждой разблокировке замка. Чтобы никто не голодал.

— Предупреждаю тебя, актёр: сегодня без насилия. Без насилия.

— Если меня не злить, то я всегда тактичен и рассудителен.

В просторной квартире сиял идеальный порядок: пол начищен, стулья расставлены по линейке, кухонная техника отгёрта до блеска, пыль вытерта даже на дверных наличниках, цветы подрезаны и политы. Лишь в зале у дивана валялось несколько коробок, портящих идеальный вид. Внутри них лежала тёплая одежда. За такой чистотой Лунег даже не сразу осознал развернувшийся житейский минимум — отсутствие не то что роскоши, а хотя бы удобств чуть больше базовых.

— Каскадёр, тебе обещали разрешить красть на следующем задании, можешь захватить горшки с цветами. Они не смогут сбежать от твоих шуточек.

— В следующий раз, главарь, захвати одну маску с кляпом, иначе я не сдержусь и причиню насилие.

— Учиню, невеглас...

— Тихо. Клиент в третьей комнате. Входим аккуратно.

Приоткрыв дверь, Ветлан на цыпочках прокрался в спальню, освещённую несколькими искусственными свечами. Размытые тени плясали на стенах, охватывая объёмный магнитный пазл, моноблок, мягкое кресло и стеклянный стол. Ветлан соотнёс полный набор видеоблогера со второй задачей: найти в квартире девятнадцать стримера. В центре помещения на коврике медитировал средних габаритов мужчина в пёстром халате. Выбрита левая часть головы отблёскивала. Стиль запоминающийся, но раньше подобного на экранах не встречал.

Главарь жестом указал Лунегу встать у двери, а Циля ждать команду: убрать со стола смарт-ифтейс.

Как только стример услышал шорохи, Ветлан тут же накинуд непрозрачный куль ему на голову и скомандовал остальным. В один миг медитативная тишина разорвалась топотом и вскриком.

Схваченный врасплох мужчина запаниковал: задёргался, испуганным голосом активировал центральное освещение и танцевальную музыку, а в конце запустил фильм «Подонки». Но крепкий захват умерил его пыл.

Боясь задушить, Ветлан ослабил хватку и начал диалог размеренной отрепетированной речью:

— Всё в порядке. Нам с тобой не нужны лишние хлопоты. Если ответишь на несколько вопросов, то через пару минут твоя привычная жизнь продолжится. Кивни, если понял.

Стример кивнул, руками ощупывая Ветлана, не попадая в такт музыке.

— Нас много. Убежать не получится.

Кивок.

— Опустите руки. Молодец. Выключи электронику.

В комнату вновь пришёл сумрак с тенями от свечей. Напряжённую тишину разрезали частые вдохи и звуки уведомлений на моноблоке.

— Мы знаем о готовящейся акции против открытия чуда света.

— Я-я обычный стример... Веду трансляции, честное слово. Передаю зажигательные новости, — прозвучало дрожаще и глухо из-под мешка.

— Вы планировали совершить теракт: разрушить дронами одну из опор сооружения.

— Клянусь, ни о каких взрывах ничего не знаю!

— Если быстро не получается, то останемся дольше. У меня в сумке инструменты, помогающие узнавать правду.

— Я веду стримы. Передаю зажигательные новости! Развлекаю подписчиков. Я не террорист! Отпустите меня... — жалобный голос перешёл во всхлип.

Лунег решил ускорить процесс и не заводить допрос к бирюлькам Ветлана, так как на серьёзные меры у главаря не хватит духа. Скорее всего, тот таскает фотографии плачущих котиков и голодных детей из района бедняков. Оттолкнув Ветлана, юноша схватил стримера за горло, вытащил из широкого рукава пальто и вонзил в бок предмет, напоминающий дуло пистолета.

— Слушай меня, стример-недоучка! У моего коллеги полный фургон терпения, но я не намерен терять половину дня, цацкаясь с твоими слезами и выслушивая оправдания, какой ты невинный и пушистый. На раз-два-три выдаёшь то, что он хочет узнать. Допёрло?

— Только не убивайте, только не убивайте! Я за чудо света! Ни опоры, ни арки я не хочу взрывать! Только передаю новости.

Ветлан, поражённый самодеятельностью напарника, переводил взгляд то на него, то на Цию, пытаясь быстро изобрести новую стратегию.

— Раз!

Почувствовав, как стример задёргался, пнул несколько раз по бедру. Допрашиваемый заскулил и упал на бок. Лунег его поднял.

— Актёр, у нас мирное задание! Действуем по наводке.

Дуло сильнее впилось в бок.

— Два! — рявкнул Лунег. — Я не шучу. Главарь, не подходи, сейчас решим вопрос, знает ли наш культист, или кому он тут медитировал, про готовящуюся диверсию.

— Не хочу умирать! Почему сейчас? Почему? Новости, новости, новости.

— Да не копошись ты! Какая скользкая у тебя шея. Детским кремом натираешь?

— Ты всё портишь! Убери оружие, нам дан указ без перегибов, без крови! Актёр, чтоб тебя!

Справляясь с рыдающим навзрыд стримером, брезгуя соплями, слезами и слюнями, потёкшими из-под мешка по шее к зажимающим её пальцам, пытаясь держать Ветлана перед собой, Лунег упустил из виду Цию, которая уже была готова атаковать ручным электрошокером.

Трель дверного замка всех образумила, нападающие насторожились. Даже уменьшился поток соплей у жертвы.

— Повезло тебе, культист. Передаю в руки профессионалу, но ненадолго. Обещаю, не успеешь заскучать.

Отправив клиента в руки Ветлана, Лунег сделал левой рукой жест «Всё ок», а правой явил на свет вытянутую металлическую перечницу, украденную из кухонного шкафчика, только что служившую макетом дула, после чего отправился встречать гостей.

«Судя по пустому холодильнику, сопляк никого не ждал. А если он сумел подать сигнал о помощи, и теперь за дверью толпа гвардейцев? Неужели я что-то упустил? Кто этот сопляк-стример? Квартира выглядит подозрительно. Обстановка совсем не для Технического района. Детали, упускаю детали. Где же знаки?»

Циля, убравшая за спину шокер, тихонько последовала за ним.

Звонок не прекращался. Незвестный или незвестные не уходили.

Экранчик безопасности у блока сигнализации транслировал картинку с вернувшейся в боевой режим камеры, подвешенной над дверью в общий коридор. Курьер в чёрной куртке с коробками в ногах не прекращал трезвонить, расслабленно жуя жвачку и пуская пузыри.

«Вроде бы безопасно».

Раскрыв дверь, Лунег шагнул на порог, заслоня вид в квартиру, и взял инициативу в диалоге:

— Даров, братуха. Что там у тебя?

— Заказ на имя Вольдемара Артёмовича. Квартира девятнадцать. Всё верно?

«Попался сопляк с редким именем. Такого курьер наверняка запомнит».

— Верно. Давай сюда! Лёгкие коробочки.

— Внутри рулетки. Приятного аппетита.

— Самое то! У нас костюмированная вечеринка. Заодно готовимся к скорым праздникам. Подкрепиться не будет лишним. Отметки об оплате не вижу.

— Не переживайте, всё оплачено. Отлично отметить! Передайте хозяину: его новости зажигательны!

— Несомненно! А теперь иди-иди. Мы заняты.

Захлопнув дверь, юноша принялся рассматривать заказ.

— Эй, каскадёр, что там?

Разорвав верхнюю коробку, Лунег достал пачку бисквитных рулетов.

— Две коробки сладостей? Главарь, есть разговор. Срочно.

«Новости зажигательны. Этот сопляк не переставая повторял то же. Вот и нашёл деталь».

— Система, новости!

На крик Лунег среагировал блок сигнализации, мигнув красным.

Юноша тут же разорвал до конца первую коробку. Под слоем сладостей лежали кусачки, смарт-ифтейс, рация и лакокрасочный ключ. Не веря глазам, разорвал вторую коробку: в ней прослойка рулетов скрывала нарисованную от руки карту северной части города с характерными цветными стрелками.

— Ах ты пакость подзаборная! Главарь, нас раскрыли!

Ворвавшись в комнату, где Ветлан ещё надеялся хоть что-то выбить из лжестримера, Лунег с ходу выписал последнему удар ногой в грудь. Вопль мужчины разнёсся по комнатам, Лунегу пришлось его перекрикивать:

— Он предупредил своих.

Вновь зазвучала трель со стороны входной двери.

— Ласка, не открывай!

— Замки закрыла. Что теперь делать? Нужен новый план. Почему каждый раз всё идёт наперекосяк? Ах, Лунег, что ты с ним сделал?

Тот схватил кусачки и начал проматывать в голове фильмы, где могла бы попасться подсказка, что делать дальше.

— Я успею дознаться, кто ты на самом деле, бритоголовый!

— Ласка, не волнуйся, у нас в запасе достаточно времени. Кто бы ни был за дверью, они не знают, вооружены мы или нет. Каскадёр, надо уходить. Слушаем все: на кухню, через окно.

— А вот и не так! Садись, Вольдемар, поговорим без пакета, гадюка ты двуличная.

— Я... кхе-кхе... вам ничего не скажу, кхе... неудачники.

— Со всеми зубами, может, и не скажешь, а без нескольких передних?

Приложившись кулаком по лицу корчившегося от боли лжестримера, Лунег расквасил ему губы и выбил два передних зуба.

— Прекрати, актёр! Уходим!

— Нам надо завершить дело.

Звонок продолжал наполнять атмосферу тревогой. Лжестример прокашлялся:

— Кхе... Заплатите. За всё заплатите, пхек... Ваш гохлад сгорит в огне. Вы ответите за войну, котолую плинесли нам. Скажите «площай» мирной жизни. Ласплата уже глядёт.

— Какая ласплата, сопляк? С зубами ты поумнее казался.

— Юманита тебя обманывает, плавительство тебя обманывает. Вам лгут! На экланах ложь! Но заблуждаться приятнее, чем копать до истины, велно? — со щербатой улыбки, с разбитых губ текла кровь.

— Не беси меня сильнее! А то врежу по лысине чем-нибудь тяжёлым!

— Они не могут найти похитителя. Почему, как думаешь? — извернувшись, стример сорвал маску с Лунег. — Вот ты какой, защитник убийц. Тебя найдут пелвым! Такого улода я точно запомню!

Лунег ощутил неконтролируемый гнев, пронзающий мозг, мышцы, сигналивший разорвать наглуую окровавленную рожу, уверенную в своей правоте. В воображении эта рожа уже превратилась в бесформенный кусок мяса. Дав волю рукам, Лунег почувствовал сопротивление, горячее дыхание Ветлана, повисшего на нём. Юноша попытался освободиться.

Сквозь борьбу донеслись крики Цили:

— Дверь режут гвардейцы.

— Ласка, сюда. Быстрее.

Хлопнули ставни, морозный ветер обдал комнату.

Скидывая пелену гнева, Лунег разглядел открытую дверь на балкон, спрятанную до этого за ширмой, и пустое место вместо окровавленно-сопливого стримера.

Мимо метнулась Цили, пытаясь догнать бритоголового.

Борющаяся парочка расцепилась. Ветлан тут же схватил сумку и побежал следом за девушкой, а Лунег в пару прыжков оказался у коробки, выхватил карту, закинул несколько пачек рулетиков в карманы и под треск падающей двери выпрыгнул на улицу.

Он бежал, не понимая направления, то проскальзывая, то зарываясь ногами в снег. Под ступнями прохрустели ломающиеся маски, а над головой пролетели какие-то дроны. В глазах размывался мир и проносились тени. От каждого тяжёлого вздоха теней становилось больше, а в груди жгло сильнее.

«Я в форме. Надо ускориться! Куда скрылись эти болваны?»

Вскоре Лунег оказался посреди незнакомой улицы, давно утратившей первоначальный блеск: лишь заснеженные козырьки и переулки искрились в солнечном свете и лучах снующих туда-сюда дронов. Не боевых. Ни Ветлана, ни Циллионны, ни следов преследуемого стримера не было. В отдалении рабочие грузили в машину коробки с каким-то хламом. Изнутри ближайших окон налип слой маскирующей пыли, а из приоткрытых форточек разносился масляно-машинный запах.

Разглядывая прохожих, Лунег надеялся получить от них помощь. Одна замеченная деталь всколыхнула мозг, отчего юноша совсем забыл про смарт-ифтейс в кармане, про встроенную карту и определение своего положения: на куртках шагающих по делам людей блестели

эмблемы с оленьими рогами. На правом или левом плече, на груди или на спине обязательно таился логотип. В один момент Лунег ощутил себя чужаком, невесть как попавшим в незнакомый город другой страны. И никаких реклам, экранов, следов кокриков и прочей будничной паутины вокруг. Нервно покрутившись у покосившегося фонарного столба, обклеенного рекламками, юноша почувствовал волну дрожи.

«Увиденное реально? Я в бреду. Возьми себя в руки, Улун. Никто не придёт к тебе для спасения».

Пытаясь вспомнить, как действовал детектив Котер в первой серии третьего сезона, когда того поместили в дом-ловушку, он растирал замёрзшие уши и медленно шёл к лучам второго солнца — строящегося чуда света. Сияние разрежали узнаваемые дроны. Становилось теплее и свободнее на душе.

«Стример шептал, будто нейросеть обманывает. И в чём же? Зачем ей врать про городские дела? А меня не просто завести в болото. Из всех жителей Ягельска наверняка найдутся те, кто знает правду. Они придут на стримы и всё расскажут. Доверие к нейросети исчезнет. Я первым выйду на акцию за свободу слова! Но за историю существования Юманиты такого не было ни разу. Зачем ей целенаправленно скрывать личность похитителя?»

Вновь улица, забывшая о своём приличном виде. Подъехала ещё одна машина для погрузки отходов. Совершив круг, Лунег оказался в стартовой точке.

За пыльными окнами будто прошла огромная маслянистая тень, не издав никаких звуков жизнедеятельности внутри.

«Исчезла рабочая бригада? Вероятнее, смена ушла на обед».

На некоторых окнах вместо пыли образовалась тягучая склизкая плёнка. Свет с улицы переливался на ней, пузыря её и отслаивая. И чем дольше он смотрел на плёнку, тем больше появлялось образов в голове.

«Реально ли увиденное? Будто линк, перенос в иное эмоциональное состояние. Со мной что-то не так».

Закрыв глаза и вдохнув глубоко, он позволил ворваться в сознание воспоминаниям из детства: нависшая рука мачехи, сжимавшая нечто расплывчатое, но крайне опасное и вызывающее нестерпимую боль.

«Ян Котер ищет детали. Жизнь даёт нам знаки, подсказки».

Теперь лишь у части прохожих Лунег разглядел оленьи эмблемы. И все эти люди двигались в одну сторону. Он последовал за рогатыми изображениями, не понимая смысла, не давая оценки происходящему. И тихонько радовался тому, что быстро удалось пережить неприятную волну из детства.

Вскоре улица сменилась небольшой полосой заваленных снегом кустарников. Далее виднелся маленький заводик с охраняемой зоной. Над контрольно-пропускным пунктом висели камеры с автоматической системой распознавания лиц и широкие динамики. Постороннему внутрь не попасть. И Лунег не желал заходить на предприятие, даже если бы там располагалась самая большая эмблема с оленьими рогами.

— Эй, парень, сильно занят?

Повернувшись на голос, Лунег увидел идущего от небольшого грязно-зелёного автомобиля мужчину.

— Застрял в снегу. Подтолкни. А я затем подвезу, куда скажешь. На пропускном пункте живых нет, считай, одна автоматика, от той помощи не дождёшься. Чёрствые создания, что с них взять?

Незнакомец в дорогой кожаной куртке, чёрной маленькой шапке, с большими солнцезащитными очками показался юноше безобидным и вполне естественным. Реальным.

«Козлиная борода выглядит смешно, настоящая густая борода смотрелась бы органичнее».

— Не вопрос. С радостью.

Из снежной западни выбрались быстро. Физическое упражнение помогло стабилизировать мысли, забыть про неудачу в деле. Внутреннее чутьё подсказало, что за напарников переживать не стоит, а себя необходимо увести от гвардейцев, которые уже скоро начнут прочёсывать район. Оттряхнув пальто и ботинки, Лунег запрыгнул в салон, где водитель, не сняв шапку и очки, уже переключил кондиционер на обогрев и был готов к старту.

— Куда тебя доставить, парень?

— В направлении спортгородка, а там сориентирую.

— Рад вознаградить твои усердия, мой дорогой пассажир.

Развернувшись, водитель съехал с основной дороги и взял путь по узкой колее между заснеженных кустарников.

— А это мы ещё куда? — беспокоился Лунег, всматриваясь в округу.

— Зброшенная дорога. Пожарный путь, так говорят? Здесь быстрее доедем, да и лишних глаз не встретим.

Пока они объезжали пыль и запахи Технического района, Лунег напряжённо вслушивался и осматривал затёртый салон, пытаясь зацепиться за что-нибудь, уловить деталь, намекающую на опасность. Судя по виду, автомобиль выпущен лет двадцать-тридцать назад. Через шумоизоляцию салона удалось вычленить посторонний стук сзади.

— В багажнике что-то гремит. Остановимся, проверим?

— С завода забирал детали, — отмахнулся водитель. — Персональный заказ. Считаю, плохо упаковали. Штепы разберутся, им для каких-то будущих полевых лагерей необходимо много хлама. Да, за доставку платят немного, но не всё измеряется деньгами. А как хорошо, когда делаешь для себя, ради своих идей и мечт. Некоторые штепы приехали из Малопогоста, поэтому лучше относятся к путникам и путешественникам.

— Вот уж точно не хочу знать, как там у штепов заведено.

Лунег внутренне напрягся. В таком состоянии доехал до границы Технического района. Ничего не случилось: водитель оказался адекватным человеком, всего на год старше юноши, дорога судьбы завела его на подработки в город. Диалог начал Лунег:

— У тебя будто небольшой акцент. Ты не из Ягельска? Где-то схожее произношение мне уже встречалось.

— Судьба помотала и по России, и по Северному Королевству, и по Лаппинской республике. Ох, чуть очки не соскочили... Гляди, парень, как красиво плывёт самолёт.

— Настоящий лебедь.

— У вас удобный аэропорт. Один из крупнейших меж соседних республик. Только дороги зря перекрывают из-за шествий.

— Ты тоже из этих, из культистов?

— Нет-нет, просто знаком с некоторыми из Малопогоста, — тот помотал головой. — Никуда не вступаю, просто слежу за политикой. В мире столько творится несправедливости, что начинаешь разочаровываться в религии.

— Тебя бы на вчерашний марш вокавья, объяснил бы им «за справедливость». А про Юманиту много слышал? Как к нейросети относишься?

— Плохо разбираюсь, меня больше трогают исторические события. А она чем-то тебя обидела?

— Раньше не замечал, а теперь каждый день откровения! — Лунег почесал в затылке.

— Современные технологии коварны. Но производимые железки — чёрствые создания. Так жизнь обидела или Юманита?

— Бездарную идею для жизни нейросеть подкинула. И с личной жизнью помочь не может, хотя я и сам... не в восторге от местных девушек. А ещё пытаюсь организовать своё дело, но Юманита лишь мешает. О, у следующей остановки высади меня. Как раз наберу юри-

сту Альберу, а то совсем забыл о требовании нейросети: заставляет ехать в центр, но так не хочется.

На экране смартфона высветились пропущенные вызовы от Ветлана, директора спортшколы, рекламные оповещения о старте курсов. Среди информационного хлама болталось напоминание про заявку.

«Какой ответственный юрист».

Звонок не доходил, возвращался с оповещением о выключенном устройстве адресата.

— На него не похоже. Ты бы стал выключать смартфон? И я бы не стал. А у тебя орешков нет? А то проголодался.

— Нет, не люблю орешки. И тебе советую бросать их. Пропаганда мозги вам в Ягельске задурила, к добру такое не приводит. И жалко тех, кто ничего не понимает, потому что навязанные ценности — это большая манипуляция сознанием.

Лунег ничего не знал о задурманивании разума орешками, поэтому фразу оставил без комментариев. Выходя из транспорта, поблагодарил незнакомца за поездку. Тот улыбнулся в ответ, поправил очки и шёпотом задал вопрос:

— А что-нибудь про редкие ампулы слышал?

— Не доводилось. А должен?

— Болтают разные о разном. Любопытство вынудило спросить. Считай, ничего важного. Удачного вечера, мой дорогой пассажир.

На всякий случай Лунег указал неточный адрес, поэтому до дома оставалось ещё минут двадцать ходьбы.

«По усилившемуся морозу путь выйдет не из лёгких».

Стараясь не замечать эмблемы с оленьими рогами, не думать о странных тенях, об убежавшем стримере, обещавшем найти и покарать, Лунег продолжил развивать мысль о настоящей роли Юманиты в городе, о том, чьи интересы защищает нейросеть. На ближайшем экране появилось молодое личико опасной террористки.

«Что Юманите, что мне судьба какой-нибудь Усашки Вороновой — вообще по боку. Но поимка и наказание похитителя — это ведь серьёзное дело! Столько девочек пострадало. Некоторые родители боятся приводить детей в спортивный зал. И не к кому-нибудь, а ко мне! И вообще, регистрация моей разработки обязана проходить в секунду. Один человек преобразит всю мужскую городскую моду в будущем! Алгоритмам этого никогда не понять».

На пешеходной части дороги собралась толпа людей, ничего не скандирующих, не пропагандирующих и не требующих. Заинтересовавшись, Лунег не мог пройти мимо.

В центре толпы располагался представитель вокавья и мягким голосом описывал преимущества вступления в их ряды:

— Вступление не предполагает денежных сборов. Наоборот, это мы помогаем людям, попавшим в тяжёлые жизненные ситуации, закрывая долги, арендуя жильё и устраивая на работу. Не бойтесь нам и себе признаться в проблемах. Но предупреждаю, те, кто постигает философию вокавья, затем тяжело воспринимают разгульную одинокую жизнь. Если решается вступить, то необходимо быть готовым к дополнительному обучению и отстаиванию важных научных позиций, гражданских прав, участвуя в выборах, общественных работах и дискуссиях по поиску и возможному сохранению души. Вокавья не против нейросети, не знающей концепции душ, вокавья против безответственности, хаоса и посягательств на жизни невинных. Мы единым организмом защищаемся от попыток уничтожить нити дружбы Ягельска с Соткамской республикой... Молодой человек в лиловом пальто, по вам видно, как тяжесть совершённых ошибок не даёт вам обрести счастье и покой. Будьте добры, примите приглашение в вокавья.

— Нет-нет, думал, интересное слушаете-обсуждаете, а на деле промываете мозги. Лучше бы сказали: обманывает ли Юманита граждан?

— Ещё ни разу нейросеть не была поймана на лжи. Но существуют промашки из-за несовершенства алгоритмов.

— Как удобно всё сваливать на программистов, — хмыкнул Лунег. — Хотя и их я тоже недолюбиваю.

— Мы не боимся говорить правду, поэтому стоит влиться в ряды вокавъя. Недавно запустилась программа финансовой поддержки, чтобы облегчить служение. Признаю, у нас не круглогодичный санаторий, придётся много работать головой и руками, уживаться в коллективе, но затраченное время стоит того, чтобы учиться мыслить, познавать правду, искать путь для сохранения души.

— Сегодня я наслушался правды. Как-нибудь в иной раз, мистер культист.

Каким-то образом настырный вокавъя смог отправить на смарт Лунегу приглашение. Тот хотел его сразу удалить, но палец отправил письмо в архив.

«Вдруг культисты научились заколдовывать пальцы?!»

На перекрёстке около дома Лунег заметил тех же самых мужчин, которые интересовались им в спортивном городке. Через парадный вход идти стало опасно.

«Или это знак стать по-настоящему крутым?»

Решив не испытывать судьбу, он полез по пожарной лестнице к балкону своего этажа. Ещё одна физическая нагрузка заставила пропотеть. Попыхтев, ловким ударом ноги размагнитил крепление одной створки балконной рамы.

Дома темно.

— Как тебя там, колонка, включи свет.

Лампа мигнула. Не работали ни холодильник, ни игровой автомат.

— Даже орешек не достать из лотка.

В полумраке Лунег вытащил смарт, чтобы подсветить дорогу к распределительному щитку в общем коридоре. Заодно прочитал новое сообщение от спортивной школы с выгодным предложением отправиться на курсы повышения квалификации.

— Западня, не иначе. Или к рассылке допустили Виталика, который всё напутал.

В коридорчике будто клубились тени. Проморгавшись, удалось прогнать видение.

— Где щиток? Или лучше вызвать мастера?

— Мужчина, светом балуетесь?

— Что?

Резкий увесистый удар отправил его на лопатки.

— Затаскивайте в квартиру. Проведём разговор без посторонних ушей.

Потеряв ориентацию в пространстве, Лунег водил глазами и не мог сфокусировать зрение, чтобы разглядеть нападавших.

— Это вы?

— Нет.

— Да это вы, те, что с детьми, неудачники.

Усадив Лунегу на стул, парни подцепили к автомату какое-то устройство и легко выкачали из квартиры источник орешков.

— Куда моё сокровище тащите? Эй, лысый, не поцарапай там. Что происходит?

— Мы служба охраны музея игровых автоматов. И возвращаем то, что вчера ночью было украдено из нашего павильона.

— Вы получили своё. Теперь мы в расчёте.

— Не торопись. У нас имеется чёткое распоряжение от руководства, что с тобой делать.

— Занести в список нежелательных клиентов? — сыронизировал Лунег.

— Ты должен привести трёх новых клиентов в определённое заведение. Адрес ищи на смартфе.

— Перед глазами картинка расплывается. Продиктуй, а то не дождётесь людей.

— Это госпиталь для гвардейцев. Три клиента-добровольца, которые возьмутся за предложенную работу. До первого января. Запомнил?

— А если не приведу, то что?

— С начала следующего года мы будем приходить каждую неделю и по частям уносить твоё тело с собой.

Лунег понял, что шутки закончились.

— Удачных праздников, сын Мичкина.

Глава 7. Безыдейный (среда, 24 горзэма)

— Слушай внимательно, тупоголовая личинка. На меня смотри и слушай, я сказала! Сейчас же бросаешь никчёмные игрушки, или я их сама выкину, и садишься учиться! Кто-то другой за тебя экзамен сдаст? По твоим тупым глазам даже научная комиссия не поймёт, понял ты что-то или нет. Тебе дан приказ: «Учиться!» Где учебники? Почему учебный планшет не заряжен? Ты меня доведёшь! Ох, чувствую, доведёшь! У меня из-за стресса бессонница, гастрит и диабет. Мне нельзя тревожиться!

Мама, пыхтя в чёлку с белыми волосинками, махала крепкими руками и надувала щёки.

Волек опустил взгляд и залез на стул, прижав к груди планшет. Ещё неделю назад он уронил в школе гаджет, после чего тот так и не включился. Мальчик боялся рассказать об этом матери, так как она крайне сильно расстроится и начнётся очередной приступ буйства, бешенства, безумия.

— Буду учиться, — подбирая слова, Волек боялся ошибиться: каждая неправильная фраза — это новые синяки и ссадины.

— Ещё бы ты отказался! Тебе должны выдать идею. Это хоть осознал, пустоголовый? Затем получишь прибыльную профессию, расплатишься с мамочкой за все те раны, которые причиняешь сейчас! Думаешь, легко такую бестолочь растить? Весь в отца пошёл, копия батяни. Кстати, о нём. Эй, Лыско, — заорала она, повернувшись в сторону двери, — в городе скоро распределение идей, а твой сынуля тупее помойного ножа. Может, повлияешь как-нибудь?

— Олеся, занят я, — донеслось из соседней комнаты. — Гордей в гости пришёл. Ты же знаешь. Пусть Волька делает, что хочет. Его жизнь, надо учиться отвечать за себя. Олеся, ты, что ли, не понимаешь?

— Ах ты скотина! Давай подойди и мне в лицо повтори эти слова. Прячешься за своего друга Гордея? Я через минуту сама приду, готовься. А ты, природное недоразумение, думаешь, раз получил два дня отдыха за счёт города, то можешь делать, что хочешь? Я в твоём возрасте училась, ухаживала за больным дедом, ходила на кружок по танцам и ещё выгуливала соседского пса ради карманных денег. Меня не проведёшь! Если нашёл мёрзлую девчущку, то теперь надо по-особенному относиться к тебе? Я ещё спрошу у директора приюта, как ты себя вёл. Лучше покайся сам, тогда избежишь серьёзного наказания. Меня жизнь закалила. Смотри, какая я крепкая. Вот же ж, привыкла и к справедливым, и к несправедливым выводам от людей с длинными языками. Чего смотришь в пустой угол? С кем я разговариваю? Говори, как нужно себя вести на людях?

— Тихо и примерно.

Хлопнув мозолистыми ладонями по выглаженному халату, мама вытаращила глаза, всё равно казавшиеся маленькими на большом круглом лице.

— Не верю ушам, завтра снег растает. Лыско, у твоего сына есть зачатки разума. Что за шум? Опять на кухне нажираетесь в тайне от меня?

Дверь в комнату приоткрылась. Лысая голова появилась в проёме.

— Мы с Гордеем уходим продышаться. Волька, слушайся маму, расти крепким, помогай пожилым в хозяйстве. Олеся, пока.

Голова исчезла. Дверь закрылась.

— А ну-ка, бессмертный алкаш, поясни. Ты меня назвал пожилой? Слушай приказ: «Стоять на месте!»

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью. От топота затряслись игрушки на столе.

Судя по доносившимся крикам, мама догнала отца в коридоре. Разразился спор с перекладыванием друг на друга ответственности за развитие ребёнка.

Волек принялся расставлять упавших динозавриков. Краска на многих уже подстёрлась или выпвела, на телах серели царапины. Набор фигурок в плачевном состоянии он нашёл в коробке в одном из штабов. После помывки и дорисовки фломастером динозаврики обрели новую жизнь в борьбе за выживание против солдат. Теперь их жизнь ещё осложнилась: к людскому отряду присоединились роботы с чердака ведьмы.

За порванную испачканную куртку и потерянную шапку нагоняй достался серьёзный — в голове до сих пор гудело.

«Наказали справедливо. Хотя и больно. И директор приюта обещал подарить на Новый год курточку с шапкой из лучшего магазина. Тогда переклею этикеточку на обновку и покажу Алине. Взамен она может ещё рассказать про Настьку и ужасного похитителя. И надо учиться рисовать для особенных картинок».

Закончив с динозаврами, он покрутил в руках учебный планшет, воображая, как стилусом рисует невероятные сражения, которыми восхитятся другие люди.

«Ещё только утро и целый день впереди, но раз мама велела приступать к урокам, то надо заняться».

Выдвинув верхнюю полку шкафчика, Волек разгрёб солдатиков и двух роботов, спешно убранных до прихода мамы. Затем пробился через слой подобранных у дома прутиков и веточек. На дне лежали учебники. В последние дни мальчик к ним не притрагивался, жалуясь то на плохое самочувствие, то на перегоревшую лампочку, то на шум от посиделок отца с Гордеем.

«Русский язык. Обложка разорвалась, и листы отходят. Зато картинки красивые».

Устав рассматривать художественные изыскания, включил на детском смартфоне музыку. Доступ к стримам, играм, новостям блокировался с завода бесповоротно, а для развлекательных роликов требовалась платная подписка.

— Ой, что-то выпало из математики. Открытка.

Парус спинозавра завлекал на какао. За день до обнаружения девочки в фольге Волек подобрал на улице манящую открытку, которая заставила прогулять экзамен и дойти до закуской хотя бы ради запаха какао.

— Но теперь умнее. Лучше прогулять ради кафе «Де Миранд», где продают лучший горячий шоколад.

В учебнике по математике на каждой странице кто-то подрисовал морды кошечек: то глуповатого вида, то с очками, то в рыцарском шлеме. Для эффекта погружения некоторые страницы были разорваны незатупленными предметами.

Разглядывая кошек, Волек ощутил неловкость, будто своими действиями огорчает кого-то. Но оглядев свою небольшую комнату, никого не обнаружил. Льющийся из окна свет намеревал бросить книги и сесть под его мягкие объятия, забыть про тяготы.

Волек отложил учебники, взял прутик и подошёл к окну.

На улице привлекала внимание красочная реклама с детьми. С первого раза не удалось прочитать большое сообщение. И со второго тоже. Лишь с третьей попытки дошёл смысл: реклама приглашала детей на отборочный тур, после которого талантливых и умных привезут на церемонию открытия чуда света, а лучшим детям исполнят сокровенные мечты.

— Невероятно! Если выиграю, то прилечу на самом могучем птеродактиле и... и... попрошу бесплатного горячего шоколада!

— Я дома! Через час проверю уроки, которые успел сделать, — врезался в мечты раздражённый материнский голос. — И почему музыку включил без разрешения? Приказываю: «Выключи музыку». Никаких походов в кафе на следующий день рождения!

От услышанных слов опустили руки, прутик выпал из ладони.

— Выключу музыку.

Волек заново отыскал рекламный экран: мужчина в рептильном шарфе дарит мешки со сладостями детям в приюте — те прыгают от счастья.

«Тот самый дядя. Он подарил идею личного художника для кокриков».

На кухне загремела посуда.

«Осталось где-то двадцать секунд на отключение музыки, после чего мама ворвётся в комнату, отберёт смарт и выкрутит правое ухо. Приступить к плану „Тишина“».

Смарт замолк. Комната опустела и будто бы поникла. Необъяснимое сжимающее чувство растеклось в груди Волека. Усевшись за стол, он попытался избавиться от него чтением природоведения, но застрял на первом же абзаце. Одно предложение. Семь слов. Из-за слёз в глазах Волек не мог разобрать ничего из написанного. И слёзы не из-за того, что одноклассникам Юманита помогала читать и решать задачи, и не из-за того, что мальчиков возят на специальные кружки по робототехнике, и даже не из-за счастья детей из приюта от кучи подарков. Волек расстроился от бессилия, от недостижимости даже участия в отборе детей на праздник открытия чуда света.

«Зато можно нарисовать кокрика и показать его маме».

Утёрся рукавом.

«Если постараться с рисунком, то она похвалит и не вспомнит про уроки».

Отложив природоведение со взмокшими листами, вытащил из специальной творческой папки кусочек листа в клетку и фломастеры. На пол упало несколько колпачков. Не обращая внимания, Волек по памяти изобразил зверька, смотрящего из вентиляционной шахты.

Фломастеры подсохли. Вместо ровных цветных линий за лист цеплялись прерывающиеся кривые чёрточки. Скрипящий звук резал уши изнутри. Появившийся на клетках размазанный серый образ замер на чёрном квадрате.

В комнате потемнело. За окном будто повесили жадную штору, впитывающую лучи.

Мальчик почувствовал тот же холодный ветерок, что и на чердаке приюта.

«Ведьма пришла отобрать мой шарф!»

От подоконника к полу спустилась тёмная дёргающаяся линия. Две белых точки замерли, как только Волек сумел разглядеть их. Растекающаяся линия съела пруттик, выпустив небольшой клубок дыма.

— Мама, мама! Здесь тень! Она пришла растворить! Не вру! Тень смотрит! У неё глаза!

Распахнулась дверь, и линия света вернула комнате утренний облик.

— Где тень? Покажи её!

— Она... вот... была... но исчезла.

— Как мне надоело это слушать второй день! Почему нервируешь мать? Ты ещё не садился за уроки? Опять переводишь бумагу на уродливые каракули? Бессовестный бездельник! Я тебе покажу, как переводить семейные деньги!

Схватив за правое ухо, Олеся толкнула сына к столу.

— Твоя мать работает на двух работах, не знает отдыха, чтобы тебе было что покушать и тёплое место, где поспать. А от тебя ничего не требуется, кроме как учиться! Как ещё с тобой говорить? Как ещё на тебя воздействовать? Чего пищишь? Я семь лет не ходила на танцы, семь лет слышу насмешки от бывших подруг из-за фигуры после родов. Больно? Не притворяйся! Вот сейчас будет больно!

Волек успел выставить руку перед тем, как голова врезалась в столешницу. Но даже удар о стол через ладонь вызвал гул и помутнение сознания.

— Передумал пиццать? Смотрите, ляля пустила слёзы. Пока не сделаешь все задания, из комнаты не выйдешь! Понял меня? Я ведь опять буду виновата в твоих несделанных уроках, за бардак в комнате, за шум из квартиры! Думаешь, мне хочется общаться с учителями и надоедливymi службами? Я хочу спокойствия дома. Я хочу порядка и личного пространства!

Почему я клюнула на обещание правительства о лучшем жилье? Уже не будет ничего лучше. Что затих? Прошла рука? Разогнись, не пугай мать. Понял меня?

Поглаживая ушибленную ладонь, Волек хотел унять боль, но тяжёлый груз раскалённых мыслей продолжал давить. Дыхание перехватывало, и мальчик не мог выдавить хоть какой-то ответ.

— Понял или нет, спрашиваю! Или показалось мало?

— По-по... ял... ал... хп... ллл.

— Что у тебя в углу? Гора одежды? Почему не прибрался? Ох, доводишь. Ох, не могу. Кто там крадётся в моём доме? Лыско, ты пришёл?

— Я только хлебушек взять.

— А дай-ка посмотрю, в ботинках или нет тащишься к холодильнику, — Олеся вышла из комнаты, хлопнув дверью, и тут же раздались новые ругательства: — Грязный алкоголик, как полы мыть, так не мужское дело, а как срач устраивать, так в первых рядах. Ох, сейчас тебе шваброй прилетит!

Дважды хлопнула входная дверь.

Донеслись крики от соседей, требующих прекратить балаган. Застучали по батареям. Поднялась ещё одна разборка с обзывательствами и угрозами.

Под окном лежала небольшая горка пепла. Волек аккуратно поворошил левой ногой то, что осталось от прутика. Грязь размазалась.

«Тень была. И тень исчезла».

На улице вновь заработали экраны, разгоняя утренний сумрак. Громкие новости обещали исполнение сокровенной мечты.

Волек закрыл глаза и представил: официальная музыка, люди в пижамах сидят на диванчиках и обнимают мягкие игрушки в виде динозавриков, на стенах завораживающие фотографии из разных краёв планеты, а вокруг сладкие запахи. Много вкусных запахов!

— Здравствуйте, молодой человек. Это кафе «Де Миранд». О чём мечтаете?

— Хочу большую кружку горячего шоколада!

— Вам на одного или для друга тоже сделаете заказ?

Кто-то ещё продолжал стучать по батарее, выказывая недовольство.

На экране вместо улыбающихся детей появились облезлые кокрики, закрутились пугающие красные слова.

Мальчик вспомнил, что давно не посещал свои штабы.

— И для Кирпичика самый вкусный корм.

Покопавшись в грудe вещей, извлёк ботинки, кофту и куртку. Без шапки. На пол выпали яблоко и чип-паспорт.

«Никто не пришёл забрать сокровище, теперь оно по-настоящему моё».

Нитку намотал на пуговицу, а белую этикетку сорвал и положил в нагрудный карман, чтобы не потерять драгоценность. Из-под кровати вытащил мешочек с кормом для домашних животных, отсыпал немного в нагрудный карман. Когда вновь прятал мешочек, нашлись зановенная шапка и бутылка из-под сока. Под кроватью, у плинтуса, лежало неподвижное тёмное пятно. Мальчик шарахнулся, но вспомнил о старой зимней куртке, ничуть не случайно упавшей туда. На шатающихся ногах Волек добрался до кухни, набрал воды и вернулся обратно, плотно закрыв дверь.

Он аккуратно подвинул к окну стул и распахнул настежь створку. Холодный поток ворвался в помещение.

С первого этажа расстояние до земли небольшое. Наметённый снег смягчил падение. Прохожие не обратили внимания на выпрыгивающего из окна мальчишку, продолжая идти по своим делам, буднично слушать музыку, копаться в смартфонах или разглядывать настенные

экраны. А выставленная на столбе камера как раз в этот момент повернулась в сторону кучи мусора, вываленной в сугроб, и сигналила о нарушении порядка.

Погрузив до сих пор болевшую руку в белую пучину, Волек ощутил игривый морозец. Тяжесть спала. Подмороженной рукой немного растёр горящее правое ухо. Снежинки таяли, капельками падали за шиворот и щекочуще стекали по шее.

На всех рекламных экранах улицы появился мужчина в чёрном пальто. Размазанное лицо грозно уставилось на мальчика.

«Он. Вы-шел. На. О-хо-ту».

Волек громко задышал, но смог собраться с духом, так как Кирпичик где-то там давно был один. Стараясь никому не попадаться на глаза, Волек поспешил к главному штабу.

«Приступить к операции „Кирпичик“. Полный ход».

Лёгкость в ногах подпитывала желание бежать. С того самого вечера мальчик не появлялся на улице и, соскучившись, был рад вернуться на излюбленные тропинки.

Заглядывая в переулки, Волек опасался, что там его караулит предводитель динозавров или чердачные глаза. Подозрения усиливали разбитые фонари и заброшенные гаражи. В белом снегу прятаться сложнее. Волек знал: по улочкам хоть и летали гвардейские дроны, но в случае опасности они не помогут.

У края дома из-под земли выставил бетонные зубы захороненный монстр — подземный червячный переход.

Натянув шапку на глаза, чтобы не распознали камеры, Волек миновал два больших шоссе через переход. Выйдя на поверхность, ощутил на щеках тёплый свет, исходящий от громадной постройки. Вокруг чуда света роем летали дроны: грузовые, строительные, охранные, гвардейские, а может, даже и секретные. Мощные лучи отражались от заграждений и далеко пронизывали улицы района, избавляя от падающей тени, которую создавала огороженная постройка. Дроны с такого расстояния были лишь точками, и по цвету каждой Волек определял их принадлежность к виду деятельности.

«И на птеродактиле буду таким же маленьким. Вот если бы Юманита дала мне идею: попасть на чудо света! Увидел бы весь город, каньон с аэропортом и Малопогост на той стороне! А затем нарисовал бы целую книгу со своей историей и подарил бы каждому жителю Ягельска цифровую копию!»

На тропинке между домами тёплое свечение исчезло. Тёмные окна отражали лишь холодный свет. Впереди несколько роботов-курьеров на гусеницах не могли поделить дорогу, разъезжаясь и сталкиваясь то между собой, то со скамейкой, то с урной. За курьерами веселились дети: Момана, Лёня, Баст и несколько девочек.

Волек в голове придумал, как обойти все препятствия, но впереди на тропинку ступил мужчина в тёмной одежде, с большим чемоданом в руке. И очень злым выражением лица.

«Мужчина-охотник! Похититель! Он хочет меня заточить в чемодан!»

Развернувшись, Волек побежал к хребтам спокойствия, где можно легко затеряться и запутать негодая.

Шестипропеллерный дрон чистил лавки, когда мальчик пронёсся мимо. Сенсоры восприняли манёвр как атаку и включили сирену. Пришлось, не сбавляя хода, Волеку мчаться в соседний двор и ждать, когда наступит тишина.

Мужчина с чемоданом его не преследовал, дрон отключил сирену. Путь освободился.

Немного не дойдя до штаба, мальчик соблазнился новыми качелями с подогревом. Красочные сиденья и мягкие поручни манили опробовать их и получить новые эмоции.

«Кирпичик, ты же подождёшь две минуточки?»

Пообещав себе только десять раскачиваний, Волек залез на удобное сиденье, но, не успев выполнить и половины обещанного, увидел знакомых мальчишек, идущих от хребтов спокойствия как раз к этим новеньким качелям.

— Ребята, это же наш прогульщик! Лови его, набьём в его шапку снега, натянем на голову или заставим съесть!

Испугавшись издевательств, Волек соскочил, поскользнулся, вновь ушиб голову и на чутье рванул к нужному штабу.

Топот наполнял уши. С соседних домов будто пикировали птеродактили-охотники, а из сугробов выпрыгивали зубастые голодные аллозавры. И каждый хотел отщипнуть себе кусочек мальчика, наказать за непослушание, проучить за безрассудность.

Из-за пелены перед глазами выплыл мини-маркет с вывеской-бутылкой. Волек прыгнул в наметённый сугроб, вцепился в привинченную на один шуруп доску. Отработанным движением пролез в узкий проход и со всей силы дёрнул за свисавшую верёвку. Доска с хлопком встала на место.

С улицы донеслись крики:

— Он залез внутрь! Ему не убежать! Слышишь меня, сказочник? Лучше бы ты не убегал, теперь шапкой не отделаешься!

В панике мальчик искал под рукой хоть что-нибудь, способное заблокировать ход. Коробка, бутылка, фантик, стойка, опрокинутый барный стул. За ножку последнего он обмотал верёвку и вклинил ту в проём.

Первые несколько ударов сдвинули вход. Но верёвка натянулась, и сиденье плотно врезалось в заколоченные доски. Теперь придётся выдрать половину двери, чтобы попасть внутрь.

Вздыбившийся кот большими чёрными глазами смотрел на переполох.

— Ты в порядке, мой рыженький. Не бойся. Сейчас покормлю тебя.

На улице мальчики пытались овладеть крепостью-маркетом и штурмовали вход. Устав, переключились на окна. Но сегодня испытать чувство победы им было не суждено: большую половину ставней закрывали волокнистые плиты.

— Прогульщик! Мы расскажем гвардейцам, как ты копаешься в заброшке! Баст, сторожи выход. А мы с Моманой доложим.

— Я боюсь тут один оставаться. А если меня похитят? Оставляешь меня тут, потому что завидуешь, что я красивее тебя! Да?

Волек уже не обращал внимания не споры, а наблюдал за похудевшим Кирпичиком, лакающим воду. В соседнюю мисочку высыпал из нагрудного кармана корм, и кот тут же занялся им.

«Мама точно узнает о штабе, о прогулах и из-за кого происходит ежемесячная подписка на корм для домашних животных. Если бы признался, а так...»

— Не бойся, Кирпичик, тебя не брошу. Давай пристроим какой-нибудь семье? Тебя будут гладить, мыть, вычёсывать. Нет, не хочешь?

Кот ел, чуть мотая хвостом-обрубком.

— Эх, надо возвращаться домой, Кирпичик. Но и хочется остаться с тобой. Ой, слышишь? На улице подозрительные звуки. Или это внутри маркета? Страшно. Нет, не внутри — это Баст чем-то трещит у окон. А если придут гвардейцы? Ты сможешь упрыгать через лаз под потолком... На экранах предупреждали — где-то охотится похититель. А если он рядом?

Волек прислушался. Треск прекратился. На улице засвистел ветер.

«Наверное, Баст убежал, но мог и притаиться».

— Кирпичик, а ты видел когда-нибудь чердачную тень? Она страшнее похитителя: едва различима, пролезет в щёлочку, превратит в пепел. Как увидишь её, убегай, договорились?

Погладив кота, мальчик подошёл к заколоченным окнам. В их верхней трети оставалось достаточно места для обзора. Взобравшись на стул, аккуратно выглянул в мир по ту сторону маркета. На улице продолжался день. Дроны готовили город к празднику, обматывая фонарные столбы гирляндами, накидывая на серые деревья цветные блестящие нити.

— Могут и не встретить праздник. У похищенных и мёртвых праздников не бывает.

Внезапная мысль обожгла изнутри. Вспомнилось белое лицо девочки в фольге, грустные глаза девушки с экранов, которую хотят осудить, и яркий облик Алины из приюта.

«Исчезают все-все праздники у казнённых. А что происходит с их котами? Ох, в маркет залезать запрещено. И когда придут гвардейцы, меня арестуют и посадят с девушкой-преступницей!»

Откровение так сильно взволновало, что он уже не мог находиться на одном месте и спрыгнул на пол, вздыбив пыль.

— Папа читал про страну, где всегда тепло, где вокруг много еды и пустых домов. Можно выбрать любой дом и жить столько, сколько хочешь. Надо ехать на вокзал и покупать нам билеты, Кирпичик. Отправимся в путешествие. Только с собой возьмём одного кокрика, а то не смогу нарисовать книгу и выполнить идею от дяди с шарфом. Ух, стул крепко застрял... и как отсюда выбраться?

Ещё раз изучив территорию маркета, Волек отыскал новый путь: небольшой подвал, вход в который завален пыльными коробками. Испачкавшийся мальчик через пару минут с триумфом раскрыл створки и встретил неизведанный полумрак, готовый заразить тревожностью.

— Кирпичик, води себя хорошо. Скоро тебя навещу. Уже с билетами!

Взгляд прошёл по грязным ступеням вниз и добрался до зловещего коридора. Живот сжался в комок, по телу выступил холодный пот.

«В подвалах не живут динозавры. И ведьма не знает об этом ходе. А если предводитель динозавров до сих пор следит? Не сбежать. Но надо идти. Ради Кирпичика».

В подземной части пахло сыростью. Горело аварийное освещение рядом с трубами отопления и многогодичной паутиной. Все тени спали. Белые точки на стенах не мигали.

«Всего лишь краска».

В конце коридорчика встретилась новая створка, затворявшаяся на два шпингалета. Мальчик легко с ними справился, сдвинул тяжёлую панель и выбрался наружу под длинный навес.

Никто не поджидал. Хотя свежие детские следы виднелись на тонком слое снега.

С наружной стороны двери висел фальш-замок на неприбитой петле, которая всех одурачивала. Навалившись всем телом, Волек загнал створку в паз. Отходя, рукой припорошил свои отпечатки подошв, чтобы никто не догадался проверить вход в подвал.

Не желая быть узанным, Волек вывернул шапку наизнанку и в таком виде добрался до остановки.

— Подскажите, как доехать до станции? — спросил у ближайшего ожидающего.

— До станции Моховая? Тебе на вокзал, мальчик? Ты потерялся?

— Надо купить билеты до места, где тепло. Пожалуйста, дядя.

— Я понял, это проверка, — мужчина отступил на шаг. — За углом стоят гвардейцы и ждут, когда я клюну на наживку. Придумайте нормальную историю. Таких идей для жизни Юманита не раздаёт.

— Тётя, подскажите, как доехать до станции, где продают билеты до места, где живут в тепле счастливые люди?

— Таких мест нет, мальчик. Перестань безобразничать!

— Дедушка, на каком рейсе доеду до станции Моховая?

— Садись на тысячу семьсот тридцать три, милоч.

— Спасибо, дедушка!

На остановке зажглась реклама «Де Миранд» с номерами автобусов, следующих до кафе.

Поддавшись влиянию рекламы, мальчик заскочил на подножку такого рейса, но через пару секунд слез, не выдержав тяжести рассуждений.

Подъехал следующий автобус, к которому поспешила большая группа людей. Разглядев «1723», мальчик вклинился в очередь на посадку. На входе валидатор принял чип-паспорт и списал оплату. Волек сел на свободное место, не веря своему счастью.

Транспорт мягко поплыл по улицам.

Через несколько поворотов Волек увидел армию бронированных гвардейцев, налетевшую на людей с лазерными указками и буквой «ш» на одежде, кричащих о немедленном допуске журналистов к заводу по реактивации. Люди в автобусе спокойно восприняли увиденное: кто-то громко пошутил, многие посмеялись. Потеряв из виду столкновение, пассажиры вернулись к будничному состоянию.

Вопреки ожиданиям мальчика, свет от громадной постройки не становился тусклее и сооружение не уменьшалось. Он знал, что вокзал находится на юге, но многоярусные экраны, двухэтажные пешеходные дорожки, блестящие одноместные электромобили, красиво одетые люди с личными курьерами намекали на движение по Центральному району. Сомнения развеялись окончательно, когда в окне засветилась единственная в городе магистраль, проходящая через громадные торговые центры.

«Сел. В автобус. Не с тем. Номером!»

В глазах потемнело. Для вдоха не хватало воздуха.

Транспорт резко затормозил. Открылись двери, запустив зимний ветерок. Мальчик облегчённо задышал.

В салон вошли два крупных гвардейца.

— Без паники, граждане. Проверка безопасности. Действуем по особому распоряжению Юманиты. Ягельск — это не Северное Королевство, здесь мы уважаем права граждан.

Мужчины грозно осмотрели салон. Волек отвернулся и вжался в спинку сиденья.

— Сокол Один, ты его приметил?

— Нет. Неужели успел сойти?

— Исключено, Сокол Один.

Волек ощутил на плече чужую руку. Дыхание перехватило вновь.

— Мальчик, ответь на вопрос.

Мелкий склизкий пот оросил спину Волека.

— Мальчик, а ты видел здесь журналиста, дядю Макарова? Худощавый мужчина, на пальто крупная нашивка... Тонкие губы, бледнящий как смерть, хитроватый взгляд, проколото ухо.

Язык прирос к нёбу. Волек замотал головой.

— Не дрейф, малец, солдат ребёнка не обидит. Зачётная шапка!

— Сокол Два, другие тоже не видели. На камере у водителя пусто. Мистика какая-то.

Гвардейцы вышли. Автобус тронулся. Волек гладил в кармане чип-паспорт, начиная догадываться, кто был его настоящим хозяином.

Выждав несколько остановок, мальчик с вывернутой наизнанку шапкой выскочил на улицу и тут же попал под вышагивающую группу людей, разговаривающих на незнакомом языке. От них пахло чужеродными запахами, к которым Волек не смог подобрать ассоциацию. Чтобы не попасть под ноги быстро идущим, он приблизился к высотному дому, облепленному подвижными стеклянными плитками, из которых собирались разнообразные узоры.

Волек вспомнил о необходимости отыскать для поездки кокрика, от которого потребуются сыграть главную роль в будущей истории с картинками. И если на центральной пешеходной дорожке шансов найти мехового спутника маловато, то для их увеличения Волек решил зайти в менее людные места.

В широком переулке качались фонари с выкрашенными плафонами, из окон на вычищенную плитку лились цветные образы в форме зайчиков, лисят, звёздочек и снеговиков.

В дворике, украшенном растянутыми между домами гирляндами из флажков, трудились дети, расчищая лопатками дорогу и тропинки. Несколько воспитателей хором пели новогодние песни.

Среди трудящихся раздавала команды девочка Алина, обмотанная шарфом, вытащенным из лап чердачной тени. Рыжая шапка с чёрными ушками никуда не делась.

Волек постеснялся подойти и, замерев у скамейки, ожидал, когда его заметят.

— Ты-то мне и нужен! — девочка обернулась и подскочила к нему. — Куда этикетку прошляпил? Бери мою лопату. Видишь камень у скамьи? Тащи его к тоо-о-о-й маленькой ёлке. Ты же читал про суперзлодея Огарина? Тот ночью выдёргивает деревья и проглатывает их вместе с корнями, чтобы отрастить длинную хвойную бороду. Камень-оберег отпугнёт его от миленькой ёлочки.

Камешек оказался с кулак, поэтому Волек с лёгкостью справился с заданием.

— Молодец! Виршу будет доволен! А ты слышал, как злодейка Настька гоняла свою тень по городу? Нет? — Алина хохотнула и поправила ушастую шапку. — Так и жизнь пропустишь мимо. А ещё она пугала кокриков, чтобы те прыгали в лапы дядям с сетками.

— Мне как раз нужен один кокрик! Пусть она ко мне хотя бы слабенького напустит. И мы отправимся в тёплую страну.

— Глупый! Их добром выманивать надо! Надо во-о-о-т тот камень перенести к общипанной ёлке. Эй, вычистите нам ход, нужно спасти дерево от злой тёти!

Дети рассмеялись, а одна из воспитательниц нахмурилась, заметив постороннего мальчишку. Волек внутренне сжался, ожидая чего-то очень-очень плохого, но воспитательница как-то непонятно улыбнулась и продолжила петь.

— Придётся тебе, дружок, не помню имени, совершить героический заход лопаткой и расчистить путь к ёлке. Где-то внизу под сугробом плитка, не бойся наступать.

«Это не сугроб, а целый снежный шкаф! Никогда не справлюсь. Дети начнут смеяться и тыкать пальцем. Не хочу сегодня больше плакать!»

— Надо искать кокрика, а то меня ждёт друг Кирпичик. Вот лопатка. Мой папа тоже иногда забывает моё имя. Наверное, оно трудно-за-по-ми-на-е-мое. Ничего, свыкся. Зато помню твоё. Алинка-пружинка!

— Вздумал дразнить меня? И отказываться от полезного дела? Тогда я одна пойду искать магические варежки. Виршу ими за одну минуту десятков кокриков к себе подзывает. Я тоже знаю секретные слова! Призову кокриков, сколько ты в жизни не видел, выберешь лучшего, и отправитесь в своё путешествие. Но тебе же важнее меня обозвать. Бросай лопатку и уходи! Теперь ты для меня не самый важный друг! А просто маленький друг!

«Как же плохо поступил! Надо извиниться. Но как перед девочками извиняются?»

— Алина, не хочу, чтобы ты обижалась. Давай нарисую тебя в своей книге?

— А может, ты некрасиво рисуешь? Не хочу быть страшнучкой. Настька, например, симпатичная, хоть и злая.

— Не обижайся. Будешь лучше, чем в жизни!

На взрослый негромкий смех парочка не обратила внимания.

— Если пойдёшь со мной на зачарованный пятнадцатый этаж, то тогда перестанешь быть маленьким другом. А если pomoжешь отыскать варежки Виршу, то перестану обижаться!

— Согласен!

— Ишь, как быстро передумал! Но что-то я замёрзла. Жди здесь.

Отобрав лопатку, закинув камешек под общипанную ёлку, Алина побежала к той самой хмурившейся воспитательнице и едва не ткнула её черенком. Услышав ответ, девочка выразила недовольство, помахала руками, потопала ногами. Воспитательница ответила спокойным голосом и ушла. Алина осталась на месте, притопывая ножкой. Через несколько минут во дворик принесли несколько подносов с дымящимися кружками.

— Внимание, дети! Полдник! Строимся в две очереди.

Растолкав всех, Алина первой ухватила две кружки и побежала к Волеку.

— Горячо! Бери быстрее!

Зачерпнув горсть снега, мальчик приготовился. Алина с громким выдохом воткнула в снежные ладони кружку с напитком, а свою чашку, ойкнув, выронила в сугроб.

— Расплескалось и снегом засыпало, но ничего, так вкуснее.

Волек с небольшой грустью тоже отлил ароматного насыщенного чая и насыпал снега в кружку.

— Мы же одна команда, Алина.

— Да, самая лучшая команда! Которая не бросает друг друга.

Наслаждаясь напитком, Волек слушал рассказ про Настьку, которая оказалась очень непростой девушкой.

— Она космическая путешественница. Ищет очень могущественный артефакт! Единственный во всей Вселенной!

Они вернули кружки на подносы. Поводя покрасневшим носом, осматриваясь, девочка схватила за руку Волека и поволокла того вокруг здания со стеклянными плитками.

— Оно необъятное! Пятнадцатый этаж большой, а варежки маленькие, — переполошился Волек.

— На пятнадцатом есть подсказка, маленький друг.

«Мы потеряемся до самого лета. Когда приду домой, то попадёт от мамы».

— Подсказка приведёт к артефакту! Я стану высокой, изящной, быстрой!

«Алина ниже меня на толщину природоведения. Только подумал или вслух сказал?»

— Смогу читать мысли и дружить с Виршу!

«Алина очень крутая. Мы найдём варежки, и она призовет лучшего кокрика для поездки в новый мир!»

У металлической двери вертелась камера наблюдения. Скривив рожу и погавкав, Алина обезвредила замок.

— Как это?

— Бежим, пока опять не заблокировалась!

Первый этаж заполняли люди в костюмах и с умными очками. Все разговаривали, спешили, копались в смартфонах и вообще не обращали внимания на двух детей.

— Смотри, Алина, магазин игрушек по «Мёртвому Титану»! А ещё сувениры по Лунному Лисёнку! А дальше кафе с пирожками в форме динозавриков!

— Мы пришли за варежками. Это очень важно.

Сжимая в кармане чип-паспорт, Волек едва сдерживался: хотелось побежать навстречу диковинным вещам, о которых затем можно вспоминать всю оставшуюся жизнь.

«Для меня в будущем двери закрыты — не смогу погавкать, как Алина. Но и устоять перед соблазном не могу».

— Алина, закрой мне глаза и веди в нужную сторону.

— Закрою самым лучшим методом: шарфом Виршу! Он спасёт тебя.

Тугая повязка обвила голову. Волек открыл глаза и увидел темноту с редкими проблесками, а в своей чуть опухшей правой руке почувствовал мягкую холодную ладонь. Ощущались вибрации от шагов идущих рядом людей, прыгающих игрушек на витрине «Титана», раскрывающихся и закрывающихся дверей. Сладкие запахи булочной отчётливее защекотали в носу, их перебивали резкие тона моющего средства. И вокруг сотни источников звука шумели наперебой.

Волек ощутил крепкий хват, и они побежали к чему-то массивному, скользящему. Запах выпечки остался позади. Ноги мальчика расслабились, походка стала неуверенной.

— Не бойся, глупенький, я буду твоими глазами!

Прерывистый смех Алины приободрил Волека.

— Виршу поднял меч и точно так же сказал Настьке: «Если доверишься мне, я буду твоими глазами!» Хорошо спародировала мудрый голос? Эй, если не будешь отвечать, то заведу к Огарину, и тот тебя съест!

В ушах мальчика продолжал звучать смех — искренний, честный смех, которого Волек не слышал очень давно.

— А какой голос у меченосца? Думал, будто Виршу — это супергерой, а Настька — суперзлодейка. И они сражаются между собой.

— Ты всё напутал! На раз-два-три прыгаем, а потом расскажу правильную историю Настьки!

Пластмассово-металлический звук нарастал вместе с необъяснимым внутренним волнением перед неизвестностью. Инстинктивно прижимая к себе руки, мальчик попытался защититься, но Алина храбро вела к чему-то большому, массивному и рассерженному.

— Раз! Приготовься прыгать. Два! И три!

Оторвавшись от земли, Волек чуть не потерял ботинки, но успел сгруппироваться и приземлиться на нечто мягкое и гулкое. Рядом негромко топнули ботиночки Алины. В новом месте исчезли запахи, гул и стук каблуков.

— Представь далёкую-далёкую планету, которую заселили люди-странники. И среди них жили Настька со своим возлюбленным. Они родились на этой далёкой планете.

Ветерок скользнул по лицу мальчика.

— В один прекрасный день двойное солнце скрылось за облаками, и возлюбленный показал Настьке дорогу к загадочному водопаду с серебряной водой. «Водичка для удовольствий, для редких зверей?» — спросила Настька. «Нет! — ответил возлюбленный. — Вода позволяет забыть о неудачах на один день. Но! только если кинуть в фонтан прядь волос...»

Ощущение безграничных просторов и нераскрытых тайн кружило голову. Волек балансировал на ногах, воображая серебряный водопад.

— И был ещё один эффект, тайна — если долго пить из этого источника, то разучишься прощать людей. Но про эту тайну не знал даже сам возлюбленный. Он лишь попросил Настьку никогда не рассказывать о водопаде! Иначе — боль!

Расправив руки, Волек пытался дотянуться до каких-то границ окружающего, но лишь неловко дотронулся до куртки Алины. Та снова засмеялась, но быстро продолжила серьёзным голосом:

— Но однажды девушка раскрыла другому красивому мальчику секретный путь в обмен на звёздную карту неба. Ей хотелось путешествовать к необычным землям, открывать новые волшебные места! Новые миры интереснее скучного однообразного дома.

Волек представил самолёты, улетающие в небо, в космос, к ещё неизвестным динозаврам, живущим на далёких планетах.

— Настька задирала нос! Она фыркала на близких. Главная цель — только жажда новых эмоций, только неизведанное волшебство. Она хотела путешествий, но от неё все отвернулись. Не осталось друзей — её отругали за непоседливость.

— Дети, вы одни?

— У нас занято, идите к другому. Не мешайте. И у меня уже палец затёк кнопку держать. В голове история рассказывалась быстрее. И представляешь, маленький друг, возлюбленный сильно обиделся и прогнал Настьку. Она облилась слезами, но не смогла добиться прощения. Мечты о счастье разлетелись пыльным облачком. Ей захотелось во что бы то ни стало обратно подружиться с возлюбленным.

Пластмассово-металлические ролики покатались. Голос девочки зазвучал с эхом.

— И Настька, держа в руках карту неба, села на свой небольшой космический корабль! Лёгкий толчок, и Волек ощутил движение вверх.

— И отправилась Настька искать артефакт прощения, о котором читала в древних книгах. И нёс её корабль от одной планеты к другой. Она уворачивалась от астероидов, мчалась от космических пиратов, ускорялась к водным мирам и прятала глаза от огненных! Настька посылала сообщения возлюбленному, но тот не отвечал. Он не мог её простить. А она поняла, что не может жить без него. Надежда отыскать артефакт прощения почти исчезла. Но тут...

— Дзинь-дзинь. Пятнадцатый этаж.

— Я успела рассказать! Похвали меня за интересную историю!

— Ты молодец.

И вновь покатались ролики, и ворвался свежий воздух.

— Но тут Настька уловила сигналы с нашей планеты. Она представилась и спросила про артефакт. И свершилось чудо! Ей пообещали отдать магический предмет в качестве награды, если она поможет одолеть хитроумного Вирушу. И приземлилась она на Землю, на которой никогда-никогда не была, но на которую очень-очень захотела попасть из-за артефакта. Прыгай за мной!

Будто игрушечная ладошка потянула мальчика навстречу свежему ветру. Волек прыгнул, уже ничего не боясь.

Стук детских ботинок разнёсся по всему этажу. Смеющаяся Алина сорвала с мальчика повязку и закружилась вокруг себя. Раскрутив шарфик с фиолетовыми точками, подкинула его вверх, а затем ловко поймала.

Наблюдая за танцем светловолосой девочки, Волек завертел головой. Шапка скатилась на нос. Искренний девичий смех без проблем пробился через ткань. За ним пришёл звонкий голос:

— Снимаем шапки и идём в первую комнату с испытаниями!

Уже ничего не понимая, мальчик подчинился — стянул головной убор и побежал вслед за девочкой. Лёгкий незнакомый аромат, наверное, цветов, разлетевшийся от её длинных кос, пробудил в воображении Волека момент первых шагов Настьки-путешественницы по весеннему цветущему полю, которого она могла никогда не видеть на своей далёкой-далёкой планете.

«Здесь светло. Ведьма или предводитель динозавров не спрячутся. Хорошо бегать в безопасности. Большая цветная табличка!»

— Иг-ро-ва-я зо-на.

— Такой большой, а читаешь по слогам. Я в тебе разочарована! Но не бойся, со мной мы справимся с заданиями. В первой комнате надо угадать мечты! Побежали, это очень интересно!

— А как же варежки?

— Когда пройдем две комнаты с испытаниями, то спасём варежки от злой Настьки.

Обдумывая услышанную историю, Волек не мог понять, когда Настька превратилась из доброй в злую.

«Или она всегда была злой? И не происходило никакого превращения. Сейчас начнётся испытание. Ещё не готов. Если проиграю, то никогда не найдем варежки! Алина очень-очень расстроится».

Огоньки, картинки, рисунки запестрели в глазах. Прищурившись, привыкнув к свету, Волек заметил у стеллажей с игрушками обтянутые плёнкой фигуры волков ростом с человека. Острые зубы нагоняли жуть. В центре игровой комнаты величаво растянулся сухой бассейн с шариками. Алина, справляясь с неудобством от куртки, с разбега неуклюже прыгнула в цветное озеро и исчезла в глубине. На поверхности возникли ноги, а после руки и голова. Девочка хихикнула и пригласила мальчика окунуться в омут детского веселья. Но Волек наотрез отказался:

— Большое веселье — дурной знак!

«Если сейчас очень сильно навеселюсь, то меня отыщет крупная неудача и сделает плохо. Пусть Алина веселится. Лучше посижу за столиком с какими-то блестящими квадратами».

Цифровые фотографии детей с родителями сменялись друг за другом в стеклянных рамках. Мальчики и девочки обнимали мам и пап, гуляли по городу, купались в бассейнах и на озере, ездили по снегу на лыжах и прыгали на лестнице около большого здания. На столиках аккуратными стопками лежала бумага. Волек аккуратно погладил верхний листок, боясь его испачкать грязными руками и рукавом куртки.

Он ощутил на своём плече ладошку, а затем услышал звонкий голос:

— Попался, негодник!

— Больше не буду! — покрывшись мурашками, он обернулся к подбежавшей Алине.

— А больше и не надо! — девочка засмеялась во весь голос, смущая Волека, подкинула цветной шарик, а затем ловко его поймала.

«Это не мама, не Лёня с Бастом и не серый дядя с чемоданом! Зачем она испугала? Если эта комната для детей, то почему здесь никого, кроме нас? Может, сюда нельзя? Маме пожалуются, и меня накажут».

Алина по-хозяйски зашагала по помещению, играя с шариком, рассуждая вслух:

— В этой комнате взрослые объясняют детям, как плохо быть без идеи для жизни. Без идеи не будет игрушек, дома и семьи. Смотри, какие радостные лица на фотографиях!

— С ними нет котов. Они не могут быть радостными по-настоящему.

— Потому что они отдали котов волкам! Мне в приюте объясняли: нужно сохранять только здоровых детёнышей. Чем меньше больных животных, тем больше достанется еды и лекарств здоровым и активным.

— Когда найдём варежки, позови больного кокрика. Ему не хочется умирать. И смогу позаботиться, когда поедем в лучший мир.

— А не позову больного. Тебе Юманита дала идею для жизни?

— Нет, но зато...

— Вот и не спорь со мной! Ты слышал, как Настька пыталась спорить и бурчать? Она пришла к Виршу и требовала карту, где лежит артефакт прощения, но защитник ей ничего не дал. И правильно! Идею для жизни надо заслужить!

«Настька умная и хитрая, она сможет заслужить. А мне лучше без идеи. У Кирпичика её нет, но рыжий друг не боится этого».

В прекрасном расположении духа Алина плюхнулась рядом на свободное место. Сделав из шарфика гнездо, поместила в него головные уборы. Рыжая шапка заботливо обняла маленькую обтрёпанную.

— Чтобы не потерять. И сейчас начнётся испытание! Возьми нам два листка, а я достану фломастеры. На выходе из комнаты поставили волшебный ящик, в который надо кинуть свой рисунок. Тогда откроется дверь к следующему испытанию. Не хлюпай носом! Ещё заслужишь свою идею.

— Не про это... Жалко портить листики. Мама запрещает рисовать на чистых, можно только на использованных или тех, что в клеточку, — листы дрожали в руках Волека.

— А я разрешаю! Но не спеши черкать фломастером, ящик примет лишь особенные рисунки.

— А если умеешь делать только некрасивые? — растерялся мальчик.

— Глупенький, я не про красивые-некрасивые, а про о-со-бен-ные-е! И ты говорил, будто сможешь нарисовать меня красивой? Ух, маленький друг мне наврунишкал! Что ты опять погрустнел? Бери фломастер. В инструкции написано: коробочка должна отсканировать рисунок подарка для мамы или папы. Но мне придётся рисовать вне правил. А ты старайся, чтобы мы победили.

«Мама всегда недовольна моими рисунками. Наверное, так у всех родителей».

— А разочарование — это плохо?

— Когда обещают отвезти тебя в самую головокружительную библиотеку, но затем забывают и оставляют ни с чем, — вот это плохо.

— Разочаровываться больно?

— Нет, нисколько, если испытал такое тысячу раз. Не отвлекайся, думай о победе. Представь, как нам аплодирует весь город за лучшие рисунки. Теперь можешь калякать. А так как я иду за варёжками Виршу, то изображу, как супергерой наказывает суперзлодейку!

Волек задумался, чего бы мог хотеть папа.

«Чтобы папу с Гордеем не трогали в гараже. Но гараж уже стоит в берложьем царстве, и Гордей приходит в гости. Подарок папе не нарисовать. А мама хочет, чтобы получил самую богатую идею для жизни. И чтобы не расстраивал её. И чтобы не позорил перед другими родителями. И чтобы вообще никогда не рождался. Подарок маме не нарисовать. Изобразу вагончик. И в окна смотрим с Кирпичиком и найденным кокриком».

В прямоугольнике выстроились в ряд квадратики, и в трёх из них загрузили рожицы. Чёрный фломастер перескакивал границы, уходил вбок, оставлял зазубрины на прямых линиях.

— Я готова! Быстрее тебя успела нарисовать и закрасить! Кто что успел, то и получил. Время не ждёт, стоп игра.

Волек огорчённо вздохнул и замер, остановив чёрное остриё. Три путешественника будто оказались в клетке, из которой им никогда не выбраться. Ещё раз вздохнув из-за своего проигрыша, мальчик заглянул на лист Алины: по реке плыла огромная ракета, а на берегу стояли огромный мужчина и маленькая женщина.

— Настька не сможет улететь и навсегда останется без дома?

— Это если Виршу победит. А у тебя родители мечтают о путешествии на поезде с тобой, кошкой и кокриком? Или вас троих выселяют в Малопогост, чтобы наконец-то перестали бездельничать и доставать своими выходками?

Волек не смог ответить на вопрос. Он плотно закрыл все фломастеры и аккуратно убрал в ящичек.

— Обиделся на меня? Тогда не верну твою карточку, — девочка показала язык.

Тут же мальчик залез в карманы и обыскал их — чип-паспорт пропал.

— Я его нашла, когда ты в лифт прыгнул. Верну, если честно ответишь на следующий вопрос!

— Нечестное условие. Чип-паспорт... Хочу вернуть его. Это нечестно.

Алина пожалала плечами, раскрутила гнездо из шарфа, забросила свою шапку себе на макушку, а Волеку засунула во внутренний нагрудный карман.

— Ого, у тебя шарик корма там спрятан!

Без стеснения и отвращения она захрустела шариком.

— Готоф или не готоф к нефестному вопфосу?

Волек обречённо вздохнул.

— Задавай.

— Почему родители бросают своих детей?

«Потому что без них они станут счастливее. Но Алине нельзя говорить об этом».

— Чтобы дети нашли своё приключение.

— Врунишка-врунишка! Чип-паспорт врунишкам не отдают!

Схватив листы, Алина побежала к коробочке и скормила ей рисунки. В боковой ящичек упали две конфетки. Девочка тут же сунула их себе в рот.

«А как же поделиться с маленьким другом?» — подумал Волек, произнести вслух он это не мог, до сих пор сражённый только что пережитыми неудачами.

Алина уставилась на него своими какао-глазами и магическим образом смогла прочитать мысли.

— Они невкусные. Тебе бы не понравились, друг. И не забывай, я продолжаю обижаться. Только уже забыла на что, но это скучно вспоминать. И мы подбираемся ближе к заветным варешкам! Представь, как рассердится Настька, когда узнает, как её обскакала команда из двух отважных детей. Или не двух, а одного.

Последние слова Воек воспринял с трудом: в душе ещё металось острое чувство упущенного счастья.

«Но рисовал не ради конфетки. Если бы Алина попросила, отдал бы свою долю. Если бы не она, то и не рисовал бы на белом листе. Приятно рисовать на чистой бумаге».

Вновь мягкая ладонь повела мальчика к новому приключению.

«Скорее бы найти варешки, чтобы позвать кокрика. А если отыщу длинноухого зверя, то не придётся искать могущественный артефакт!»

Через коридоры с длинными красивыми экранами, показывающими танцы и подмигивающих взрослых, играющих современную музыку, команда попала в комнату, где переодевались девушки.

— Детям сюда нельзя! Кыш-кыш! У нас скоро выступление. На третьей площадке камеры уже готовы? Кто-нибудь поможет мне застегнуть этот ужасный наряд? У нас уже третье выступление, а платья всё откровеннее и откровеннее. Юманита к вечеру оставит нас в одних трусах!

Вытолкнув детей, закрыли дверь. Воек расстроился:

— Несчастье.

А девочка продолжила наслаждаться приключением:

— Большое несчастье, но тёплая дружба!

Воек засмутился и заговорил с первой родившейся мыслью:

— А для чего... это здание?

— Тут ведут стримы, снимают ролики и много-много-много чего ещё.

— Мы по-настоящему сможем увидеть стримеров?

— Да, друг, но сначала отыщем варешки. Они, наверное, за... за синей дверью!

Дверь не поддавалась. Цифровой замок мигнул красным.

— Защита от злой Настьки. Но у нас есть твоя карта. Смотри!

Чип-паспорт потушил красный огонёк и зажёл зелёный.

— Быстрее, внутрь, пока нас не заметили!

Ладонь сжалась и дёрнула ничего не ожидавшего Воека. Тот переступил через порог и упал, успев подставить свободную руку.

«Хоть бы без шишки и синяка! Если мама увидит, то не поздоровится!»

Пока Воек ощупывал голову, Алина успела потрогать книги на журнальном столике, съесть три орешка из вазы, попить воды из графина, осмотреть фотографии, на которых были и эмоциональные стримеры, и непонятные люди в красивых костюмах.

— Ты только глянь на грустную девушку! Куда ты смотришь? Её нет среди надутых мужчин, сюда подойди. Вошек на макушке ищешь? Нашёл время. Тут красота, а ты с вошками возишься. Я бы хотела стать похожей на неё, когда вырасту.

Когда Воек подошёл к девочке, то увидел в её руках планшет с фотографиями той самой приговорённой девушки: Усаши Вороновой. Она каталась на лыжах, чистила снег, высаживала цветы, загорала на пляже, пускала воздушных змеев. Счастливые лица отличались от показываемого на экранах. Мальчик вспомнил те два страшных слова, которые несли дрожь и тревогу, и опушку с деревьями из Лесного района, как на одной из фотографий.

«С папой ездили в Лесной район только один раз. Гуляли, кушали необычную еду, сброшенную с дронов. Он учил плавать, из камней строили динозавриков. Искали волшебный

камень, определяющий мечту. Если меня поймают и накажут, то воспоминания сотрутся, никто и никогда не вспомнит про динозавриков из камней».

— Её поймали и хотят по-страшному судить, — прошептал Волек.

— За что? Смотри, какая милая фотография: Усаха с бабушкой.

— А на следующей тоже с бабушкой, но с другой. И ещё с какой-то. У неё много старушек. А у меня ни одной нет.

— Глупенький, это не её бабушки. Видишь, бело-синие палаты, а за окном немного виден лес?

Волек расстроился из-за очередной глупой ситуации.

— Она работала или помогала в доме престарелых. Но там плохо: много скорби.

— Много чего?

— Необычных чувств. У взрослых людей они бывают. Папа рассказывал, будто скорбь похожа на навсегдашнее расставание с человеком, которого хочешь видеть каждый день.

— Это больно?

— Как смертная казнь, мой друг.

— Убрать планшет... Боюсь... смертной казни.

Девочка хихикнула, выключила гаджет и кинула его в горку мягкой одежды.

— Какой грязнуля тут обитает! Бардак в шкафу, бардак на столе, в ящиках. Всё перевёрнуто. А у тебя дома порядок, друг?

— Мама заставляет делать уборку. Но что-нибудь ценное прячу под кроватью — так оно не попадается на глаза.

Заглядывая под кресла, мальчик отыскал несколько глянцевых листов.

— Что нашёл? Покажи! Вау, это очень ранние фотографии недостроенного чуда света! Мы тогда ещё не родились!

Разглядывая множество огромных столбов, а затем бетонные круги и несчётное количество грузовых дронов, Волек поразился масштабу, но не смог понять, что же из себя будет представлять чудо света.

— Будто из земли растёт гребень паразауролофа.

— Пара-зара-офа?

— Древний травоядный динозавр с изогнутым гребнем на голове. С помощью него они умели громко гудеть, — изложил он деловито.

— Глупенький ты, — отмахнулась Алина, — динозавры жили очень давно. А потом они вымерли! Все! Как люди смогли узнать, гудел он или не гудел, если тогда людей ещё не существовало?

— Но ведь... слушал рассказ о них... так правдоподобно... не может быть... они вымерли?

«Энциклопедия меня обманула? Какой же глупый и доверчивый...»

— Забудь о них. Это было очень-очень-очень-очень давно. А стройка уже заканчивается. Раньше я мечтала попасть на открытие чуда света.

— Раньше?

— Три дня назад. А сейчас мечтаю отыскать варежки и открыть своё сыскное агентство!

— А мне дали первую настоящую идею — стать художником кокриков.

— Скучная идея, и рисуешь ты медленно. А где твоя шапка?

Волек оттянул ворот куртки, чтобы заглянуть в карман: пусто.

«Потерять вторую шапку за неделю! Ох, что будет, если без неё вернуться!»

— Я поняла, я поняла! Когда ты упал, то она улетела.

Девочка быстро отыскала головной убор, приютившийся у вентиляционной решётки, и ткнула им в грудь мальчику.

— Спасибо.

— Неудивительно, ведь я крайне умная и талантливая.

«Неудивительно? У неё всё так просто».

Мальчик крепко сжал находку, чтобы даже самый сильный трицератопс не смог её вырвать.

— Ещё не такое умею! Ой, чувствуешь? Оттуда-то вкусно пахнет... Вспомнила, нам нужно залезть внутрь, чтобы найти варежки! Виршу не хотел, чтобы они легко достались Настьке.

«Мы найдём варежки самого Виршу!»

Волны мурашек забегали по коже мальчика, будто скованного невидимыми цепями.

— Лезем в вентиляцию. Я ещё с приюта знаю, что они приводят к богатым на редкие вещи убежищам. Отогни две защёлки, и решётка откроется. Мы пролезем, не волнуйся, глупенький!

— А какой-нибудь суперсилой ещё обладают варежки? — Волеку было и боязно, и любопытно.

— С их помощью можно легко подружиться с людьми и животными. Если их перехватит Настька, то она сдружится с рыцарями и облапошит защитника в шкурах!

«Жалко Виршу. Он добрый, а ему все хотят сделать больно. Почему люди хотят делать больно другим?»

Волк нагнулся и заглянул в недра темноты.

«А если там предводитель динозавров? Или чердачная ведьма? Даже пальцы на ногах затряслись. Не хочу лезть в темноту. Алина всё придумывает. Лучше закрыть глаза и представить, что ничего не существует».

Щёлкнули металлические замочки, и вновь мягкая ладонь потянула за собой. Волк едва успел пригнуть голову, чтобы не врезаться в край вентиляционного хода.

Хихикая, девочка уводила вглубь. Шарф плыл за ней, собирая пыль.

— Ой, тут заперто. Разворачиваемся.

Но позади загудело, пошли вибрации, замигало синее свечение.

— Зимний паук! Он нас проглотит и переварит в паутину! Его прислал один из суперзлодеев.

В трубе эхо девичьего голоса оглушило Волека, и, едва заметив синие отблески, он запаниковал, быстрее пополз вперёд и наткнулся на Алину, которая даже немного улыбнулась.

Светожужжание приближалось.

— Друг, возьми шарф! Кинь в него! Пускай монстр подавится!

Выстрелив в зимнего паука мягким снарядам, Волк упал на спину, толкнул Алину, а та выбила решётку. Вдвоём свалились в комнату, выкрашенную в белый цвет.

— Мы победили, друг! Теперь мы настоящая команда!

Услышанное пробудило в Волеке непонятные чувства, схожие с ощущением тёплого одеяла в холодную ночь, но в тысячу раз приятнее.

«Только шарфика с фиолетовыми точками больше нет с нами... А где мы?»

Холодильник, обеденные столики, пластмассовые кресла, несколько микроволновых шкафов и закипающий чайник, а рядом с ним полненькая тётя в халате. По помещению витали ароматы домашней еды.

«И нигде нет ни кокрика, ни варежек. Несчастье — большое ненастье».

— Матушки небесные! Вы кто такие и откуда? — женщина помогла детям встать. — Как знала, что сегодня кто-то здесь появится. Недаром вчера пакет с варежками нашла.

— А мы как раз их ищем! — воскликнули они вдвоём.

— Я их положила у той полочки, но сегодня они исчезли.

— Как так? Неужели Настька обогнала меня? Да как она посмела! Но ведь я спешила, сопротивлялась и сражалась! А мой друг чуть не пожертвовал жизнью, чтобы отбиться от ледяного ужаса!

— Не расстраивайтесь, дети. Всё найдётся в наших жизнях. Хотите супа мясного с салом и зеленью? Сейчас разогрею.

Девочка скривила лицо.

Волек заглянул в шахту. Кусочек шарфа сполз с той стороны и исчез.

«Зимний паук утащил шарфик. Как его вернуть Алине?»

— Хотите посмотреть на стримеров вживую? Как раз идёт съёмка реакции блогера на судьбу Усаши Вороновой. Слышали о такой девочке? Эта изменница хотела убить Юманиту и прекратить строительство чуда света.

Алина ткнула Волека в бок до того, как он успел произнести хоть одно слово.

Они втроём прошли в соседнее крыло, где играла музыка, мигала разноцветная подсветка, группы людей спешили по взрослым делам с серьёзными лицами.

— Съёмка музыкальной паузы. Больше улыбок. Больше задора. Укладываемся в один дубль, иначе всех лишу премии. Приготовились. Начали!

Мужской голос из рупора показался Волеку ужасающе страшным.

Тётя остановилась и строго объяснила:

— Дети, вам по правилам сюда нельзя, но пусть это будет компенсацией за варезки. Или как подарок. Любите подарки? Можно встать на стульчики и заглянуть за ширму, только ведите себя тихо. Возьмите по ароматной печенье, а я пойду в комнату отдыха. Не шалите! А то Юманита вас накажет!

Волек и Алина взобрались на стулья и подбородками упёрлись в край ширмы.

На сцене плясали девушки из раздевалки. Мужчина, державший в руках рупор, говорил в микрофон. После танцев сцена развернулась и перед камерами оказался парень, сидящий за большим компьютерным столом, вокруг которого искрились пёстрые наклейки.

— Готовность две минуты. Псач, сценарий перед тобой. Действуешь строго по плану. Развлекай. Смейся, рассказывай истории, зачитывай идиотские комментарии из чата. Готовность минута. Затем переходи к теме, но не переставай играть. Смертная казнь — это неизбежно, это правильно, это признак высокого развития. Больше эмоций, меньше фактов. Приготовились. Начали.

«Вновь говорят про казнь! А если мама отдаст им меня за то, что не сдам экзамены? Ради развития...»

Стример с лёгкостью согласился со всеми требованиями и с улыбкой поприветствовал зрителей.

Шок от увиденного и быстрые колкие мысли сковали мальчика. Внутренний страх перед смертной казнью столкнулся с шуточками Псача и ощущением неминуемого наказания за все проступки.

«Они обо всём узнают! И про чип-паспорт, и про краденных роботов с чердака, и про штаб в закускойной».

Волек зажмурил глаза, закрыл уши руками — и потерял равновесие.

Ощущение полёта не прервало мыслей о наказании. И в этот раз он не успел сгруппироваться и смягчить падение.

— Откуда шум? Стрим на паузу. Девочек на сцену. Разберитесь, что происходит.

Девичья рука миглом дёрнула за куртку. Боясь, как бы кусок ткани не остался в пальцах у Алины, Волек вскочил. Под крики взрослых, они с подружкой понеслись к лифту, пыхтя и сопя.

Алина, первой оказавшись у кнопки вызова, со всей силы по ней стукнула. У Волека от спешки зажгло в груди, заболели зубы и перехватило дыхание. Подъехала большая стеклянная

кабина, створки разъехались. Прыжок, нажатие на кнопку, и дети уже спускались на первый этаж.

— Они нас не поймали! И мы увидели настоящего стримера! Я на тебя больше не обижаюсь, друг.

— У меня над бровью шишка. Дома обязательно накажут.

— Заживёт быстро, не переживай. И шишка едва заметна. На улице снегом натрём, и она совсем рассосётся.

— И мы потеряли шарф... — Волек не сдержал слёз.

— Не грусти. Приглашаю тебя на моё выступление в театре. Я настоящая актриса. Честно-честно. Встретимся в четверг в доме творчества и порадуетесь нашим приключениям.

— И-и-и мы не нашли-и-иии варежки-и-иии... А-а без них ты-ты не позовёшь кокрика.

— Ты прав, но я продолжу выискивать артефакты Виршу. И шарф больше нам не видать, но благодаря ему мы спаслись от зимнего паука. Меченосец нам помог. Я не унываю. И ты не унывай.

Команда через ту же металлическую дверь, открывающуюся гавканьем, вернулась во дворик. Воспитатели с огромной радостью приняли Алину в свои руки.

«Алину любят. Гладят по шапочке. Её веснушки радуются заботе».

Решив избежать ненужного внимания, Волек натянул шапку на брови и пошёл искать кокрика, удивляясь, как быстро солнце закатилось за крыши домов.

«Алина — настоящая актриса. Увидеть бы театр и выступление. Но мама не отпустит».

Шишка над бровью ныла сильнее. Мальчик приложил к ней снег, но прикосновение вызвало жуткую боль. Мокрые пальцы от зимнего ветра стали нечувствительными. Растирая ладонь о куртку, чуть не оторвал пуговицу. Вновь наматывая нитки, почувствовал в нагрудном кармане сокровища, которыми бы не пожертвовал ради спасения от паука.

Поиск шёл задумчиво и растерянно. В соседнем дворе веселилось культурное общество, куда не пускали детей, а в следующем развернулся цветочно-тепличный магазин. Обойдя заведение, Волек наткнулся на худого запуганного кокрика, прятавшегося под двигателем обогревательной установки.

Не веря удаче, мальчик попытался ухватить зверька, но тот ловко отпрыгнул. Ещё несколько попыток закончились с тем же успехом. Возможно, на какой-нибудь раз и получилось бы схватить кокрика, но появившийся откуда-то человек с буквой «ш» на груди зашугал животное, которое, почувствовав серьёзную угрозу, упрыгало на двигатель, а затем на крышу магазина.

Штеп кинул вслед снежок и вернулся к смеющимся товарищам.

«Вот и всё...»

Волек окончательно расстроился, едва находя силы, чтобы стоять на ногах.

— Эй, мальчик, хотел кокрика погладить? — на выходе из двора незнакомый мужчина, одетый в шапку-ушанку и пальто, обратился к Волеку. — Штепы Обручева — бездельники и хулиганы. Не водись с ними. А кто тебе шишку поставил над глазом? Подрался?

— Случайно упал.

— Я знаю про случайности. Хочешь, погадаю, расскажу о том, что случится в будущем? Испуганно мотнув головой, Волек отстранился.

— Конечно, зарабатываю на жизнь немного. Но для тебя предскажу бесплатно. Не люблю видеть грустных детей. Садись на раздвижной стул, я открою смарт, и мы начнём. Мне нужна практика, а от тебя не убудет. Не паникуй, если крикнешь, половина города сбежит. Бояться нечего.

Они уселись друг напротив друга. Мужчина включил смарт и запустил программу, название которой Волек не успел прочитать.

— Чтобы сделать точное предсказание, необходимо твоё имя.

— Мальчик.

— Принял. Процесс запущен. А сколько тебе лет?

— Я не помню.

— Вот как!? — поразился мужчина, вглядываясь в мальчика. — А идею для жизни Юманита выдала?

— Нет.

— Принял. Не сдал экзамены? Как хочешь, не суюсь, твоё дело. Нужно подождать обработку данных.

Волек заинтересованно смотрел на кружащиеся стрелочки, не отвлекаясь на происходящее вокруг.

— Стрелочки исчезли. Появились картинки.

— Верно. Я вижу опасность, которая исходит от чего-то неясного, расплывчатого, чужого. И ты не сможешь защититься.

— Почему? Не хочу опасность, — Волек отшатнулся, чуть не упав со стульчика.

— Видишь, нити идут из воды к большому зданию? Юманита не хочет твоего счастья. Она попытается тебя обмануть. Но я могу придумать способ, чтобы уберечь тебя от опасности.

— Вижу ещё много чёрных теней, — мальчик сглотнул. — На следующей картинке их ещё больше!

— Правильно. Видишь маленькую белую фигуру, которая стоит над тенями, а снизу будто другая фигура, но покрашенная серым?

— Да-да, вижу. И что мне делать?

— У меня в мастерской есть специальные амулеты, которые защитят от теней и от Юманиты. Если согласен, то могу подвезти и подарить один?

— Друг, ты где? Мальчик с перевёрнутой шапкой! Друг, отзовись!

По голосу Волек узнал Алину.

— Я тут, Алина!

— Не кричи, мальчик, — мужчина нагнулся ближе. — Это не тебя ищут. Если будешь сидеть тихо, то я подарю тебе амулет для защиты. Потерпи немного. Давай зайдём в магазин, посмотрим на цветы? Или попытаемся заглянуть на крышу и найти кокрика?

— Друг, ты кое-что потерял!

— Иди сюда, Алина! — продолжил звать Волек.

— Что же ты такой глупый!

Алина вбежала в переулок, сопя и продолжая кричать. За ней шли двое взрослых.

— Нашла! Я его нашла!

Предсказатель выхватил стул из-под Волека, попятился назад и споткнулся о своё сиденье. Прибежавший мужчина с воодушевлением наскочил на дезориентированного предсказателя. Завязалась борьба, шапка-ушанка полетела вверх и застряла в прутьях балкончика.

Рыжая шапка и какао-глаза сверкнули над Волеком. Смеясь, девочка щёлкнула его по лбу и потянула за руку.

— Вставай, друг. Ты потерял чип-паспорт! Точнее, я его забыла тебе отдать.

— Спасибо.

Отряхнувшись, Волек забрал чип и спрятал его в нагрудный карман. Стесняясь выразить эмоции, увёл взгляд с радостного веснушчатого лица девочки к борющимся, где прибежавший мужчина одерживал победу, скручивая ремнём руки проигравшего.

Алина наклонилась к снежной линии у края дома, чтобы вытащить пушистый предмет.

«Это заболевший кокрик?! Нет, варежка. Неужели, та самая? Веснушки засияли огнём на её щеках. Ой, не смотреть!»

Варежка с фиолетовыми точками по цвету точь-в-точь совпала с шарфом с чердака. Девочка с изумлением разглядывала находку, убирая снежинки. Ойкнув себе под нос, наклонилась.

нилась к поваленному мужчине и тоненькими пальцами выхватила из кармана его пальто ещё одну шерстяную находку.

— Я нашла их, друг! Варезки с суперсилой!

Женщина, похожая на Алину, только взрослую и без рыжей шапки, приблизилась к детям.

— Дочка, в следующий раз нужно объяснить маме и папе ситуацию, а не бежать и кричать на всю улицу. Ты ведь нас позоришь! Роман, что ты там возишься с каким-то бездомным? Ещё не хватало болезней от него подцепить.

— Анна, я его поймал, это тот похититель детей, о котором все говорят.

«Предсказателю больно. Его пальто сильно испачкалось».

— Я не маньяк, не похититель! — завопил тот, дёргаясь. — У меня лицензия, выданная Юманитой! Я ни в чём не виновен! У меня пройдены курсы! Документы в машине, отпусти, и я их принесу!

— Размечтался, так тебе и поверил. А не ты ли тот самый Макаров, который скрывается от закона? Всё сходится: язык у тебя подвешен, город знаешь на отлично, связей достаточно.

— Я не Макаров!

— Сопротивляйся ещё, тем крупнее будет награда для меня. Как ловко ты обманул камеры Юманиты, маскируясь под возрастного маньяка-сумасшедшего!

— Отпусти! Я не виновен! Я торгую амулетами!

— Побереги объяснения для гвардейцев.

Обмотав лицо предсказателя своим шарфом, чтобы заткнуть тому рот, Роман уставился в смарт. Женщина раздражённо взмахнула руками.

— Так уж и все говорят, Рома? Нам придётся ждать приезда гвардейцев? А отвезти на репетицию Алинку успеешь?

— Знакомься. Это мама Анна и папа Роман, они очень заняты днём, поэтому за мной присматривают воспитатели.

Волек ощутил давление в груди, когда соотнёс в голове, что высокий и крепкий мужчина Роман — это отец Алины, а женщина с меховым кругом на шее — мама Алины.

«У Алины настоящие родители! Умные, богатые, красивые!»

— Если бы они за тобой присматривали, то ты бы не крала у чужих детей вещи. Отдай вещь. Мальчик, прошу прощения за невоспитанность дочери. Нам дома предстоит серьёзная беседа. Слышала, Алина? Останешься без гуляний!

Девочка скривила лицо, отвернулась от мамы, подмигнула Волеку и тихо обратилась к нему:

— Вызовем тебе кокрика для путешествий?

— Да-да-да.

— Алина, не приставай к мальчику. Юманита ещё не выдала тебе идею, чтобы знакомиться с мальчиками. А куда делась моя косметичка? Не могу найти в сумочке. Я же не могла оставить дома?

Не обращая внимания на разговор, нацепив варезки, девочка широко махнула руками.

«Волшебство, она творит волшебство! Закончила? Где кокрик? Ничего не изменилось?»

Повторные взмахи ни к чему не привели. Алина вздохнула и растёрла щёки шерстью.

— К сожалению, заряд пуст. Но я попытаюсь восполнить его.

Папа Алины громко сообщил о вызове гвардейцев и несколько раз повторил, что именно он поймал маньяка, за которым охотилась и не могла отыскать Юманита.

— Алина, езжайте с мамой в театр на репетицию без меня. Передача преступника, оформление документов, интервью, фотосессия — это затянется надолго.

— Рома, ты в своём уме? Какое интервью? Какие сессии? У твоей дочери важная репетиция через сорок минут.

— Ты самая наблюдательная, моя любимая. Перенесём интервью на другой день, как раз будет время подобрать костюм, сходить к визажисту. Мальчик, иди, здесь ты нам не нужен. Тебя уже дома заждались, правда? Алина, где твои манеры? Как следует прощаться?

Девочка подогнула ножку и наклонила голову. Волек махнул в ответ, шапка съехала на брови.

— Ухожу. До свидания.

— Не грусти, я тебя за всё прощаю. То есть за просто так забываю о плохом. Будто одолжила самую любимую книгу, а ты её потерял.

— А это...

— Да.

— Пока, Алина.

«Чарующие родители. Заботливые, добрые. У меня таких нет».

Захотев ещё раз увидеть шапку-ушанку, Волек поднял взгляд: на балкончике животное с длинными ушами жевало головной убор.

«До тебя можно добраться лишь по шее диплодока. Варезки чуть-чуть сработали».

С тяжёлым грузом внутри мальчик пошёл к городским оживлённым улицам.

Закатное марево исчезло. Зато непрерывающаяся стройка освещала вечерний город.

«Кокрика не нашёл, билет не купил. Придётся возвращаться домой. Страшно. Может, ещё успею попроведать Кирпичика, а то мальчики с гвардейцами могли напугать бедняжку».

За прошедшее время остановки украсили праздничными гирляндами и обновили программы на экранах. Электронный зайчик на экране мог выстроить путь и найти нужный автобус. Взрослые пользовались навигацией, а Волек опробовал голосовой ввод. Пушистый зверёк высветил номер и трассу на карте города.

— Спасибо, зайчик.

В салоне Волек увидел рекламу городских кафетериев.

«Забыл про „Де Миранд“ и про самый лучший горячий шоколад. Утром у зайчика спрошу маршрут до кафе, а затем поеду на вокзал. Новые украшения на домах! Необыкновенно красивые фигурки на крышах! Как бы их птеродактили в свои гнёзда не унесли!»

Мальчик вышел на остановке около школы. Её корпуса соединялись между собой будто огромными прищепками. В них располагались переходы над дорожками и зоны для отдыха.

«В школе около входа до сих пор висит большущая картина с космическим кораблём. Но космос — это страшно. А Настька не побоялась улететь. В прищепках, в зонах отдыха, сейчас тепло и безопасно. Здания украсят к празднику, объявят конкурс на лучшую историю и рисунок. Можно нарисовать? Можно участвовать в конкурсе тем, кто не сдал экзамен? Лучших учеников за полугодие наградили значками на одежду с изображением этого корабля. Престижно. Их уважают. Значок тяжело заслужить».

Маленькие снежные искорки закружились над головой. Дроны-доставщики спешили по адресам. На экранах суровое мужское лицо мигнуло и исчезло. Возник радостный Псач и запел. По бокам трансляции закрутились девушки на коньках. Увлечённый зрелищем, Волек не заметил, как пролетело время. На школьных табло показались картинки сонных зверят и буквы в рамках. В корпусах кто-то бегал, а может, просто мелькали тени от дронов.

«Другим в прищепках скучно, а мне хорошо, меня там не задируют. И разрешают посмотреть в окно на экраны с трансляциями. Ой-ой, пошла волна из огоньков!»

Поразившая мальчика гирлянда обвила корпуса и подходила к огромной старой сосне. Несколько минут Волек разглядывал бегущую волну. Когда мороз закусал пальцы, пришлось идти к Кирпичику.

«А ещё смогу научиться рисовать? Если попросить Юманиту научить меня, то что получится? Наверное, понадобится много фломастеров. Но если подарят специальный планшет, то бумага и фломастеры не нужны».

На ближайшем большом экране запустилась трансляция. Стример объявил о начале грандиозного праздника и что Юманита разослала каждому жителю города особые задания, сцены и идеи для гуляний и празднований.

«Когда приду домой, мама скажет, какое задание выпало мне!»

Размечтавшись о вариантах, мальчик сошёл с тропинки и некоторое время брёл по очищенному двору, а затем оказался на ответвлении дороги, над которым лишь вдалеке светил, и то едва, фонарь.

Из-за дома вылетел светлый огонёк, будто маленькая ракета, слышались крики. Неизвестная природа внезапных перемен испугала Волека и заставила замереть в тёмном дворе, потеряться в собственных ощущениях. Время шло, а ощущения ничего дельного не сообщили.

«А где я? В какой стороне мой дом? Заблудился. Сейчас бы запрыгнуть на сучжоузабра и помчаться по дворам. Его тёплые перья согрели бы хорошо».

Побродив у дома, Волек в очередной раз набрёл на развилку с тем тусклым фонарём. На противоположной стороне около машины возился и пытел тёмный силуэт. Пролетел дрон. Маленький салют на дальней улице отвлёк силуэт. К салюту пронёсся транспорт с мигалками.

«Случится что-то плохое, случится что-то плохое. Нет идеи — Юманита не защитит от плохого силуэта. Отец и мама не защитят. Алина не успеет прибежать. Сучжоузабр мог бы толстым клювом смять или отогнать опасность! Но его нет рядом».

Салют прекратился. Возле машины вновь закипела работа.

Волек почувствовал движение немой холодной темноты: кажущийся безобидным сугроб двинулся к подозрительной машине, к излучающему опасность силуэту. Закрыв рот руками, Волек, не моргая, следил за таинственным перемещением.

Включился рекламный экран. Лучи света испарили сугроб и проявили силуэт. Мужчина с проседью заталкивал в багажник нечто объёмное. Наружу вывалилась нога.

Глава 8.

Пристрелочный выстрел (среда, 24 горзэма)

Я внимательно рассматривал детали модели, ещё не зная, купить ли их сейчас или выждать лучшего момента. В руках малый летательный аппарат казался прочным, выполненным из дорогих материалов.

Но достаточен ли процент нужного металла в сплаве для моих экспериментов?

Утром в магазине Эндрея Юрова было малоллюдно. Погружённый в свои мысли хозяин распродал остатки партии квадрокоптеров, которые доставили только вчера. Заношенный мятый пиджак, морщины — линии истории, судьбы и опыта — выдавали его возраст. Только дочь делала его моложе. Наверное, Эндрей участвовал в Химической войне, но о таком стало немодно говорить. Юманита выдаёт лучшие идеи тем, кто забывает прошлые обиды и тяжести. В движениях глаз Юрова и в том, как он ставил ноги при ходьбе, читались привычки из тех жутких времён. В мирный цифровой век Юров явно хотел бы внести весь накопленный багаж, но Юманита такое не одобряет.

Под потолком висел экран с трансляцией круглосуточных новостей. Звук отключён. По крупным субтитрам прочитал о зазубренных тенях, досаждающих людям в южных районах города. Врач из Казаркевичей объяснял галлюцинации недостатком сна, нервными расстройствами и пристрастием к кофеину. По его словам, приближающееся открытие чуда света для многих выливается в большой стресс: люди боятся последующей безработицы и потери важной идеи, ради которой сейчас живут. Хозяин магазина на такие новости внимания не обращал.

Скужила тебя жизнь, Эндрей. Без дочери каждый день — словно месяц. И проблемы клиентов больше не хватают за душу. Я вижу, как то косишь глазом в сторону детского уголка, где лежат её любимые игрушки, то поглядываешь под кассу, где спрятана фотография Райды. Образцовый отец. А моя дочь росла без примерного отца, зато всегда в достатке. Понимает ли Октябрина, что красивая обёртка, созданная отцом, — это...

— Пимен Михайлович, доброго утра. Отличное пальто! Мы же договорились, что вы сообщаете мне о своих внезапных перемещениях, если таковые случаются.

— Игорь, здравствуй. Откуда ты тут? Позвонил бы на смарт — и волнения бы завершились, не начавшись.

— Ваша жена приняла звонок и накричала на меня.

Я сунул руку в карман, тот оказался пустым.

— Вот ваш ифтейс, — он вложил мне в ладонь прибор. — Передала через дрон. А до этого мне пришлось выслушать лекцию о правильном сне, здоровом завтраке и бестактном муже, оставляющем свой гаджет дома. Пимен Михайлович, какая нужда заставила вас встать в тёмную рань и оставить дома такую прекрасную жену?

— Следи за языком, Игорь. Решил успеть посмотреть на квадрокоптеры. Редкие модели. Осталось несколько штук.

— Эндрей Ивукович, доброго утра. Как самочувствие? Держитесь? — с участием поприветствовал Юрова Игорь.

Хозяин магазина кивнул и махнул рукой, скривив мину.

— Сочувствую вашему горю, Эндрей Ивукович.

— Можно просто Эндрей. Здесь все свои.

— Договорились. Не терзайте себя, Эндрей, обратитесь к врачам. В городе работают высококвалифицированные специалисты... Кстати говоря, про врачей, Пимен Михайлович, — Игорь повернулся ко мне, — не забыли утром выпить лекарство? Ваша жена мне успела

рассказать, как полощите мозг в последние дни жалобами на сердце. Какое-то побочное действие? Или Марпа в очередной раз выдумывает небылицы?

— Просто много волнуюсь, Игорь.

— Надо действовать, а не волноваться. Казаркевичи обскакали нас. Их Рыболовлев, словно шулер, выкидывает на стол козырные карты, — он чуть разочарованно прицокнул. — Ещё ничего не потеряно, пока мы не вскинули лапки. Ваш помощник по лаборатории выдвинул идею о новом способе введения препарата и сканирующего чипа. Необходимо сегодня же обсудить с ним метод и дать заключение. Если идея реализуема, то я начну искать людей для операции такой сложности.

— Я могу провести, Игорь.

— Официальный запрет на проведение операций действует ещё полгода. И вам необходимо лечение. Без обид, — он развёл руками, будто извиняясь.

— Намёк понял.

— Не обижайтесь. Следует дожать наш проект до Нового года и всеми силами затормозить решение Юманиты и правительства по определению выигравшего. Долгое рассмотрение закона о смертной казни нам только на руку. Оно как раз отвлечёт от...

— Не напоминай.

— Понял вас. Я заочно заручился поддержкой союза отставных хирургов. От вашего имени отправил прошение — они согласились. На днях соберётся ветеранский клуб докторов для обсуждения своей позиции. Многие из них живы благодаря вашим рукам. Так что, считайте, их поддержка на нашей стороне.

— Признателен, Игорь. Запланируй и в мой график встречу с ветеранами. Обсужу проблемы лично. Надеюсь, для этого оформлять разрешение и подтверждать дееспособность мне не нужно?

— Не ищите в Ягельске логики и справедливости, — Игорь понял мой сарказм.

Клиентов в зале не осталось, и Эндрей подключился к нашему диалогу.

— А кого не стоит благодарить, так это наше «дорогое» правительство и Юманиту, которые не отменили праздники. Бизнес важнее горя простых граждан. А больницы, к вашему сведению, пытались развести меня на дорогостоящие препараты, не выставив окончательный диагноз Райде. Пустые врачи хлопали глазами и пытались таблетками заглушить симптомы. Ягельск. Разве такой город заслуживает чуда света?

— Мы как раз начали говорить про справедливость.

— Ягельск давно уже не тот. Судьбы простых работяг, наверное, волнуют только Ярослава Канева.

Услышав знакомое имя, я напрягся. Но пока готовил вопрос, хозяин магазина переключился на следующую тему.

— ...утром дрон задумал обклеить окно магазина цветастой ерундой, так я его шуганул. Но металлический сорванец вернулся и продолжил. Пришлось устроить небольшую аварию.

— Выпишут штраф и публично заявят о дефиците дронов.

— Какой дефицит, Игорь?! Есть у меня непубличная информация, только между нами. Договорились? — Юров подался ближе к нам, заговорил чуть тише. — Власти в прошлом месяце закупили крупную партию иностранных дронов с новейшей системой распознавания лиц. Три камеры видят в полной темноте и даже просвечивают тонкие объекты. Городской мрази, похитителю детей, не скрыться. Ставлю на один день. Встретив новую технику, мерзавец сам придёт в участок. Каков ваш прогноз, Пимен Михайлович?

— Не люблю ставки. А что означает наклейка на входной двери?

— Здание попало под программу инноваций. Маятниковые двери заменят на какие-то волновые. Им лишь бы на всякую ерунду бюджет спустить, — Эндрей снова перескочил на другое: — А как дочь, Пимен? Ещё не надумала уезжать из Ягельска?

— Взрослой стала. И не разобрать, какие идеи и желания крутятся в её голове. Раньше за ужином обсуждали новости, а теперь едим в тишине.

— Пимен Михайлович, а вы о результатах анализов сообщили близким? — уточнил Игорь. — Не из-за этого ли они начали по-другому относиться?

— Что-то случилось, Пимен? Заболел, что ли?

— Ерунда. Автоматика выдала, что люди смертны.

В магазин зашли люди и с порога недовольным голосом заявили о возврате купленных вчера квадрокоптеров.

— Уважаемый Эндрей, мы понимаем, в вашей жизни беда, но это никак не должно сказываться на качестве товаров. Держите свой металлолом подальше от нас.

— В моём магазине клиенты голос не повышают. Откуда приехали? Вы когда-нибудь видели, чтобы настоящие ягельцы вели себя по-хамски? — Юров воспринял заявление как вызов и тут же осадил вспыльчивых клиентов.

Они заспорили.

Игорь коснулся моего плеча, потянул в сторону, уводя от конфликта:

— У нас ещё много дел, Пимен Михайлович. Время заняться исследованиями и подготовиться к поездке на завод. Утром выяснил, что Ермол Мезенцев давно не появлялся в городе.

— Уехал или заболел?

— Есть вполне официальная позиция — трудности на производственных линиях. В узких же кругах говорят, будто некоторые сотрудники после недавней аварии тронулись головой: начали видеть образы в темноте, а одна бригада отказалась выходить на смену. Неспроста эти слухи, — доложил помощник.

— Если правильно помню, на заводах Журавского производят литий-серные аккумуляторы. О добавках нам не рассказывают, но в их токсичности я бы не сомневался.

— История с рабочими жуткая. Я пообщался с одним из невышедших. Никаких комментариев об аварии он не дал, зато поделился наблюдением об исчезновении людей. Несколько его знакомых пропали из дома. Никаких следов гвардейцы не отыскивали.

— Я бы предположил отъезд в другие города или страны. Обстановка такая... Если коротко: что-то намечается.

Игорь с изумлением уставился на меня:

— С чего вы это взяли?

— Вчера в полночь под моими окнами шумели люди непонятной национальности. Несколько снежков прилетело во входную дверь. К счастью, обошлось без ущерба. Иностранцев не задержать и не засудить.

— Граница с Королевством рядом, Пимен Михайлович...

— Но приехали они сюда, а не двинулись на запад.

— У нас открытый и добрый город. Прошу прощения, отвлеку сторонним вопросом: как считаете, Купра одобрит функционирование службы по уходу за инвалидами в нашей больнице?

— Я бы не одобрил. И ей не советую, потому что сейчас перед нами стоят задачи другого масштаба. Необходимо защитить здоровых и не дать в руки палачам оружие для истребления сородичей. На чьей стороне Юманита? Она за присоединение к Северному Королевству или против, если пойдёт на то дело?

В магазин ворвалось шумное облако подростков с высокой худой женщиной, тут же начавшей рассказывать про историю дома и трудности открытия лавки технических товаров в прошлом веке.

Эндрей Юров был готов разорваться между буянящими детьми и недовольными клиентами, которых с каждой пятиминуткой становилось всё больше:

— Как устраивать беспорядки, так ума хватает, а как помочь отыскать родную дочь, так никакой силой не вытащить на поиски! Юманите неинтересно воспитание молодёжи. Какой толк в исполнении идеи, если сама суть человека остаётся пустой?

Кто-то из клиентов выкрикнул:

— Просто верните деньги, Эндрей. Мы пришли сюда не для споров и выяснений. Если бы оформили и установили единую цифровую систему, то не пришлось бы вам «наслаждаться» нашими лицами.

— Разбаловало вас правительство: разучились общаться с живыми людьми. Подскажите, на что мне закупать новую партию? Все накопленные деньги ушли на поиск дочери.

— Не приbedняйтесь. Мы знаем, Ярослав Канев перечислил вам крупную сумму.

— Ваш богач, Канев, отправил деньги не мне на счёт, а в фонд, которым заведует правительство. А те не выплатят мне ни рубля, пока не найдётся Райда — живой или мёртвой. Ребята у четвёртой витрины, кто разрешал рисовать маркером на стекле? И не дёргайте за крыло беспилотник, это музейный экспонат. Здравствуйте, товарищи гвардейцы, вы с каким вопросом? Возврат? Да сколько вас сегодня!

Игорь решил вмешаться в спор:

— Друзья, оставим ссоры позади. Чтобы никому не было обидно, предлагаю возместить половину стоимости. Я близко знаком с одним из владельцев сети аптек города, и он согласится вам помочь. Сейчас оформим специальный чек: на обозначенную сумму вы получите бессрочный сертификат.

— Игорь, не знаю, как вас по батюшке, но это слишком щедрый поступок.

— Сейчас организуем место, где могли бы спокойно заполнить нужные формы. И передайте тем, кто был утром или ещё не пришёл, что время щедрости ограничено.

Все клиенты с претензиями чуть успокоились и потянулись за Игорем. Я остался у кассы наедине с Эндреем, который пребывал в шоке. Его шерстяной пиджак из старой эпохи сочетался с длинной историей этого места и пробуждал воспоминания. Я решил поделиться ими с Юровым.

— А знаете, отец любил приводить меня сюда, когда мне было лет пять-семь...

— Вот так новость! И чем же вы тут занимались?

— Мастерили игрушки, собирали электрические схемы. Я хотел стать врачом, поэтому каждый раз искал повод, чтобы не пойти.

— Если у вас есть список претензий, накопленный за эти годы, то даже аптеки Игоря их не покроют.

— Мне нравится это место, и не хочется, чтобы оно исчезло. Эндрей, берегите себя, следите за здоровьем. Заботьтесь о дочери и обеспечьте ей счастливое будущее.

— Но моя дочь...

— Хочу тоже внести вклад — я согласен выкупить за две трети изначальной стоимости десяток квадрокоптеров из вчерашней партии. Составьте список по номерам и оформите документ, а я завтра перечислю деньги.

— Пимен Михайлович, это же...

В кармане Эндрея задёргался смарт. Ответив на звонок, хозяин магазина до неузнаваемости изменился в лице: нависшая тяжесть исчезла, в глаза вернулись молодой задор и искренняя радость.

— Да! Это правда? Точно? Когда? Уже можно приезжать и забирать? Спасибо! Да-да, никому не скажу, ничего не разболтаю. И журналистов не вызову, можете положиться. Спасибо! Пимен Михайлович, я не верю! Это чудо.

Несколько капель скатилось по мужским щекам. Убрав смарт, Эндрей посмотрел на меня взглядом самого счастливого человека в городе, желающего рассказать о своей радости, но

данное обещание сдерживало порыв. Как можно более тихим голосом, почти неслышно, он всё же поделился новостью:

— Пимен Михайлович, они её нашли! Просили не говорить никому, чтобы не информировать похитителя, но, святые духи, ведь они её нашли!

Наивная простота, а не Юров.

— Поздравляю, Эндрей Ивукович. Сложно описать, насколько рад за вас.

— Спасибо. С Райдочкой всё в порядке. Я так счастлив. Готов хоть бесплатно отдать вам этих злосчастных летунов.

— Я куплю, как и обещал. Обратного хода нет.

— Святой вы человек, Пимен Михайлович. И не оставлю вас без подарка. На складе залежались вещи, сейчас подготовлю список. Сможете выбрать, что пожелаете.

Я подчеркнул несколько строк: баллоны с аргоном, металлический порошок и головки для принтеров.

— Когда готовы принять?

— Всему найдётся применение хоть сейчас. Вот мой адрес. Но не спешите. У вас, как понимаю, сегодня праздник. Как освободится время, то отправьте.

— Что вы, что вы, мы люди старой закалки: исполняем быстро и по совести. Подаю заявку в службу контроля за воздушным пространством. Как только Юманита одобрит, то дроны вылетят.

Я задумался, как распределить время, чтобы на никчёмные старания догнать Казаркевичей пришлось меньшая его часть, но никто ничего не заподозрил.

Незапланированное приобретение избавит моё личное исследование от экономии материалов. Если встанет вопрос о выборе пути, то как оповестить Игоря и Купру Юсеву о своём решении? И чего мне это будет стоить?

— ...казалось, этот день окажется худшим за последнее время. Бегу собираться в больницу. Уважаемые посетители! Через полчаса магазин закрывается по техническим причинам!

Семья благополучно воссоединилась. Этот вопрос закрыт. А вот о помутнении разума у сотрудников с завода хотелось бы узнать больше. Юманита и правительство замалчивают подробности. Игорь велел подготовиться к визиту. Прочитать про Ермола Мезенцева? Могут ли несчастные случаи, заявления о тенях и помутнения в головах быть связаны между собой? Один человек в городе точно обладает видением ситуации.

— Гражданка с детьми, прошу прощения. Женщина, вы из какой школы?

— Здравствуйте, мужчина. Я не из школы. Просто экскурсовод. Наша компания реализует программу Ярослава Канева по просвещению молодёжи. Данная экскурсия — часть программы.

— Благодарю, в моём уютном заведении всегда рады экскурсиям.

Как предсказуемо. От этого проныры Канева ничего не ускользнёт. Следует быть осторожным.

Со всеми попрощавшись, я отправился на городском транспорте к больнице Истомина, размышляя о текущих проблемах: завершить серию тестов по рекомендации помощника, выслать отчёт Игорю. Если он наймёт хирургов, то они возьмут дело в свои руки, оставив меня без возможности незаметно испытать собственный проект. Как бы помешать? Плохо думается: от отечественных лекарств что-то происходит с головой. Хоть бы Игорь не забыл посмотреть доступные лекарства. Ингибиторы ЯМАО-В против Паркинсона-Григорьевского хоть кто-нибудь принимал до меня? Что-то было про девочку... А о чём вспомнила найденная девочка? Нестыкующиеся кусочки того дня: хорошее обращение, угощения, тепло, доброта и размытый облик взрослого мужчины. Гвардейцам с таких показаний толку мало. А новые системы распознавания лиц на дронах — проблема, требующая комплексного решения. Но всё можно обхитрить, только бы голова соображала.

В салоне будничным голосом зазвучала «Нейроправда»: «Вчера Разделённое Северное Королевство выразило беспокойство за безопасность своих граждан и настоятельно рекомендовало им покинуть Малопогост в самое короткое время... В деле о пропаже журналиста Макарова больше вопросов, чем ответов: найден свидетель, утверждающий, что видел Макарова у центра реактивации космического мусора незадолго до технической аварии. Детали выясняются... В Ягельске в районе насосно-очистительного завода пропала связь с несколькими грузовыми дронами, сбившимися с траектории... Обнаружены обломки дронов у завода по реактивации... Новый корпус приглашает сотрудников больницы Казаркевичей для обмена опытом... Кандидат наук Рыболовлев появился на катке со своими детьми, чем привлёк к себе особое внимание. Пётр Леонидович пообещал, что в этом году мы не останемся без сюрпризов».

На коротком видео крупный, подкачанный мужчина в расцвете сил, с крашенными в угольно-чёрный цвет волосами, неспешно катился на коньках рядом с мальчиком и девочкой около восьми-десяти лет. Его ровный аккуратный нос и сияющая улыбка подошли бы, на мой взгляд, актёру первой величины. Я на его фоне покажусь пыльной рухлядью.

Непрерывный поток событий загружал мозг пассажиров, отвлекая от собственных мыслей. Я запротивился, пытаюсь сконцентрироваться на задачах, требующих немедленного решения. Но думать о выезде к Мезенцеву мешал засевший в голове образ доктора Рыболовлева с идеальной улыбкой, громогласно объявляющего о фееричной победе над всеми болезнями.

Остановка. Холодный ветер с улицы выбил из горьких фантазий.

На смарт посыпались сообщения от жены с требованием уделить ей внимание и перевести на её счёт крупную сумму для обновления гостиной, потому что её сертификаты плохо смотрятся и не производят впечатляющего эффекта на гостей.

Что изменилось после того, как я рассказал о болезни? Марпа запросила больше денег, потребовала оформить новое завещание. Бойтись остаться нищей? Скорее всего. Дочь теперь поздно возвращается домой. А как мы тогда проводим совместный ужин? Она уходит после ужина, но куда? И она о чём-то просила, но я забыл. Дочь, дочь... А как её зовут? Как я мог забыть имя собственной дочери? В смарт написано «Октябрина». О чём ещё я забываю? Точно не про инцидент и желание попасть в список лучших учёных. Эндрей говорит, будто они пустые. А как понять, не пустой ли я?

«Нейроправда» на салонном экране демонстрировала фотографию узкоплечего человека в рваном пальто. Я заметил обработку и наложенные фильтры, искажающие внешность Михаила Макарова: на проколотое ухо довесили несколько колец, проредили чёлку и взлохматили макушку, хотя ещё совсем недавно он появлялся на стримах с залысиной.

«Опальный журналист Макаров, известный своими скандальными расследованиями космических аварий, до сих пор числится пропавшим без вести. «Нейроправда» предполагает, что мужчина сбежал из города с ценным грузом, который выкрал с завода по реактивации. Возможна ли неслучайность аварии? Частная редакция, в которой он числился, комментариев не даёт. Юманита уже оштрафовала руководящий состав и выдала новые принудительные идеи для жизни: работу на мусорных линиях. Напоминаем, что оскорбление нейросети и правительства, распространение недостоверной информации карается без решения суда. Ранее Михаил Макаров писал: «...чудо света — это или пустая трата сил, денег, или инструмент тоталитарного контроля, что является двумя сторонами одной монеты».

На смарт пришло уведомление об отмене заказа: дрон не доставит квадрокоптеры и остальные материалы: «Введены ограничения на полёты в Камнебетонном районе. Наземная доставка заблокирована».

Я вышел на следующей остановке, отряхнул подол пальто от грязи, взмахнул несколько раз подвернувшейся лопатой, расчистив кусочек тротуара, и взял перерыв на отдых. Рассматривая уносящуюся вверх стройку чуда света, задумался о своём.

Мне не переубедить Игоря, если он задумал сместить меня с исполнительной должности. И мы не договаривались сегодня о встрече. Зачем он начал звонить с самого раннего утра? Догадывается о секрете? Чую, начал выискивать информацию про мои эксперименты. Даже с Марпой, рискуя своим психологическим здоровьем, решил поговорить. Только она ни о чём не знает. Игорь неосознанно хочет затормозить мои работы? Да и хрен с этими новыми способами введения препарата. Без меня разберутся. Лучше запереться в подвале и напечатать ещё один прототип с изменённым веществом. Райда Юрова сейчас в больнице Истомина; к вечеру у меня появятся новые данные о её состоянии. Аргон в Ягельске под надзором Юманиты, подарок от Эндрея на какое-то время позволит уйти от взгляда нейросети, но бесконечно прикрываться официальными исследованиями не получится. Возьму транспорт и лично заберу груз, раз уж так вышло с доставкой.

Район дышал жизнью: дети веселились, размахивая сумками и напевая шуточные фразочки, мужчины и женщины с задумчивым видом спешили по своим делам, пожилые люди наслаждались свежим воздухом, расположившись на соседних скамейках. На большом экране транслировали запись, как Ярослав Канев посещал могилы родителей на городском кладбище. По короткому сюжету я узнал, что его мать работала в посольстве Лапландской республики, а отец был министром иностранных дел.

На арендованной машине я доехал до границы района. Транспорт скопился перед организованным пунктом досмотра с металлоискателями и обученными собаками. Над их головами кружили дроны нового образца. Выезд из района по соседним полосам был свободен.

Решив добраться по свежему воздуху, оставил транспорт и переступил через ограждение на соседний тротуар. До склада Эндрея оставалось около двух километров. С левой стороны бросалось в глаза активное движение дронов и выход усиленных патрулей гвардейцев. Я мог бы связать мероприятия по открытию чуда света с увеличившейся охраной, но чутьё напоминало о ещё одном внешнем факторе, который следует учесть.

На фоне величественной, технологически продвинутой стройки хмурые лица горожан в поношенных куртках и бригад работников, вручную развешивающих гирлянды и другие праздничные украшения, создавали диссонанс.

На соседних экранах независимо друг от друга развлекали публику Котефан и Псач. Первый блогер, находясь в специальной студии, по видеосвязи одновременно разговаривал с несколькими музыкантами, пытающимися подручными предметами сыграть праздничные мелодии. На втором экране в полутёмной комнате Псач со зрителями мусолил темы применения оружия и вынужденного насилия ради всеобщего блага. Количество зрителей первого стримера превышало зрителей второго в сто раз.

В ногу кольнуло. Я остановился и тут же ощутил ещё и боль в боку. Медленными шагами захромал к складу Эндрея, срезая путь через двор.

На детской площадке девочки обступили кокрика и по очереди его гладили. Одна из них достала из кармана бантик и привязала его к длинному уху зверька. Животное не сопротивлялось, то ли смирившись со своей участью, то ли потеряв адекватную реакцию на раздражители из-за неизвестной болезни. Мальчики катались с горок и ели снег. Всё как обычно, только одежда была им велика, и фасон с необычными расцветками очень напоминал о флаге некогда цельного Северного Королевства. В соседнем дворе люди с сильным акцентом о чём-то активно спорили с местными. Решив не ввязываться в конфликт, я свернул на нечищеную дорогу. На карте этот путь был отмечен как нежелательный и опасный из-за пролегающей аэротрассы для почтовых дронов. Зато шагать по прямой дорожке метров на триста меньше, чем по безопасному пути с подземным переходом.

Скоростное шоссе и аэротрасса с пролетающими дронами отделяли жилую зону от промышленной — с заводами, производственными точками, складами, электроподстанциями.

Дождавшись паузы в движении машин, подпрыгивая, я кое-как перебежал шоссе, запыхавшись и взмокнув от нагрузки.

Я был не один, кто нарушал правила движения около аэротрассы: группа подростков веселилась, управляя маленькими коптерами с прицепленными баллончиками. Забавы ради они маневрировали в потоке больших дронов и стреляли по ним краской.

— Дедуля, районом не ошибся? Переход западнее. Или деменция одолевает?

— Да он из тех, кто путает реальность с фантазиями и решает достать из своей головы бегающих тараканов и зубастых теней.

Они грубо заржали.

— Доживите до моих лет. Я проводил самые сложные операции в городе, когда ваши отцы ещё в подгузники срали. Когда начнёте приносить Ягельску пользу, тогда и поговорим. Не люблю выскочек!

Рядом с хохочущими девушками лежали ящики и несколько брезентовых мешков. Вряд ли ребята притащили в них выпивку. Но как они обходят слежку Юманиты? И почему их коптеры не засекаются и не штрафуются? Стоило выведать полезную информацию.

— А дед забыл принять таблетки.

Молодёжь снова засмеялась. Двое самых крепких парней шагнули ко мне, разглаживая перчатки. Один казался старше из-за козлиной бородки. Второй, хоть и взбит мышцами, на лицо был совсем ребёнком.

С бородкой — заводила. Шрамы на бровях и погнутый нос — явно уличная закалка. Уши сломаны у обоих. Из какой-то секции? Значит, не стоит ввязываться в открытую драку, но надо извлечь максимальную пользу из ситуации.

— А ты в курсе, дедуля, если в Камнебетонном районе что-то происходит с человеком, то в лучшем случае его находят с инвалидностью, — процедил заводила сквозь зубы. — И гвардейцы даже не суются искать виновных, потому что с ними тоже может случиться что-то неприятное.

Мне вспомнились игры, где путь к сокровищу лежал через испытания и сражение с боссом.

— Легко угрожать старику, когда численный перевес пять к одному? Перед девицами решил петушинные крылья распустить? — я подставил большой и указательный пальцы ко лбу. — Кудахтай в курятнике, сосунок. Чем тут занимаетесь: балуетесь краской? Взрослые дяди перехватывают дронов и сбывают их на чёрном рынке.

— Дерзкий старичок. Думаешь, расколешь нас перед гвардейцами? Пусть бегают по городу и ловят кокриков с тенями, а про сбитые дроны мы ничего не знаем.

— Настолько ничего, что у тебя мозоли на пальцах от джойстиков и расширились зрачки при упоминании этой темы?

— Ловко он тебя уделал. Сыграй с ним, будет весело, — загалдели все.

— Больно много чести окажу дедуляну.

— Давай-давай, сам говорил, что с нами уже скучно и неинтересно. Девчонки, было же такое?

Я ещё раз присмотрелся к ящикам. Прошлые ударило по разуму, и я на долю секунды потерял контроль над телом. Никто не заметил. Судя по полустёртым штампам, ящики с мешками принадлежали гвардейцам. Не исключено, что внутри работала глушилка в пассивном режиме. От такого подарка судьбы грех убегать. Наградой за испытания может стать более ценный приз, чем груз со склада Эндрея.

Для молодёжи всё игрушки, но в те годы, когда мы воевали, среди нас были те, кому ещё предстояло дорасти и до козлиных бородок. Такие, в силу бесконтрольных эмоций, бесстрашно лезли на передовую.

— Струхнул, выскочка?

— Напрашиваешься, дедуля. Давай тогда поспорим. Если выигрываешь, то отпускаем на все четыре стороны. Можешь хоть обратно на трассу прыгать. Но если выиграю я, то или переводишь на мой счёт сумму с шестью нулями, одежда на тебе не из дешёвых, значит, можешь позволить...

Деньги меня уже не сильно интересовали. И по моему спокойствию юноша с бородкой это понял.

— ...или сразу поговорим как мужчина с женщиной. Обещаю, после разговора со мной даже застегнуть ширинку самостоятельно не сможешь.

— Предлагаю новые условия. Если выиграешь, то отдам заказ, который ожидает меня недалеко на складе. Согласись, что деньги я смогу легко вернуть, отозвав перевод. Вас быстро поймают и ещё посадят за мошенничество. А так — реальные вещи на руках. Но если я тебя обскачу, то забираю шутовину из ящика рядом с девушками.

Парни заготовили и хлопнули заводилу по плечу.

— Дружки твои оживились. Хотят поиздеваться над твоим проигрышем. Объясняй правила.

Козлобородый нагло ослабил:

— Ты не первый такой умный, поэтому знают, чем дело кончится. Будь по-твоему, по рукам. Слушай внимательно. Каждый из нас управляет коптером. Нужно облететь четыре точки. Эй, кабанчики, организуйте нам трассу. Видишь, дед, четыре коптера стартовали? К транспортной площадке, крыше на этой стороне, платформе у аэротрассы и к решётке. И обязательно шугнуть кокриков от кормушки, что местные дети выставили в проёме.

— Не вижу никакого проёма.

— Слева от нас, у ржавой подстанции. Не притворяйся, будто слепой. Чего руки дёргаются? Сможешь пролететь в щель? Или уже сдаёшься?

— Наше поколение никогда не сдавалось и не сдаётся.

— Знаем эти байки, в школе нажужжали изрядно. Обидно, что историю отменяют со следующего года. И без неё спокойно идею для жизни можно получить.

Я видел в парне желание проявить себя, доказать свою важность. Юманита даёт идею, но не объясняет, что с ней делать, как распоряжаться собственным временем, как оценивать идеи и старания других людей. Правительство сознательно разобщает граждан и обесценивает чужие заслуги. К чему придёт мир под властью нейросети через пятнадцать-двадцать лет, когда большую часть активного общества составят люди, выращенные на электронных ценностях?

Мне выдали джойстик. Удобный, с прорезиненными вставками и тактильной отдачей.

— Теперь ты с нами в одной преступной сфере. Управление незарегистрированными дронами запрещено, — парень задрал подбородок. — Если вздумаешь жаловаться, то тебя первым и задержат. От страха не охрип ещё полностью?

— Нашёл кого пугать. И всё с моим голосом в порядке: на ветру тяжело разговаривать. Что там ещё по правилам?

— Напоминаю, кто первый облетит четыре наших дрона, проскочит сквозь дырку в решётке и вернётся к стартовой точке, тот и победил. Готов, дедуля?

Осмотрел предстоящую трассу, зафиксировав в памяти расположение каждого дрона, и отметил самые опасные участки: пролёт у аэротрассы, большая стая птиц и дыра в ограждении.

— Всегда готов.

— Погнали.

Управление показалось слишком отзывчивым, поэтому мой четырёхпропеллерный коптер тут же чуть не врезался в землю. Летящий жук противника рванул вперёд и оторвался на несколько метров. Уняв дрожь в пальцах, я принялся нагонять.

Первый дрон-точка находился на ровном участке. Никаких сложностей с преодолением не возникло: дрон мигнул красным, зарегистрировав наши вертолётки. Снежинки красиво

взлетели вверх. Потом направил летательный аппарат на крышу маленького заводика, где кружил между трубами очередной дрон-точка. Мы не ускорились, выдерживая дистанцию.

Наверняка стоит ждать подвоха. Сконцентрируйся. Награда позволит завершить исследование.

Когда жук противника оказался рядом со вторым коптером, тот затормозил, дав себя обогнуть, но к моему прилёту уже набрал ход и закрутился вокруг труб, усложняя мне задачу. Я и не ожидал встретить честь у хулиганов.

Мне повезло: порывом ветра коптер-точку вцепило в антенну и зафиксировало в металлических прутьях. Воспользовавшись случаем, я ускорился и сократил отставание от противника, которого этим же порывом отнесло назад.

Парень с бородкой заёрзал. Третий коптер-точка направился в середину аэротрассы, создавая опасную ситуацию как для себя, так и для нас.

Надо придумать, как обходить новые дроны с камерами. На время останавливаю исследование, пока не решу задачу. Заводила вовремя подвернулся.

— Жульничаешь? Боишься проиграть?

— Не лепи чепухи. Я с закрытыми глазами могу облететь тебя.

Противник затормозил, пропуская череду дронов с большими грузами, после чего обогнул третий коптер и отправился к четвёртому.

Я выворачивал пальцы на пределе возможностей, надеясь, не сбавляя скорости, проскочить к третьему дрону, не ожидавшему моей наглости. Джойстик завибрировал. Трюк удался. Открылся путь к четвёртому коптеру, но я уже сбавлял ход, помня об опасном участке.

Жук соперника приближался к четвёртой точке, когда стая птиц решила пролететь наперерез. Парню удалось избежать прямого столкновения, но хвост птицы засосало в один из пропеллеров. Она вырвалась и с криком унеслась. Жук потерял скорость и завилел.

— Сейчас проиграешь деду, вот позор! Мы всем в чат скинем эту историю!

— Не надейтесь! Девчонки, добавьте краски в наше шоу.

Пара летунов взмыла в воздух и устремилась следом за мной.

Из-за болезни у меня мало времени. Нельзя останавливать исследование. Я обязан его закончить, иначе мне не очистить репутацию.

Оператор четвёртого дрона отвлёкся на веселье, поэтому не заметил, как я обогнул его коптер. Поравнявшись с противником, вместе целились в дыру в ограждении.

Девчачьи летуны атаковали краской мой. Первые несколько выстрелов прошли мимо, украсив сугробы, затем точные попадания размазались по корпусу, не задев винты. Дополнительный вес снизил максимальную скорость. От захлестнувших эмоций я уже не понимал: так сильно вибрирует устройство управления или дрожат мои руки.

— Девочки, спасибо за помощь. Возвращайтесь.

Щель с кормушкой приближалась, заводила вырвался вперёд.

— Забыл предупредить, дедуля, я не умею проигрывать.

Мой мозг автоматически высчитал оптимальный маршрут: облететь по малому радиусу и вернуться обратно к точке старта. Я делал это в авиасимуляторах. Когда-то обыграл дочь, после чего она невзлюбила компьютерные игры.

Я внимательно присмотрелся, как коптер парня аккуратно зашёл на траекторию, и повторил его манёвр. Жук по ровной линии пролетел через щель. Откуда тут же выскочили трое кокриков. Меж зверьём не протиснуться. Верный проигрыш. Была ни была. Развернув свой коптер, я направил его поверх решётки, а затем наперерез, где соперник будет перед финишем.

— Ты что делаешь, дед? Это против правил! Мы разобьёмся! Ребят! Стреляйте! Сбейте его! Иначе нас двоих превратит в крошево.

Один из парней вытащил из мешка длинное оружие и прицелился.

Своя мешающее визжание девушек, я определял выстрелы по электрическому щелчку. Несмотря на их усилия, мой аппарат приближался к сопернику, и любая попытка маневрировать только ухудшала его положение.

Джойстик задребезжал. Мой летун, потеряв управление, начал пикировать, но расстояние между нашими коптерами было уже небольшим. Жук вильнул к земле, избегая столкновения. Поломанные винты не стабилизировали его, отчего тот задом черкнул снег и закувыркался по земле. Разломанный летун замер у финиша. За секунды до этого мой аппарат кусками разлетелся по сторонам.

— Вот и всё дедуля. Я выиграл.

— Ты сделал наш день, дед. Отдавай заказ.

— Заработай денег и приходи ещё.

Дрожь в руках ушла. Теперь я был спокоен.

— Твой жук развалился, не долетев, а куски моего на финишном круге.

— Не жги мне уши. Ты не слетал в гнездо — раз. Нарушил правила — два. Ты мне не нравишься — это три.

Компания сгрудилась вокруг предводителя.

— Отговорки для бедных, — я знал, как вести себя. — Но дабы сохранить твоё лицо перед девушками, предлагаю второй раунд с изменением ролей. Теперь ты летаешь, а я пытаюсь тебя сбить из вон той винтовки.

Юнец взглянул на меня, наверное, прикидывая, смогу ли я удержать оружие и хоть раз выстрелить.

— Мне условия вздумал ставить, дедулян?

— Слушай, он же прав. Никто из вас нормально не долетел до финиша. Ещё одна забава. Не думаешь, что дед стреляет лучше баранчика, который уже наострился?

— Разик-то выстрелишь. Чтобы исключить случайность, дронов будет два. Мы с баранчиком летим, ты стреляешь. Если два промаха, то проиграл свой несчастный заказ.

— Если два попадания, то забираю с собой винтовку и ящик.

Девчонки завизжали от предвкушения.

От моего условия юнец не отказался, потому что это означало бы потерю лица. Я же вспоминал, когда в последний раз стрелял с настоящего энергетического оружия.

— Тогда до первого же промаха. Живчик, отключи цифрового помощника, выставь нелетальный режим и установи заряд на два выстрела. А с тобой весело, дед.

Винтовка оказалась легче, чем я предполагал. Палец лёг на спусковой крючок и нахлынули воспоминания. Я вновь ощутил под ногами мерзкую, избитую сотней человек в берцах землю, а по носу ударил запах вспучивающейся человеческой кожи. И крики, десятки предсмертных криков и мольбы о помощи врача, навсегда застрявших в моей голове. Тот же пот выступил по всему телу. Только сейчас целями выступят не накачанные пропагандой парни с заводов, а бездушные железки.

Дроны стартовали без команды. Я уже не помнил, когда успели обговорить маршрут полёта. Два блестящих жука лихо зашли на вираж, кружась в воздухе.

Движение приклада к плечу вышло автоматическим. Я лишь подумал о цели.

Дроны чуть затормозили, а затем ускорились.

Щелчок.

В мыслях пусто. Ничего. Совсем ничего.

Один летун закрутился в воздухе и аккуратно приземлился на крыше, на которой зашевелились какие-то тени. Тогда, в прошлом, это означало бы верную смерть. Сейчас же лишь секунды промедления, позволяющие второму летуну быть на подлёте к соседнему зданию.

Дав волю рефлексам, навёл ствол.

Щелчок.

Фантомная отдача из прошлого электрической болью прожгла плечо. Химический запах вновь проник сквозь фильтр и разодрал горло. Криков становилось меньше. Прокатилась волна булькающих стонов. Стекланные глаза, блестящие в разъеденном месиве, и остатки амуниции напоминали о том, что ещё несколько минут назад жижа была человеком с именем, желаниями, идеей, мечтами.

Второму дрону не суждено было долететь до следующей крыши. Летательный аппарат рухнул на пожарную лестницу, взорвав сугроб.

Глаза от напряжения слезились, пальцы немели. Я осознал, что в таком состоянии у меня не было возможности разглядеть второй дрон и взять его на прицел.

Но выстрел сделан. Цель обезврежена. Задание выполнено.

— Живчик, я же приказал отключить систему наведения!

— Она не работает! Клянусь, я отключил. Вот, смотри!

На дисплее винтовки горел ряд зачёркнутых символов.

— Быть такого не может! Ты из внутренних войск?

— А я тебя узнал, дедусян. Ты тот врач, убивший ребёнка на операции.

— Он — убийца с инцидента?

— Надеюсь, тебе до сих пор плохо спится. Убивать — это в твоей крови, видимо. Живчик, отдай деду винтовку и выдвори его с нашего района через специальный ход. А то ещё раскроет логово. Девочки, теперь настало время отдыха.

Молодёжь тут же забыла про игры и достала бутылки с алкоголем.

Живчик протёр винтовку тряпочкой, отдал мне, грустно посмотрел на начинающийся пир и подтолкнул меня в спину.

— А ящик?

— Шагай, хирург-убийца. Бери ствол и будь доволен. Теперь перед гвардейцами сам будешь оправдываться за незаконное хранение оружия.

Глушилка в ящике бы пригодилась, но испытывать судьбу ещё раз не стоило.

Мы прошли вдоль забора по узкой тропинке в снегу, затем пролезли между раскошенными плитами. Морозный воздух выгнал из головы хрипящие стоны и крики. Руки продолжали трястись.

Зачем я рисковал проектом всей своей жизни ради оружия, которое мне может и не пригодиться? Бредовая идея.

— Живчик, если не секрет, какую идею для жизни тебе выдала Юманита?

— Тебе-то чего? — огрызнулся парень. — Поиздеваться хочешь?

— Из чистого любопытства. Я большую часть жизни оставил позади, не зная ни про какие нейросети, Юманиты и прочую ерунду. И большая часть людей вокруг меня никогда не задумывалась об идее для жизни. Мы просто жили, иногда стараясь дотянуть лишь до следующего рассвета.

Табличка «Склад оружия» послужила ориентиром. Около неё располагалась знакомая мне дверь.

— После войны ещё какое-то время правительство тряслось о своей безопасности, — мой голос звучал на удивление ровно. — Мы ходили в патруль в этом районе, зная, что вся партия противогазов на складе бракованная. В табельном оружии оставляли по одному патрону, на случай начала очередной...

— Дед. Просто заткнись, — он пихнул меня в плечо. — Поворачивай направо. Обходи здание, шуруй прямо до дороги. И чтобы тебя больше не видели.

Мы встретились взглядами. Диалог без слов продолжался минуту или две.

— Водитель. Скучный водитель. Без каких-то перспектив.

— Придумай для себя перспективы и езжай к ним, водитель. Баловство со взломом дронов до добра не доводит.

До выхода на цивилизованные земли винтовку удалось кое-как спрятать под пальто. Стреляющая боль в ноге изменила мою походку, поэтому упирающийся в бедро приклад играл на достоверность.

Смеркалось. Вечер начал захватывать территории. Запах горячей еды из кафе с гребнем на крыше пробудил мой аппетит, но я лишь арендовал машину с парковки у «Подбитого когга». Винтовку спрятал под пластмассовую панель заднего сиденья, которое теперь оказалось немного приподнято. Около заведения уже летали дроны с тремя камерами.

Стоит ли ожидать гвардейцев с проверками? Я понадеялся на их занятость перед открытием чуда света.

Необходимый склад располагался по диагонали на север.

Проверил смарт: тот оказался заполнен новыми сообщениями от Марпы, Игоря, коллег по работе и Эндрея Юрова. И вновь никаких писем от дочери, имя которой забыл в очередной раз. Рина? Сабрина? Октябрина. Точно. Мы поссорились? Была в сети утром. Наверное, до сих пор спит. Может, не всё так плохо. Желания отвечать на сообщения не возникло, поэтому удалил все уведомления, завёл машину и неспешно поехал к вытянутому серому блоку, один в один совпадающему с десятком похожих блоков, выстроившихся до Северной улицы.

По пути я увидел на старой, заваленной снегом детской площадке девочку в розовой шапочке с помпонами на верёвочках. В окружении вылепленных холмиков она лопаткой заталкивала в ведёрко белую массу. Свет из окон близстоящих домов уже не расчерчивал территорию на квадраты, так как жильцов расселили, а здания признали аварийными.

Я заехал на стоянку, заглушил мотор и вышел на морозец. Солнце втягивалось в горизонт, рассеивая алые лучи. Свечение от масштабной стройки перекрывало красоту. Ближайшие экраны не работали. Чёрные прямоугольники немигающей темнотой всматривались в пустующие улицы.

Вокруг здания бегало несколько людей, обстукивая обшивку.

— Мужики, что случилось?

— Апокалипсис! Нашествие кокриков! Твари прогрызли ходы и всю хозяйничают внутри, портят товары.

— Главный кладовщик, Никола Витальевич, собирает установку, чтобы их всех убить.

Я был не против помочь избавиться от кокриков, а заодно узнать о возможной доставке.

Тёплая струя воздуха окатила меня на входе в склад. Среди длинных рядов пластиковых стеллажей крутился мужчина в толстенном бушлате. Он привязывал к стойкам колонки, подключал их к смарту и без конца поправлял медицинскую маску.

Подойдя на несколько метров ближе, я услышал звуки, похожие на фыркание и мяуканье.

— Уважаемый! Никола Витальевич? Главный кладовщик?

— Слышишь? Слышишь, как они боятся, как убегают обратно? Ушастые твари нашли лазейку и давай подгрызать. И, как назло, в этом месяце зимнюю часть склада арендовали под хранение морковки, — пробасил он раздражённо.

— Это звуки лисы?

— Верно? Тоже приходилось разбираться с кокриками?

— Когда-то давно оперировал лису из зоопарка, и та на послеоперационном восстановлении съела нескольких зверьков.

— Так вы тот доктор, о котором говорил Эндрей, верно? Он предупредил, что придёте. Я подготовил баллоны и остальное. Сектор А, первый ряд, ячейка с номером семнадцать. Дроны завтра-послезавтра. Заказ не пропадёт. Добавить громкости? Эти длинноухие совершенно глухие. Вывели зверьков, расплодили, а затем выпустили в город. Бестолковые.

— А маска тебе зачем?

— Аллергия от их шерсти, волдырями иду. Ещё грызут упаковки. Бессмысленные создания. Только вред приносят.

За несколько рейсов я вынес груз на улицу, а затем волоком оттащил до арендованной машины. Физические нагрузки плохо сказались на самочувствии. Нога отнималась, а пальцы уже не разгибались. Облокотившись на крышу машины, наблюдал за движением дронов вокруг кафе. Глаза и уши Юманиты продолжали караулить на том же месте. Вечерний сумрак уже распространился по городским улицам, уклоняясь от включившихся фонарей и летающих дронов с подсветкой. Один из таких быстро скользнул над моей головой, после чего на шею капнуло что-то склизкое и холодное. Я тут же убрал снегом неприятную субстанцию.

Неужели и такие игрушки текут маслом? Непохоже. Жжётся, будто кислотой брызнули. С севера разнёсся свист.

Я инстинктивно пригнулся и зажал уши. Через два вдоха яркая разноцветная вспышка окатила район, а затем раздался хлопок. Я расслабился и повернулся лицом к салюту. Огоньки взрывались над складскими линиями, кружились искорками и растворялись в вечерней полумгле. В момент ярких всполохов блестела шерстка испуганных кокриков, убегающих от звуко-светового представления.

По дороге в сторону севера проехала машина гвардейцев с включёнными мигалками.

В голове тут же возникло беспокойство за девочку в розовой шапочке.

Малышка отвлеклась от возни с лопаткой и тоже наблюдала за салютом. За её спиной у пустующего дома кто-то находился. Если это был человек, то он не шевелился. Фигура находилась на фоне то ли чёрной двери, то ли чёрного оконного проёма, отчего детальнее разглядеть её было невозможно.

С последним залпом фейерверка девочка пошла вдоль нежилого дома и свернула во двор. Человек до сих пор себя никак не выдал, а может, я переоценивал свою фантазию. Надо проследить за ними. Оружие для дронов поможет защитить малышку.

Дверь склада Эндрея Юрова распахнулась, и вместе с сигнализацией, грохотом и фырканием выскочили удалцы, что недавно заделывали дыры в обшивке.

— На помощь! Помогите!

— Не ори ты. Доктор где-то тут рядом. Запускай дрона, так его найдём быстрее.

Светлая точка поднялась в воздух и замаячила ярким лучом. Снег был усеян следами от маленьких лапок. Среди них отчётливо прослеживалась вдавленная линия от баллона. Дрон отыскал меня по ней.

— Доктор! Николе Витальевичу плохо! Помогите! У него отекла шея! Он задыхается!

Я сразу распознал начало аллергической реакции.

— Помогу. Тащите его к машине!

Пока работники несли кладовщика, я силился разглядеть девочку в розовой шапочке и силуэт. Ни первой, ни второго не увидел.

— Тяжёлый. Еле донесли. У вас салон занят, куда грузить?

— Кидайте в багажник. Доеду быстро.

На складе раздался протяжный свист, из окна что-то вылетело — повалил дым.

— Пожар! Скорей тушить.

Работники убежали заниматься возникшей проблемой.

Я осмотрел кладовщика: без сознания, дыхание затруднённое, на коже волдыри, на шее небольшой отёк. На смарте попытался открыть службу экстренной доставки лекарств, но приложение не запустилось.

— Жить будешь. Потерпи. Как бы тебя удобно разместить? Бушлат мешает. Теряю время. Нужно проследить за девочкой.

Резкая световая волна ослепила. На нежилом доме заработал экран. На другой стороне дороги, на пешеходной дорожке, стоял мальчик и выпученными глазами таращился на меня.

Подлетел пятипропеллерный дрон, осмотрел нас и направился на север.

Кладовщик закашлялся. Отёк начал разрастаться. Надо выбирать между девочкой и мужчиной.

— Мальчик! Если слышишь меня, кивни.

Тот будто промёрз насквозь.

— Беги во двор! Если заметишь, что девочка в розовой шапке в беде, кричи со всей мочи, зови на помощь, а затем привлеки внимание дронов или гвардейцев у кафе! Понял?

Ногу пострадавшего удалось спрятать. Захлопнул багажник. Открыл водительскую дверцу.

— Меня слышишь? Девочка в розовой шапке. Бегом!

Мальчик побежал во двор. Я со смарта вызвал туда же дежурную бригаду гвардейцев. Теперь как можно быстрее до больницы.

На выезде из Камнебетонного района удачно расположилась аптека «Леканевит». Через минуту заказ охладил мою руку. Баллончик с шумом выдохнул из себя лекарство в горло кладовщика. Похлопав его по щекам, удалось привести в сознание.

— Очнулся? Странная у тебя аллергия.

— Ох, как плохо. Где я? — мужчина слабым расфокусированным взглядом смотрел в небо, пытаясь оклематься от произошедшего.

— Резко не вставай. Мы на границе района, везу тебя в больницу. Перебирайся на переднее сиденье, — я помог ему подняться.

— Помоги. Бушлат давит. Наверное, кто-то запрешёнку упаковал в ящик. По мозгам шибануло. Маска слетела. А рядом ещё эта тварь мохнатая... Чужая, гвардейцы не просто так всполошились.

— Дыши глубже. Возьми аэрозоль. Перед следующим пшиком оставь его на пару минут в снегу.

Мы выехали на дорогу, идущую вдоль гидротрубы. Радостный свет праздничных украшений казался инородным после отрешённой темноты у складов. И уже скоро машина неспешно двигалась в плотном потоке Центрального района.

На экранах мелькали рекламы иностранных кафе быстрого питания с необычным зимним меню. На большом экране вместо трансляции привычных новостей от Юманиты запел хор девушек. Вышедшие за подарками и отличным настроением люди подпевали. Даже кладовщик оклемался и с интересом разглядывал предпраздничную суету.

Октябрина любит предновогодние дни. Каждый год ходит на концерты. В этом году я обещал ей купить билеты... или нет?

Реклама нового смарта-трансформера вынудила заелозить моего пассажира и развязала язык.

— Мохнатые черти, смарт на складе оставил. Можем заехать к Эндрею в магазин? Надо пожаловаться на владельца ячейки сто тридцать четыре.

Нестерпимый свет резанул глаза. Порыв ветра ударил по машине. Транспорт заглох. Звуки улицы скукожились до тишины, а затем взорвались криком. На капот упало что-то тяжёлое — пятипропеллерный дрон.

Слёзы защипали глаза. Сквозь летающие мушки я пытался разглядеть хоть что-то на улице с погасшими экранами, фонарями и табло.

Открыл дверь. Вышел, выволочив больную ногу.

Люди в панике бежали кто куда, спотыкаясь о валяющиеся дроны. Привычное освещение и отблески стройки исчезли. Необъятная конструкция впервые, насколько мне известно, погрузилась во мрак.

На огромном экране, залитом непроглядным чёрным цветом, вместо хора появились две красные точки.

Точки трансформировались в глаза.

Сквозь крик слышал мужское пение.

— Культисты. Адепты, штепы Обручева.

Смарт-ифтейс не ловит связь. Сети нет.

На экране глаза трансформировались в лицо взрослой женщины.

— Уважаемые граждане. Прошу соблюдать спокойствие и порядок. Произошло нештатное отключение электричества. Ожидайте скорейшего восстановления. Ничего не бойтесь. Юманита с вами.

Глава 9.

Быть номером один (четверг, 25 горзэма)

Раннее утро. Юманита оправилась от сбоя и пообещала возместить все финансовые, моральные и репутационные потери при оформлении необходимых электронных бланков. В новостях не говорилось о причинах сбоя, но каждый крупный стример объяснял зрителям, что подобные неурядицы закаляют и делают жителей сильнее. Вследствие этого Ягельск близится к возвращению права быть номером один не только в своей республике, но и во всей стране.

К дверям крупнейшего в городе религиозного здания тянулась длинная очередь. Люди, напуганные вчерашним отключением электричества, хотели отыскать спокойствие и опору в советах вокавья. И никого в очереди не интересовало электронное объявление о денежном вознаграждении при вступлении в ряды служителей веры, кроме юноши, всерьёз обратившего внимание на предложение. Культист с перекрёстка не соврал про деньги, а давление со стороны мужчин с логотипами холодильников порождало мотивацию и действия.

Лунег разглядывал деревянную вывеску: «Вокавья — это поиск сохранения души», топтался на месте, ёжился в новой куртке с вышитой эмблемой любимой музыкальной группы детектива Котера. Лиловое пальто отправилось в отпуск.

Тело побаливало, но сильнее терзала душу несправедливость.

— Кинул меня главарь со своей вешалкой. Если бы они согласились, то двое из трёх нужных мне людей уже бы нашлись. И как я мог так сильно вляпаться с игровым автоматом? — бубнил он себе под нос. — Если бы потребовали деньги, то ещё выкрутился бы... но отыскать трёх человек! И что говорит на это Юманита? А чокнутую нейросеть не заботят проблемы Лунег и прочих незащищённых жителей. Не успел подать документы на регистрацию? Получай новый чек на оплату пошлины. Как же меня бесит нейросеть! Глючная чучундра!

Бабушка смотрела на юношу немигающим взглядом и медленно чертила в воздухе оседающий знак.

— Что рукой машешь, бабуля? На мне печать демона. Не знала? Поэтому к каждому, кто освящает меня, ночью приходят слуги дьявола и пытаются антикультистской выпивкой, заливая то в рот или в нос, то в уши.

Плевков к своим ногам Лунег воспринял стойко — плюнув в ответ.

Бабка вне очереди забежала в дверь.

— Если останусь у вывески, то точно никогда не соберу трёх людей и не оформлю разрешение на производство... как их там... я же придумал название! Шарф с гнущимся экраном я назвал... Шейлинк! О, мои хорошие, мои любимые шейлинки. Хоть с юристом повезло, толковый парень. Но жадный до денег. Башковитый, но за дополнительную плату. Умеющий пробить дело, но за солидные бонусы. Лицо капитализма.

Юноша последовал за плюющей старушкой, успокаивая окружающих речами о неотложном деле и о своей исключительности и незаменимости.

— Пропустите, я за той бабушкой стоял. Расступитесь, важное дело. Дайте пройти. Сам глава культа вызвал меня. Без шуток. Объявил явиться незамедлительно! Если поможете мне, то вам зачтётся двойными небесными бонусами. Вы уже оформили акцию «Земля пухом»? Поспешите, время на исходе!

Никто не хотел скандалов и проблем, и Лунег быстро оказался по ту сторону входной двери.

Ищущего наживы первым делом удивила скромность убранства: приглушённый свет от ламп, вкрученных в старые плафоны, органично сосуществовал с длинными деревянными скамьями, протёртым линолеумом и грустными лицами, смотрящими в рамки с зеркалами.

Вторым откровением стало отсутствие икон: пока он шёл до главного зала, не нашёл ни одной.

— Дедушка, а здесь всегда так или вокавью кто-то ограбил? — поймал он мимо ковыляющего старичка. — Что? До ремонта выглядело хуже? Не удивлюсь, если у руководства собственные дачи у озера. А может, и собственные озёра рядом с дачами в пригороде Китилянки?

Дедушка заверил и поклялся, что руководство вокавья не любит столицу Соткамской республики и не станет скупать дачи на её окраинах. А ещё растолковал отсутствие икон принципиальной позицией вокавья. Следующий комментарий ушёл в навязывание рекламы, что надо брать правильные курсы, стремиться к оцифровке собственного «Я» и помогать культурам с поиском души.

Еле отвязавшись от разговора, Лунег продолжил исследовать здание.

На дверных экранах рекламировалась Ягельская энергосистема. Под звёздочкой в нижнем углу сообщалось о получении религиозным движением пятнадцати процентов с дохода от продажи электроэнергии. В некоторых кабинетах, судя по логотипам и развешанным флагам, сидели жители Разделённого Королевства и объясняли свои ценности и видение мира, воспевали поиск души с их технологиями и возможностями. Нигде не было золотых люстр, богатого камня, шикарных одежд из элитных магазинов. Будто отборные скромники захватили религиозный центр.

На закрытых створках висели рекламные плакаты завершившихся проектов вокавья, связанных с цифровизацией души, — платные курсы в школы физиков и математиков, ежемесячные онлайн-конференции с учёными России, сотрудничество с больницами Лапландии.

В центральном зале велась служба.

«К кому обратиться-то? Кто здесь самый главный?»

Присмотревшись, Лунег отметил вместо единого большого служения десятков маленьких собраний с непонятными обрядами и почитаниями.

На смарт пришло сообщение от нейросети. В красиво оформленном письме Юта сказала о культурном вреде, наносимом вокавья: «...преследование узких, непопулярных, технически отсталых целей, поощрение стадности и формирование неправильных идеалов, которые разрушают целостность и самобытность Ягельска: обещанием отыскать и сохранить душу завлекают к себе и подсаживают на денежные списания». В конце сообщения огромным жирным шрифтом красовалась строка: «Ваша идея для жизни „Продолжение дела отца“». Выданная нейросетью идея, которую Лунег всячески избегал, появлялась в случайных окнах смарта.

«Эра великого кино прошла. Теперь необходимо иначе пробиваться на вершину славы. Мой отец говорил: „Величие обжигает толпу“. Я стану великим вопреки твоим вредительским советам, чучундра, и весь город ослепнет от лучей моей крутизны! Только для начала необходимо скопить денег для регистрации шейлинга».

В углу зала около широкого стола велась запись людей. Заинтересовавшийся Лунег пристроился рядом понаблюдать. Тут формировались отряды для поиска маньяка-похитителя. Каждому записавшемуся выдавались электронные брошюры для агитации людей к проявлению бдительности и с просьбой информировать вокавья обо всех найденных сведениях. Никакой денежной награды не выдавалось и не обещалось.

— Ну вы смешные. С такими розысками похититель может спать спокойно. Девушка с волосами до седалища, ты с ними?

— Здравствуйте, да.

— И не стыдно заниматься подобной ерундой? Позор вокавья! Любительский уровень. Такими методами даже потерявшуюся кошку не отыщете.

Длиннокосую девушку в приталенном чёрном костюме с вышитыми на рукаве цифрами «1» и «0» отвлекли добровольцы, и та переключила внимание на них.

Лунег всё равно записался, движимый собственным обещанием поймать маньяка. От электронной брошюры с презрением отказался. Закончив оформление, пошёл вдоль зала, цепляя за руку всех, кто внешним видом походил на рассудительного человека. Все из тройки пойманных вежливо отказались разговаривать.

— Приглашаете в свои деревянные хоромы, а дальше что? Где вступить? Где деньги получить? Я сегодня нервный. Из моего дома вывезли игровой автомат с орешками, поцарапав пол. Когда я слушал музыку, отключилось электричество, и игла поцарапала пластинку. Кто возместит ущерб? Юта? Не поленюсь заявиться к ней и поцарапать серверы, чтобы знала: нервировать самого красивого парня города — большая ошибка. Подождите. У вокавьи посидеть и отдохнуть на стульях — платная опция?

Вмонтированные в спинки кресел терминалы мигали жёлтыми огоньками. Строка «На гармонию и развитие» медленно плыла по экранам.

«И ни слова не говорят про вчерашнюю вспышку, отключение электричества, новый стиль Юты! Я же утром вычитал в пересланном сообщении из Малопогоста про их взаимосвязь. А где новость-бомба про продажу зашифрованного архива с документами от Макарова? Почему в Малопогосте это обсуждается, а в Ягельске молчок? Развод? Дезинформация? Спокойнее, Улун».

Та самая девушка с длинной тёмно-русой косой подошла к Лунегу и привлекла его внимание.

— Мужчина, уважаемый. Чем могу вам помочь? Какая печаль привела вас сюда в столь трудное время?

— Нужны три добровольца в конкретную больницу, чтобы от меня отстали сумасшедшие охранники из музея. А ещё хотелось бы снабдить весь город новым модным аксессуаром. Я достаточно чётко выразился?

— Никакие больницы не нуждаются в добровольцах, — умиротворённо возразила девушка. — Вокавья сотрудничает со всеми медицинскими учреждениями, но запроса на неквалифицированные рабочие руки нет. Вчерашнее происшествие, к счастью, обошлось без жертв. Думаю, вы знаете, что вокавья поощряет скромность...

— Я устал это слушать, — случайная собеседница почему-то раздражала Лунегу. — Если считаешь меня дурачком, то мне неинтересно твоё мнение. И вообще, я не разрешал со мной разговаривать. Даже здесь не найти уважения. Кто тут главный? Я хочу с ним поговорить.

— Фрол Вильсович в данный момент занят. Если пройдёте со мной, то вокавья поможет вам избавиться от гнева, желчи и негативных мыслей, — проигнорировала его грубость она, отвечая так же спокойно, как начала разговор.

— Прощай, длиннокосая. Хотя и мила личиком, но нам не найти общий язык. Приставай к другому ландышу-лавандышу, продвигая байки про гармонию. Я вижу, как на деревянных креселках удобно гармония ищется.

Лунег развернулся и, лавируя между группками людей, пробрался в соседний зал. Тут стулья уже были обиты бархатом, на стенах висели экраны, транслирующие природные красоты страны, а перед собравшимися читал лекцию мужчина в чёрном костюме.

— Здравствуйте, люди, где найти главного?

Люди зашипели и призвали к совести Лунегу.

— Понял, нервных не беспокоить. А среди уравновешенных есть добровольцы для каких-то непонятных дел в больнице?

Мужчина в костюме попросил его покинуть зал, Лунег не стал сопротивляться.

Следующее помещение встретило гостеприимной музыкой. Люди собирались кружком около маленьких переносных памятников и что-то обсуждали. Проходя меж ними, Лунег виртуозно балансировал телом, чтобы никого не задеть. Но, споткнувшись о ступеньку, рукой опёрся об одиноко стоящую женщину, которая жгла сушёную траву над разукрашенной скульптурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.